

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР «БАЛТИЙСКАЯ ЕВРОПА»

БАЛТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальные проблемы истории
Юго-Восточной Прибалтики в XX веке

Сборник научных трудов

Выпуск 4

Калининград
2009

УДК 947:948(08)
ББК 63.3(45)я43
Б207

Редакционная коллегия:

И.О. Дементьев, канд. ист. наук — ответственный редактор;
А.В. Барсукова, канд. ист. наук; *И.И. Жуковский*, канд. полит. наук;
Д.В. Манкевич; *М.А. Манкевич* — секретарь редакции;
В.И. Повилайтис, кандидат философских наук

Ответственность за достоверность
публикуемых материалов несут авторы

Б 207 Балтийские исследования. Актуальные проблемы истории Юго-Восточной Прибалтики в XX веке: сборник научных трудов / АНО НОЦ «Балтийская Европа». — Калининград: Изд-во «НЭТ», 2009. — Вып. 4. — 142 с.

ISBN 978-5-903823-14-7

В сборнике представлены научные статьи молодых российских историков. Статьи посвящены различным проблемам истории Юго-Восточной Прибалтики – бывшей германской провинции Восточная Пруссия, Калининградской области РФ, Литовской Республики.

Предназначается преподавателям и студентам вузов для использования в учебной и научно-исследовательской деятельности, а также всем тем, кто интересуется проблемами истории региона Балтийского моря.

УДК 947:948(08)
ББК 63.3(45)я43

ISBN 978-5-903823-14-7

© Коллектив авторов, 2009
© АНО НОЦ «Балтийская Европа», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	4
Раздел 1. Балтийский регион. Век XX	
<i>Манкевич М.А.</i> Без посредников: переговоры Литвы и Польши в Кёнигсберге (1928 г.).....	6
<i>Золотов Д.В.</i> Эвакуация морем немецкого населения и военных частей с территории Восточной и Западной Пруссии (январь – май 1945 г.)	14
<i>Фёдорова О.Г.</i> К проблеме заселения Клайпедского края в 1945 г.	21
<i>Манкевич Д.В.</i> «На Западе нет больше Восточной Пруссии. . .» Проблемы становления Калининградской области в работе первых партийных конференций (1947–1950 гг.).....	29
<i>Баторшина И.А.</i> Формирование курса Литвы на европейскую интеграцию в первой половине 1990-х гг.	38
Раздел 2. Научные сообщения	
<i>Мегем М.Е.</i> Литва Миндовга и северо-западные русские княжества....	54
<i>Голованов М.В.</i> Восточнопрусское направление политики Фридриха II после завершения Семилетней войны (1763–1768 гг.)	59
<i>Грекова Ю.С.</i> К вопросу о роли немецких учёных в национальном возрождении литовцев Восточной Пруссии во второй половине XIX – начале XX в.	68
<i>Доронищева В.Н.</i> Тильзит – Советск: история новой жизни.	73
<i>Брокер Е.Н.</i> Архитектурное развитие Калининграда в первые послевоенные годы. Общенациональные черты и региональная специфика	78
Раздел 3. Историография. Библиография	
<i>Чапенко А.А.</i> Современная российская историография об участии латышей во Второй мировой войне на стороне Германии в 1941–1945 гг.	85
<i>Кретинин Г.В., Манкевич М.А.</i> Советская Литва (1940–1965 гг.): некоторые вопросы историографии.	92
<i>Дементьев И.О.</i> На пути к третьей программе: о перспективах развития калининградской локальной историографии	98
Дипломные работы по истории Балтийского региона (2005–2009 гг.)	112
Раздел 4. Научная жизнь. Инициативы по регионалистике	
<i>Манько О.Х.</i> О развитии познавательных способностей учащихся при изучении курса «История западной России. Калининградская область».....	125
<i>Чумаков А.Д.</i> Знать, помнить, размышлять	137
<i>Сведения об авторах</i>	140

ОТ РЕДАКЦИИ

«Балтийские исследования» задумывались в 2002 г. как сборник, в котором будет звучать голос молодых исследователей, занимающихся проблемами истории региона. За эти годы были опубликованы статьи историков и политологов из Белоруссии, Германии, Латвии, Литвы, Польши, России, Словакии, Финляндии и Эстонии. Со второго выпуска каждый сборник сопровождается подзаголовком, обозначающим общую тему основных материалов издания. В 2004 г. это была тема «Национальные и религиозные меньшинства в Балтийском регионе» (вып. 2), в 2005 – «Трансформация социальных и политических институтов» (вып. 3). Настоящий выпуск мы хотели бы посвятить различным недостаточно исследованным в российской литературе проблемам истории того микрорегиона, который образуют сегодня Калининградская область России, части Литвы и Польши – то есть бывшей Восточной Пруссии. Общего термина, который был бы удачным во всех отношениях, нет: в калининградской историографии утвердилось определение «Юго-Восточная Прибалтика». Это понятие включает прежде всего территории бывшей Восточной Пруссии – в двадцатом веке неоднократно перекраивались границы, менялся статус районов, происходили миграции населения. И всё же мы останавливаемся на такой теме для нашего сборника, которая – с известной долей условности – отражает содержание представленных статей: «Актуальные проблемы истории Юго-Восточной Прибалтики в XX веке».

Авторы публикуемых статей которых обсуждают важные проблемы современной историографии в России: причины и пути разрешения конфликтов между соседями в контексте истории международных отношений (М.А. Манкевич), положение гражданского населения Восточной Пруссии на завершающем этапе Второй мировой войны (Д.В. Золотов), миграционные процессы и становление советских политических структур на территории бывшей провинции Восточная Пруссия (О.Г. Фёдорова, Д.В. Манкевич),

интеграция балтийских государств в европейские структуры на рубеже веков (И.А. Баторшина). По традиции публикуются научные сообщения, отражающие разнообразие профессиональных интересов молодых калининградских историков. В следующем традиционном разделе содержатся краткие обзоры современной российской и литовской историографии.

С первого выпуска «Балтийские исследования» рассматривались также как своего рода справочное издание, позволяющее следить за сменой приоритетов региональной историографии в Калининградской области. По умолчанию актуальными считаются темы дипломных сочинений, защищаемых на историческом факультете Российского государственного университета им. И. Канта. Поэтому в настоящем выпуске, как и прежде, мы публикуем краткие аннотации успешно защищённых дипломных работ. По этому материалу можно сделать выводы об основных векторах развития современной вузовской науки в Калининграде.

На сей раз почти все авторы этого выпуска – калининградцы, исследователи, работающие в самом западном российском регионе. Нам приятно предоставить страницы для публикации очерка нашего коллеги из Мурманска А.А. Чапенко. Его материал посвящён сложной проблеме, которая в разных странах находит различные решения. Выводы автора, по существу, созвучны мысли, к которой пришёл известный вольтеровский герой: *нужно возделывать свой сад*. Следует продолжать работу, изучать источники и литературу, читать на иностранных языках, работать в архивах, общаться с коллегами, представлять плоды своего исследовательского труда на конференциях, публиковать статьи. Скромное участие в возделывании небольшого участка в саду российской исторической науки мы предлагаем вашему вниманию.

Редакционная коллегия

Раздел 1

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН. ВЕК XX

М.А. Манкевич
(Калининград, Россия)

**БЕЗ ПОСРЕДНИКОВ:
ПЕРЕГОВОРЫ ЛИТВЫ И ПОЛЬШИ
В КЁНИГСБЕРГЕ (1928 г.)**

С воссозданием после окончания Первой мировой войны независимых Польши и Литвы одной из главных международных проблем в Прибалтике стал вильнюсский конфликт. Военное и дипломатическое противостояние из-за древней столицы литовских королей и центра польской культуры стало главным содержанием и одновременно камнем преткновения в польско-литовских отношениях в 1918–1939 гг. Захват города в 1920 г. польскими войсками и присоединение его ко Второй Речи Посполитой всколыхнули литовское общество, которое отнюдь не готово было смириться с потерей главного символа литовской государственности. Борьба за Вильнюс шла по всем фронтам: польские и литовские дипломаты сражались друг с другом на арене Лиги Наций; публицисты, деятели науки и культуры жарко дискутировали о принадлежности города на страницах прессы; на территории Литвы и Польши создавалось бесчисленное количество общественных организаций, ратовавших за то или иное решение вильнюсской проблемы.

Ко второй половине 1920-х гг. страсти вокруг судьбы Вильнюса накалились настолько, что стороны были в состоянии вести переговоры только при посредничестве Лиги Наций. В 1927 г. после дебатов на осенней сессии наконец было ликвидировано состояние войны между Польшей и Литвой. В резолюции Совета Лиги от 10 декабря сторонам рекомендовалось достичь «добротного согласия»

путём непосредственных переговоров, то есть без участия какого-либо посредника¹.

Подготовка к первым за долгое время двусторонним переговорам между Польшей и Литвой велась на протяжении зимних месяцев 1928 г. В январе-феврале состоялся обмен дипломатическими нотами. Инициатором выступила Польша, выдвинув на повестку дня четыре вопроса: 1) движение через границу; 2) почтовое и телеграфное сообщение; 3) железнодорожное сообщение; 4) транзит. Литовское правительство со своей стороны в ноте от 16 января потребовало вынесения на переговоры вопроса о ликвидации последствий и компенсациях за акцию генерала Л. Желиговского². В затянувшейся переписке дипломаты из ноты в ноту высказывали претензии друг к другу: например, министр иностранных дел Литвы А. Вольдемарас писал польскому коллеге А. Залесскому: «...Вы ошибочно интерпретируете наши беседы, изменяя содержание визитов вежливости, приписывая мне неправильные слова...»³.

Необходимо отметить, что правительство Литвы сознательно медлило с началом переговоров. Это объясняется как внешне-, так и внутривнутриполитическими причинами. С одной стороны, установление дипломатических отношений с соседом угрожало литовской экономике, поскольку импорт польского продовольствия мог повредить сельскохозяйственному производству самой Литвы. Кроме того, польско-литовское соглашение было невыгодно Германии, опасавшейся, что после окончания конфликта Литва будет присоединена ко Второй Речи Посполитой, и тогда территория Восточной Пруссии окажется окружена значительно усилившейся Польшей. Стремясь сохранить своё положение в регионе, Германия усиливала экономическую зависимость Литвы посредством предоставления ей всевозможных торговых льгот⁴.

¹ *Tautų Sąjungos Tarybos rezoliucija lietuovs klausimu // Lietuvos ir Lenkijos santykiai 1917–1994. Dokumentų rinkinys. Vilnius, 1998. P. 90.*

² *Budecki Z. Stosunki polsko-litewskie po wojnie światowej 1918–1928. Warszawa, 1928. S. 81–82.*

³ *Lietuvos nota Lenkijai // Vilniaus aidas. 1928. № 26. P. 1.*

⁴ *Vilkelis G. Lietuvos ir Lenkijos santykiai Tautų Sąjungoje. Vilnius, 2006. P. 154.*

Не менее важным фактором для установления дипломатических отношений с Польшей было и внутреннее положение Литвы. После переворота 1926 г. и прихода к власти партии таутининков положение правительства оставалось непрочным. На протяжении 1927 г. произошло два антиправительственных путча¹. Все политические партии Литвы высказывались за урегулирование отношений с Польшей только в том случае, если будет возвращён Вильнюс. Лозунг «Мы без Вильнюса не успокоимся» был очень популярен в широких слоях общества, которые были настроены против переговоров.

Назначенный Советом Лиги Наций секретарь по польско-литовскому разбирательству Б. Ван Блокланд 6 марта отослал правительству Литвы телеграмму с просьбой предоставить информацию о ходе переговоров и приглашением принять участие в сессии Совета². Эта просьба была неожиданностью для Литвы, поскольку сами переговоры так ещё и не были начаты. В своём ответе А. Вольдемарас подчеркнул, что этот вопрос нельзя включать в распорядок работы Совета Лиги, поскольку договор от 10 декабря 1927 г. не предусматривал учреждения какого-либо наблюдательного органа для осуществления контроля³. Подобная неумещающаяся заинтересованность Лиги, по мнению литовского историка Г. Вилкялиса, побудила литовское правительство начать диалог с Польшей⁴.

Местом встречи был избран Кёнигсберг, где 30 марта 1928 г. открылись двусторонние польско-литовские переговоры. Делегацию Польши возглавил А. Залесский, делегацию Литвы – А. Вольдемарас. Дипломаты двух стран прибыли в столицу Восточной Пруссии с разными целями. Поляки были нацелены на установление отношений с Литвой и подписание приемлемого для обеих сторон договора. Таким способом Польше удалось бы принудить Литву признать *status quo*, в том числе и в вильнюсском вопросе.

¹ *Žepkaitė R.* Lietuva ir didžiosios valstybės. 1918–1939 m. Kaunas, 1986. P. 112.

² *P. Bloklando telegrama Lietuvos valdžiai // Vilniaus aidas.* 1928. №30. P. 1.

³ *Prof. Voldemaro atsakymas // Vilniaus aidas.* 1928. №30. P. 2.

⁴ *Vilkelis G.* Op. cit. P. 163.

Литовская делегация прибыла на переговоры, настроенная не вступать ни в какие соглашения. А. Вольдемарас ещё в январе, будучи в Берлине, признался Г. Штреземану, что для Литвы было бы лучше всего оставить отношения с Польшей такими, какие они есть, уклониться от какого-либо соглашения, не устанавливая не только политических, но и экономических связей¹.

Различные цели отразились и в тактике переговоров обеих делегаций. Если поляки стремились обсудить и подписать соглашения по частным вопросам, то литовцы придерживались иного мнения, считая, что разговор о нормализации отношений нужно начинать с наиболее важных и общих тем.

Поляки представили три проекта типовых договоров: 1) проект конвенции по вопросу льгот в польско-литовской торговле; 2) проект соглашения о почтовом и телеграфном сообщении; 3) проект договора о железнодорожном сообщении между Польшей и Литвой. Литовская делегация предложила для рассмотрения два документа: 1) перечень расходов, понесённых Литовской Республикой в результате деятельности генерала Л. Желиговского; 2) записку по вопросу о безопасности². Ущерб литовского государства, понесённый в результате потери Вильнюса, был оценён в 10 миллионов долларов, не считая убытков частных лиц³.

Поляки согласились рассмотреть вопрос репараций, однако выставили литовцам свои претензии, предложив возместить ущерб, понесённый Польшей из-за нарушения Литвой нейтралитета во время советско-польской войны, а также убытки от деятельности литовских партизан в 1920 г. С самого начала переговоров польская делегация вела себя довольно сдержанно и последовательно, показывая свою готовность обсуждать самые разные вопросы, за исключением вильнюсского.

Во втором документе, представленном литовской делегацией, Польша обвинялась в организации заговора против Литвы, в создании тайных антилитовских организаций, в организации покушения

¹ *Žepkaitė R.* Op. cit. P. 111.

² *Budecki Z.* Op. cit. S. 83.

³ *Žalys V.* Lietuvos diplomatijos istorija (1925–1940). Vilnius, 2006. T. 1. P. 354.

на президента Литвы. В итоге предлагалось создать общую комиссию для расследования этих преступлений. В ответ на эти обвинения А. Залесский заявил: для того, чтобы убедить в ошибочности представленной информации, польское правительство приглашает в Варшаву литовского посланника, который сможет информировать власти своей страны обо всех вопросах, касающихся Литовской Республики¹. Кроме того, польская сторона предложила подписать договор о ненападении, который воспрепятствовал бы возможности агрессии с обеих сторон.

Предложение А. Залесского о пакте ненападения не было принято литовской делегацией, как, впрочем, и все проекты остальных соглашений, предложенных Польшей. Во время переговоров А. Вольдемарас всё время возвращался к захвату Вильнюса генералом Л. Желиговским в 1920 г. и нарушению Сувалкского договора. Отвергая решение конференции послов Антанты от 15 марта 1923 г., признавшей Вильнюс частью Второй Речи Посполитой, А. Вольдемарас отказывался обсуждать какие бы то ни было предложения польской делегации. Даже вопросы почты, телеграфа, железнодорожного сообщения переносились литовцами в политическую плоскость, поскольку написание письма из Литвы в Вильнюс будто бы означало пересылку письма в Польшу. А это в свою очередь означало бы *de facto* признание Вильнюса частью Польши².

Литовское общественное мнение со скепсисом следило за ходом переговоров с Польшей. В прессе на тему приближающихся переговоров регулярно появлялись статьи с нелестными отзывами о польской стороне. Например, в газете «Вильнюсское эхо» 15 марта 1928 г. в статье о будущей встрече в Кёнигсберге было опубликовано следующее: «...вы, поляки, не желали вести с нами переговоры непосредственно по поводу всего конфликта, а поспешили пойти путём силы (желиговщины) и растоптали подписанное временное соглашение, мы с вами не будем разговаривать до того времени, пока не свернёте с недружественного пути и не восстановите существовавшее прежде положение»³.

¹ Budecki Z. Op. cit. S. 87.

² Žalys V. Op. cit. P. 354.

³ Karaliaučius belaukiant // Vilniaus aidas. 1928. №31. P. 1.

Ещё накануне и уже в ходе переговоров в Кёнигсберге А. Вольдемарасу было отправлено множество телеграмм от различных литовских общественных организаций, протестующих вообще против любых переговоров с поляками и ратующих за немедленную передачу Вильнюса Литве. Все эти послания были собраны и опубликованы организацией «Союз освобождения Вильнюса» в брошюре под заголовком «Мы без Вильнюса не успокоимся! (Литовское общество и Вильнюс)»¹. В сборнике опубликовано 115 телеграмм от более чем пятисот организаций — студенческих и преподавательских союзов, сельских сходов, объединений почтовых служащих и других. Во введении к сборнику говорится о том, что в те мартовские и апрельские дни сотни организаций сплотились в едином порыве, чтобы убедить руководство страны не идти ни на какие компромиссы с поляками, обходя стороной разбирательство по поводу Вильнюса². Вот пример текста одной из типичных телеграмм:

«Премьер-министру Литвы
(телеграмма в Кёнигсберг)

На сегодняшнем общем собрании почтовые служащие Посвальского отделения Союза освобождения Вильнюса единогласно постановили просить Ваше Превосходительство не устанавливать нормальных отношений с нашими обидчиками-поляками до тех пор, пока они не вернут нам вероломно похищенную нашу дорогую столицу Вильнюс...»³.

На общем заседании обеих делегаций А. Вольдемарас произнёс пламенную речь, разоблачавшую несправедливые действия Польши с точки зрения литовской истории. Несмотря на то, что А. Залесский расценил такое поведение руководителя литовской делегации как попытку срыва переговоров, внешне польская делегация постаралась не реагировать на этот демарш. Когда после трёх дней переговоров казалось, что они уже зашли в тупик, А. Вольдемарас предложил продолжить переговоры в комиссиях по изучению отдельных вопросов⁴.

¹ *Mes be Vilniaus nenurimsim!* (Lietuvos visuomienė ir Vilnius). Kaunas, 1928.

² *Ibid.* P. 3.

³ *Ibid.* P. 30.

⁴ *Žepkaitė R.* *Op. cit.* P. 111.

Были созданы три комиссии, в которые вошли представители обеих делегаций: экономическая, по вопросам сообщения и транзита (руководители Д. Заунюс, М. Шумлаковский); юридическая (В. Сидзикаускас и А. Тарновский); по безопасности и урегулированию вопросов прошлого (Т. Головка)¹. Комиссии работали с мая по июль 1928 г. в Каунасе, Варшаве и Берлине². С одной стороны, работу комиссий осложняли различия во взглядах на принадлежность Вильнюсского края. Литовцы во всех комиссиях придерживались одной и той же тактики: Польша несправедливо присоединила к себе Вильнюсский край, и пока она не признает, что это спорная территория между двумя странами, Литва не пойдёт ни на какое соглашение с Польшей³. С другой стороны, и те, и другие рассматривали создание комиссий как свою тактическую победу: по мнению поляков, переговоры по техническим вопросам непременно вели к установлению отношений с Литвой; литовцы надеялись с помощью переговоров по техническим вопросам уклониться от обсуждения вопроса о признании *de jure* Вильнюса за Польшей.

К работе комиссий было приковано общественное внимание, особенно граждан Литовской республики. Когда дипломаты прибыли для работы в Каунас, нельзя было избежать стихийных антипольских демонстраций. Хотя время отъезда польских дипломатов не было объявлено, на вокзале столпилось множество студентов. Когда поезд тронулся, послышались недружественные выкрики в адрес поляков: «До Варшавы, господа! Верните Вильнюс, разбойники!»⁴.

За ходом польско-литовских переговоров следила и Лига Наций. Об их ходе секретарь Б. Ван Блокланд проинформировал Совет Лиги на июньской сессии 1928 г. Представитель Великобритании А. Чемберлен выразил обеспокоенность из-за затянувшихся переговоров и из-за объявления Вильнюса столицей в новой конституции Литвы, а представитель Франции П. Бонкур порекомендовал установить конкретную дату окончания переговоров⁵.

¹ Žalys V. Op. cit. P. 355.

² Vilkelis G. Op. cit. P. 164.

³ Žepkaitė R. Op. cit. P. 111.

⁴ Mačiulis P. Trys ultimatumai. Brooklyn; New York, 1962. P. 31.

⁵ Vilkelis G. Op. cit. P. 164.

Итоговая встреча польских и литовских делегаций в Кёнигсберге не принесла каких-либо решений по существу польско-литовского конфликта. 7 ноября 1928 г. обе стороны подписали в столице Восточной Пруссии только одно конкретное соглашение по поводу местного сообщения через административную линию¹.

Соглашение было очень важно для приграничных жителей, прежде всего крестьян, проживавших как с одной, так и с другой стороны границы. Демаркационная линия длиной в 521 км пересекала более чем сотню крестьянских хозяйств. На литовской стороне оставалось 5300 га земли, принадлежавшей крестьянам, живущим на польской территории, а на стороне Польши 3040 га принадлежало крестьянам, проживавшим в Литве². Соглашение облегчало положение приграничных жителей, регламентировало выдачу им пропусков особого образца, а также порядок пересечения границы в установленных местах для работы на своей земле³. Это был единственный успех двусторонних переговоров. На него обращал внимание международной общественности А. Вольдемарас, выступая 14 декабря 1928 г. на заседании Совета Лиги в Лугано: «Результаты были достигнуты и с точки зрения общих интересов. Мы урегулировали ситуацию на линии, которая впрямь называется административной "литовско-польской линией"»⁴. Министр иностранных дел Литвы считал, что дискуссия в Кёнигсберге ещё не закончена. Но его польский коллега А. Залеский полагал иначе, говоря о провале кёнигсбергских переговоров.

Совет Лиги Наций оценил усилия обеих стран в переговорах, опираясь на постановление 10 декабря 1927 г., и пригласил далее в переговорах руководствоваться упомянутым соглашением и своими рекомендациями⁵.

¹ *Laikinas susitarimas tarp Lietuvos ir Lenkijos dėl lengvatų gyventojams, kurių ūkius perkerta arba atskiria administracinė linija // Lietuvos ir Lenkijos...* P. 91–94.

² *Žepkaitė R.* Op. cit. P. 112.

³ *Laikinas susitarimas...* P. 92–94.

⁴ *Natkevičius L.* Aspect politique et juridique différend Polono-Lituanien. Kaunas, 1930. P. 242.

⁵ *Vilkelis G.* Op. cit. P. 166.

Д.В. Золотов
(Калининград, Россия)

**ЭВАКУАЦИЯ МОРЕМ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ
И ВОЕННЫХ ЧАСТЕЙ С ТЕРРИТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ПРУССИИ
(ЯНВАРЬ – МАЙ 1945 г.)**

После того, как в январе 1945 г. советские войска отрезали территорию Восточной, а затем и Западной Пруссии от остальной Германии, перед немецким руководством остро встала проблема эвакуации на запад, в центральную часть страны, гражданского населения, военных частей и наиболее ценного военного и промышленного имущества из этих отрезанных провинций. Осуществить столь масштабное мероприятие можно было только морским путём с помощью частей немецкого военно-морского флота. В отечественной историографии эта операция практически не изучалась, сведения о ней были отрывочными и касались в основном действий советских подводных лодок и авиации на немецких морских коммуникациях. В статье на основании опубликованных советских и иностранных источников рассматривается эвакуация гражданского населения Восточной и Западной Пруссии.

Эта проблема была поднята уже после того, как войска Красной армии вышли на границы Восточной Пруссии осенью 1944 г. Необходимость эвакуации обуславливалась несколькими причинами: прежде всего нужно было сохранить безопасность мирного населения, которое могло пострадать от ведения крупномасштабных боевых действий. Кроме того, колонны беженцев не могли помешать свободному маневрированию и ведению боевых действий немецкими войсками. Однако внутри руководства Пруссии по этому вопросу единой позиции не существовало. Военные неоднократно настаивали на немедленном осуществлении эвакуации, полагая, что в случае начала боевых действий все дороги окажутся забиты солдатами и беженцами, что вызовет хаос и затруднит управление войсками. Но местное руководство НСДАП во главе с гауляйтером Э. Кохом, в чью компетенцию входил вопрос проведения эвакуации,

придерживалось противоположного мнения: Восточная Пруссия должна была быть удержана любой ценой, а следовательно, эвакуация не была необходимой. Несколько совещаний, проведённых по этому вопросу военными и партийной верхушкой, ни к чему не привели (последнее состоялось 11 января 1945 г. накануне советского наступления). В итоге эвакуация Кёнигсберга официально была объявлена только 27 января 1945 г.¹ К этому времени масса беженцев, снявшись с места, в панике устремилась к побережью в надежде достичь порта Пиллау или переправиться на косу Фрише-Нерунг и оттуда попасть в Данциг или Готенхафен, чтобы эвакуироваться морем на запад.

В первую неделю советского наступления судьбой беженцев никто всерьёз не занимался. Партийное руководство спасало собственные жизни, а военные ставили интересы ведения боевых действий выше жизни местного населения. Показателен случай, произошедший в конце января в Хайлигенбайле. Сюда, на берег залива Фришес-Хафф, с четырёх сторон стекались колонны беженцев, намеревавшихся перейти по льду на косу Фрише-Нерунг, однако, чтобы провести из Эльбинга торпедные катера, командование вермахта отдало приказ пробить ледоколами полынью от Эльбинга до Пиллау: в результате в течение целой недели переправа беженцев на косу была невозможна².

На государственном уровне вопрос о начале эвакуации беженцев из Пруссии морем был поставлен 22 января на совещании у фюрера. Первоначально для этой цели планировалось использовать 18 пароходов, которые были обеспечены углем на три недели, в дальнейшем число судов должно было быть увеличено. Гитлер настаивал, что основная задача – не эвакуация беженцев, а вывоз ценной материальной части и войсковых частей. Беженцев можно было вывозить попутно, при наличии места на борту пароходов, когда они

¹ См.: *Ляш О.* Так пал Кёнигсберг. М., 1991.

² *Отчёт* суперинтенданта Хайлигенбайля в Восточной Пруссии Пауля Бернекера о ситуации с беженцами в январе – феврале 1945 г. в заливе Фришес Хафф // Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз // Восточный фронт. [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://ef.1939-1945.net/b001_011_2.shtml#top>.

возвращались из районов, подлежащих эвакуации¹. Тем не менее, в тот же день командующий флотом гросс-адмирал К. Дениц под свою ответственность отдал приказ о проведении операции «Ганнибал». Эта операция имела целью вывезти из Пруссии на военных, вспомогательных и привлечённых для этой цели гражданских судах как можно большее количество военных и населения. Она была реализована, несмотря на неодобрение Гитлера.

Вывоз беженцев осуществлялся из портов Пиллау, Данциг, Готенхафен и Хель. Чаще всего гражданское население прибывало в Пиллау или добиралось до Данцига и Готенхафена, где садилось на транспорт, идущий в Германию, или любыми плавсредствами, лодками, баржами, ледоколами и даже военными кораблями, торпедными катерами и подводными лодками доставлялось на рейд косы Хель и размещалось на находившемся там транспорте, который в составе конвоев и поодиночке эвакуировал людей в Киль, Свиномюнде, Засниц и Копенгаген². На обратном пути суда доставляли в Пруссию боеприпасы, продовольствие и другие виды снабжения для немецких войск, продолжающих борьбу с Советской армией.

Большое количество беженцев, прибывавших в порты, вызывало сложности с их размещением, снабжением и управлением. Поэтому в ряде мест на побережье для гражданского населения организовывались промежуточные лагеря. В январе такой лагерь был создан по дороге на Пиллау на берегу Кёнигсбергского канала в Пайзе³. Организован он был плохо, продовольствия не хватало. Тем не менее, из него также происходила эвакуация людей в Данциг и на косу Хель – нередко под обстрелом советской артиллерии военными кораблями. Так, 7 и 8 февраля тяжёлые артиллерийские батареи «Джост» и «Параат» перевозили беженцев из Пайзе в Готенхафен⁴; из Нойкуруна – в Хель через Пиллау⁵.

¹ *Майстер Ю.* Восточный фронт – война на море 1941–1945 гг. М., 2005. С. 180.

² *Морозов М.* Гибель «Вильгельма Густлофа»: правда и домыслы // *Мифы Великой Отечественной.* М., 2008. С. 325.

³ *Ляш О.* Указ. соч.

⁴ *Майстер Ю.* Указ. соч. С. 160.

⁵ *Бедкер Г.* Горе побеждённым! Беженцы III Рейха. 1944–1945 гг. М., 2006. С. 69.

В январе-феврале беженцы отправлялись в Германию из Данцига и Готенхафена, куда могли заходить крупные лайнеры и торговые суда. Но во второй половине марта Красная армия вплотную подошла к этим портам, а советская артиллерия стала обстреливать гавани. В этих условиях эвакуация беженцев стала осуществляться преимущественно малыми военными кораблями после захода солнца. До утра военные суда, плавучие батареи, сторожевики и эскортные корабли совершали несколько рейсов в порт, вывозя беженцев и солдат на рейд Хеля. Например, в ночь с 25 на 26 марта тяжелая плавучая батарея «Соэмба» вывезла из Готенхафена 1100 человек¹. Позднее советские подразделения установили на позициях прожекторы, позволявшие вести обстрел гаваней ночью, однако эвакуация беженцев продолжалась.

В начале 1945 г. порты Пруссии были наводнены беженцами, частично или полностью лишёнными питания и крова в ожидании очередного транспорта для эвакуации. Среди людей, проводивших долгие часы в неизвестности в Пиллау, Данциге и Готенхафене, царил неразбериха, нередко переходившая в панику. Ужас перед наступающей Красной армией дополнялся страхом погибнуть в море от действий советских подводных лодок и авиации. После потопления транспорта «Вильгельм Густлоф» некоторые беженцы предпочли даже вернуться в родные дома². Тем не менее, подавляющее большинство стремилось любой ценой попасть на корабли, что было непросто из-за нехватки плавсредств. Для судов, идущих из портов побережья, в частности из Пиллау, не существовало ни очередности, ни списков пассажиров, место на таком судне могло стоить целое состояние, чем беззастенчиво пользовались некоторые капитаны³; часто при посадке на корабль действовало «кулачное право». Людям, не имевшим денег, оставалось ждать следующего судна или отправляться в Данциг и Готенхафен пешком по косе Фрише-Нерунг. Но там дела обстояли не лучше. В первые недели после начала эвакуации попасть на транспорт, идущий в Германию, можно

¹ *Майстер Ю.* Указ. соч. С.161.

² *Ляш О.* Указ. соч.

³ *Торвальд Ю.* Разгром на Востоке. Поражение фашистской Германии. 1944–1945. М., 2006. С. 76.

было по специальным проездным документам, чем активно пользовалась верхушка НСДАП. Документы и билеты продавались за баснословные суммы, процветала спекуляция. Не доставшие билетов беженцы пытались пробраться на корабли тайно, отмечены были попытки женщин пронести своих мужей на борт в багаже¹.

После того, как беженцы размещались на транспорте или военном корабле, идущем в Германию, они получали инструктаж на случай возможной катастрофы², что было нелишним, если учесть то обстоятельство, что, как правило, на борт поднималось гораздо больше людей, чем было положено по инструкциям, и спасательных средств для них могло не хватить. Известен случай, когда одно из небольших судов, рассчитанное на 50 пассажиров, перевезло на запад 300 человек за один рейс³. Военный транспорт, торговые и другие корабли собирались на рейде Хеля, одновременно там могло находиться до 40 различных судов. Здесь их заправляли топливом, что было затруднительно из-за частых налётов советской авиации, формировали конвои, но, как правило, из-за недостатка конвойных кораблей они охранялись плохо. Часто конвой не превышал одного-двух тральщиков, что увеличивало опасность торпедной атаки. С другой стороны, большинство судов вооружалось зенитной артиллерией, повышавшей безопасность во время налётов советской авиации.

Для вывоза беженцев были мобилизованы суда торгового флота, гражданские лайнеры, часть вспомогательных судов немецкого ВМФ. Таковым был и печально известный лайнер «Вильгельм Густлоф», до 1945 г. выполнявший функции плавучей казармы для офицеров и матросов 2-й учебной дивизии подводного плавания. Кроме него к эвакуации были привлечены и другие вспомогательные суда флота, находившиеся в Данциге, Готенхафене и Пиллау: «Кап Аркона» (за несколько рейсов вывезла 27561 беженцев и военных), «Роберт Лей» (27288 человек), «Гамбург» (22117 человек), «Ганза» (21131 человек), «Дойчланд» (21046 человек), «Потсдам» (17528 человек), «Претория» (16662 человека), «Берлин» (15286

¹ Там же. С.101–102.

² Там же. С.102.

³ Бедкер Г. Указ. соч. С. 75.

человек), «Генерал фон Штойбен» (14660 человек), «Монте Роза» (13882 человека), «Антонио Дельфино» (13589 человек), «Винрих фон Книпроде» (10123 человек), «Убена» (9554 человека) и «Гойя».

Необходимо отметить, что эвакуация массы беженцев, военных частей, учебных подразделений ВМФ и раненых требовала привлечения к перевозкам большого числа судов. Нехватка последних заставляла использовать для эвакуации военные корабли 2-й боевой группы. Эвакуация гражданского населения не входила в их задачи, они осуществляли артиллерийскую поддержку немецких сухопутных частей и сдерживание подразделений Красной армии, но, покидая по той или иной причине район боевых действий, брали на борт беженцев. Так, карманный линкор «Адмирал Шеер» вывез на запад 1000 беженцев, а легкий крейсер «Лейпциг» – 500 человек¹.

В течение двух ночей 4 и 5 апреля немецкий флот осуществил операцию под кодовым названием «Вальпургиева ночь», когда 27 быстроходными баржами, 25 катерами и другими плавсредствами на косу Хель были эвакуированы последние 8000 солдат 7-го танкового корпуса, оборонявшего укрепрайон Оксхейфтер Кемпе, и 30000 беженцев². После этой операции западное побережье Данцигской бухты перешло в руки советских войск. Эвакуация беженцев и военных частей морем из Пруссии продолжалась и после падения Данцига, Готенхафена и Пиллау. До 8 мая немецкий флот продолжал вывозить людей с косы Хель, так и не попавшей в руки советских войск.

Точное количество эвакуированных беженцев с территории Восточной и Западной Пруссии неизвестно, но из всех районов окрестности на Балтике (Кёнигсберг, Данцигская бухта, Кольберг, Свиномюнде) морем было вывезено 1668000 беженцев и 448500 военнослужащих³ (по другим данным, более 2,5 миллионов)⁴, подавляющая часть из этого количества приходилась на район

¹ *Кофман В.Л.* Карманные линкоры фюрера. Корсары Третьего рейха. М., 2007. С. 137; *Трубицын С.Б.* Легкие крейсера типа «Нюрнберг». 1928–1945 гг. СПб., 2006. С. 18.

² *Прагер Х.Г.* Последний год войны на Востоке. М., 1996. С. 52.

³ *Блэйр К.* Подводная война Гитлера, 1942–1945: жертвы. М.; СПб., 2001. Ч. 2. С. 444.

⁴ *Морозов М.* Указ. соч. С. 328.

Пруссии, около 900 000 человек было вывезено из портов Данцигской бухты и Хеля и около 450 000 – из Пиллау¹. При этом потери флота нельзя назвать значительными: согласно немецким источникам, в результате действий советской авиации, подводных лодок и на минных постановках было потеряно от 24 до 65 шедших в Германию судов с войсками и беженцами² (по советским данным, было потоплено более 100 транспортов и кораблей)³. Наиболее крупными потерями считаются военные транспорта «Гойя», «Вильгельм Густлоф» и «Генерал фон Штойбен», на которых в общей сложности погибло около 15 000 немецких беженцев, а также солдат и офицеров армии и флота. Отметим, однако, что большинство потопленных советской авиацией и флотом судов являлись законными целями. Так «Вильгельм Густлоф» нёс специальную маскировочную окраску, имел на борту помимо беженцев около 1300 военнослужащих ВМФ и был оснащён легким зенитным оружием, что делало его реальной целью для торпедной атаки. Тем не менее, общие людские потери при эвакуации составили около 20 000 человек⁴ (одну половину составили беженцы, а другую – солдаты вермахта⁵), однако более 99% беженцев, раненых и военнослужащих достигли портов центральной Германии и Дании благополучно.

Таким образом, несмотря на неудовлетворительную организацию и запоздалое начало проведения эвакуации гражданского населения из Восточной и Западной Пруссии, немецкий флот провел её вполне успешно. Экстренная мобилизация позволила привлечь для вывоза беженцев достаточное количество гражданских и вспомогательных судов флота. Количество эвакуированного населения и войсковых частей и небольшое количество понесённых потерь позволяет оценивать эту операцию как одну из самых успешных операций подобного рода в мировой истории.

¹ *Майстер Ю.* Указ. соч. С. 181.

² *Руге Ф.* Военно-морской флот третьего рейха. 1939–1945. М., 2003. С. 430; *Майстер Ю.* Указ. соч. С. 169–170.

³ *Золотарёв В.А.* Три столетия российского флота, 1941–1945. М., 2005. С. 231, 234.

⁴ *Бедекер Г.* Указ. соч. С. 88.

⁵ *Майстер Ю.* Указ. соч. С.181–182.

О.Г. Фёдорова
(Калининград, Россия)

**К ПРОБЛЕМЕ ЗАСЕЛЕНИЯ
КЛАЙПЕДСКОГО КРАЯ В 1945 г.**

После Второй мировой войны перед руководством Литовской ССР стояли две крайне важных задачи: заселение Клайпедской области¹ и восстановление её народного хозяйства. В Клайпедде, по сообщению первого председателя горисполкома Бергаса, в феврале 1945 г. оставалось всего несколько человек, в сельских районах Клайпедской области на 20 июня 1945 г. насчитывалось чуть более 6 тыс. немецкого населения².

Сугубо демографическая проблема иногда приобретает политическое звучание, мешая объективно оценивать процессы восстановления народного хозяйства. Многие литовские историки сегодня говорят о сформировавшемся «засилье» представителей советских республик среди жителей Клайпеды, о негативном отношении новых жителей города к истории, культуре, традициям, о превалировании русского языка в городском документообороте, о советской номенклатуре, большинство которой составляли русскоязычные люди, об

¹ В обиходе название «Клайпедская область» появилось уже в феврале 1945 г. См. напр.: LCVA (Литовский государственный исторический архив). F. R-755. Ap. 2. B. 35. L. 36–38 «Постановление бюро ЦК КП (б) Литвы «О разработке мероприятий по восстановлению административного аппарата и народного хозяйства в Клайпедской области», февраль 1945 г.». Впоследствии более привычным стало название «Клайпедский край».

² См. Центральный архив министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 241. Оп. 2539. Д. 817. Л. 213 «Справка о численности немецкого населения, зарегистрированного комендатурой 3-го Белорусского фронта, по состоянию на 1-е мая 1945 г.»; там же. Д. 789. Л. 56–57. «Справка... на 15 мая 1945 г.»; там же. Л. 96. «Справка... на 15 июня 1945 г.». См. также: *Очерки истории Восточной Пруссии*. Калининград, 2004. С. 422.

особых условиях обеспечения номенклатуры продовольственными товарами, сухими пайками и т.д.¹

Руководство Литвы при восстановлении Клайпедского края рассчитывало на собственные людские ресурсы. Однако эти расчёты оказались совершенно не обоснованы: не учитывались трудности, вызванные общей численностью населения республики и его качественным (профессиональным) состоянием.

Перед войной численность населения Мемельского края (по немецким данным) составляла 134 тыс. человек, в том числе в самом Мемеле проживало 41297 человек². Чтобы восстановить жизнедеятельность этого региона, руководство республики должно было изыскать на своей территории и переселить во вновь приобретённую область порядка 130 тыс. человек.

После потери в марте 1939 г. Клайпеды и получения от СССР в октябре 1939 г. Вильнюса и Вильнюсской области, население Литвы насчитывало 2 925 271 человек (по данным на начало 1940 г.)³. Возвращение Клайпеды Литве в 1945 г. численность населения республики не увеличивало. Между тем, только в 1941–1944 г. потери населения составили около 400 тыс. человек. Всего к концу войны в Литве оставалось чуть более 2,4 млн человек⁴. В 1944 г. начался обмен населением между СССР и Польшей (за 1945–1950 гг. из Литвы уехало в Польшу свыше 200 тыс. поляков). В правительственной телеграмме из Вильнюса в Москву сообщается:

¹ *Vareikis V.* Klaipeda zwischen der Sowjetunion und der litauischen SSR, 1945–1990 // Nordost-Archiv. Im Wandel der Zeiten: Die Stadt Memel im 20. Jahrhundert. Lueneburg, 2002. Bd. 10. S. 129, 134 u.a.

² *Hermanowski G.* Ostpreußen. Wegweiser durch ein unvergessenes Land. Augsburg, 1996. S. 170, 280.

³ LCVA. F. R-755. Ар. 2. В. 34. Л. 14 «Справка оперативной группы по вопросам восстановления народного хозяйства Литовской ССР при СНК Лит. ССР о численности населения городов и уездов, 1944 г.». Примерно о такой же численности населения – 2 879 070 чел. – сообщают и советские документы, приведённые в совместной работе литовских и российских историков: *СССР и Литва* в годы Второй мировой войны. Т. 1. СССР и Литовская республика (март 1939 – август 1940 гг.): сб. док-тов. Vilnius, 2006. С. 460.

⁴ LCVA. F. R-755. Ар. 2. В. 34. Л. 13 «Справка оперативной группы ...».

на 1 января 1946 г. в Литовской ССР проживало 411 тыс. городского, 1 млн 885 тыс. сельского населения. Всего в республике, таким образом, насчитывалось 2 млн 296 тыс. человек¹.

И дело даже не в том, что республике надо было переместить в Клайпедский край 5–7 % своего населения. Клайпеду планировалось использовать в общесоюзном масштабе как один из незамерзающих портов СССР на Балтике. Восстановленная послевоенная Клайпеда должна была стать одним из экономических и промышленных центров Литвы. Секретарь ЦК КП(б) Литвы А. Снечкус недаром говорил: «Клайпеда является нашим важнейшим промышленным центром и единственным портом Литвы, и мы будем делать всё, что потребуется для его развития»². Кроме ликвидации последствий войны в коммунальной сфере, в городе планировалось создать современный морской торговый порт, восстановить рыбный комбинат, ввести в строй судоверфь, деревообделочный комбинат, рыбообрабатывающие заводы №1 и №2, фанерную фабрику, хлопчатобумажный комбинат «Триничай», шерстопрядильную фабрику «Гульбе», спиртопивоваренный завод, суперфосфатную фабрику «Артояс», цементный завод, электростанцию и т. д. Значительные работы планировалось провести в сельской местности.

Все эти масштабные мероприятия предстояло осуществить в обезлюдевшем после войны крае. Более того, требовалось не просто заселить край, а направить сюда специалистов. Урбанизация Клайпеды оказалась под угрозой: кадровые возможности Литвы были скудными. В марте 1945 г. общая численность рабочих и служащих в республике составляла 175 831 человек, из них в промышленности и строительстве было занято около 60 тыс.³ Мало изменилась ситуация и после окончания войны. Осенью 1945 г.

¹ LCVA. F. R-363. Ap. 1. B. 162. L. 148 «Копия правительственной телеграммы заместителя уполномоченного Госплана СССР Каспировича из Вильнюса в Москву, в управление статистики, 22 января 1946 г.».

² Цит. по: *Vareikis V.* Op. cit. S. 128.

³ LCVA. F. R-755. Ap. 2. B. 35. L. 11 «Сводный отчёт ЦСУ Литовской ССР о численности и заработной плате рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства за апрель месяц 1945 г.».

общая численность рабочих и служащих составила 176 229 человек, в промышленности и строительстве – сократилась до 50 тыс.¹

Примечательно, что все наркоматы и ведомства Литовской ССР в Клайпеде должны были восстановить и реконструировать фабрики, заводы, порты, другие предприятия, то есть выполнить прежде всего строительные работы. Строительные профессии оказались в 1945–1946 гг. исключительно дефицитными. Между тем, республиканское статуправление сообщало, что численность рабочих строительной и монтажных специальностей в Литве с февраля по октябрь 1945 г. составляла от 5 до 11,5 тыс. человек. Специалисты из союзных республик начали приезжать только летом, а массово — только осенью-зимой 1945 г.

В апреле 1945 г. руководство республики предприняло попытку упорядочить использование рабочих, направив их на наиболее важные объекты восстановления. С этой целью в Литве 26 апреля 1945 г. была объявлена трудовая мобилизация, в соответствии с которой города и уезды должны были направить по выданной им разнарядке СНК Литовской ССР рабочих в соответствующие ведомства и организации. Только Вильнюсу нужно было мобилизовать 11900 рабочих. Однако мобилизация сорвалась: удалось привлечь около 1,5 тыс. человек. Условия проживания, работы, питания рабочих были таковы, что мобилизованные просто «сбежали домой»².

Определённым выходом из положения стало использование на восстановительных работах труда военнопленных, тем более, что их на территории Литвы насчитывалось 35 тыс. человек³. Принимается решение: создать в Клайпеде лагерь военнопленных на 6 тыс. человек, из которых 1,5 тыс. направить в морской порт. Впрочем, такого количества военнопленных Клайпеда не получила. Документы сообщают, что их численность в отдельные периоды

¹ Ibid. L. 30 «Сводный отчёт ... за октябрь 1945 г.».

² Ibid. L. 31, 33. Распределение прибывших рабочих по наркоматам и ведомствам.

³ LCVA. F. R-755. Ap. 2. B. 159 «Материалы по вопросам, поднятым во время правительственных сессий в Москве. 1946 г. (Копии писем). L. 30 «Письмо А. Снечкус наркому внутренних дел СССР Круглову об использовании военнослужащих на восстановительно-строительных работах».

достигала 4,5 тыс. человек. В мае 1946 г. в Клайпедском лагере насчитывалось 4,1 тыс. военнопленных¹.

Контингент военнослужащих сыграл важнейшую роль при восстановлении города. Так, при организации морского торгового порта планировалось, что он будет иметь штатную численность рабочих и служащих около 3 тыс. единиц. Однако списочная численность в 1945 г. составила всего 778 человек. Грузооборот порта не корректировался в зависимости от численности рабочей силы. Кроме того, надо было одновременно вести работы по очистке порта и его акватории от последствий войны. В сентябре 1945 г. в 16-й Литовской стрелковой дивизии был создан рабочий батальон численностью 1000 человек для работы в порту. Затем туда же было направлено 950 военнопленных.

Впрочем, использование труда военнопленных имело и вторую сторону медали. Помощь народному хозяйству города была, но фактическая выработка такого «рабочего» составляла только 67 % плановой. Естественно, она не могла не сказаться на грузообороте порта, который смог выполнить плановые задания только на 40 %. Всё было очень просто: не хватало как квалифицированной рабочей силы, так и специалистов инженерно-технического состава².

Следует учесть, что городу использование труда военнопленных было выгодно: местный бюджет не нес никаких затрат на их содержание. Охрана, перевозка, обеспечение питанием, медицинское и коммунальное обслуживание – всё это возлагалось на НКВД СССР.

Для восстановления инфраструктуры города, создания новых промышленных предприятий, развития в целом нужны были рабочие руки извне – из источников, расположенных за пределами республики. Стало ясно, что помочь Клайпедке никто, кроме союзных

¹ LCVA. F. R-754. Ap. 13. V. 68. L. 59 «Письмо председателя Госплана Лит. ССР М. Шумаускаса А. Снечкусу о выполнении постановления Совмина Литвы от 8 мая 1946 г. "Об использовании военнопленных на строительномонтажных работах" в Клайпедке».

² LCVA. F. R-755. Ap. 2. V. 159. L. 18–20 «Докладная записка заместителя секретаря ЦК КП (б) Литвы Римшелиса А. Снечкусу о работе Клайпедского морского торгового порта».

республик, не мог, тем более в морской и других специфических отраслях народного хозяйства.

Естественно предположить, что в Клайпеду приехало много переселенцев из других регионов СССР. Массовой кампании, подобной переселению в Калининградскую область, не было. В Клайпеду из советских республик ехали только специалисты (конечно, с семьями). Можно ли определить их количественный состав?

Даже если принять, что приток специалистов в Клайпеду мог составить порядка пяти тысяч в год (по аналогии с Тильзитом, куда за первый послевоенный год приехало из различных регионов от трёх до пяти тысяч человек), определяющего значения среди населения города русские, белорусы и представители других национальностей играть не могли. На 1 июня 1946 г. в Клайпедде насчитывалось 20 440 жителей, в ноябре – 26 314, а уже в декабре – 29 090 жителей¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что в переписке с учреждениями союзного центра местные органы власти, ведомства и организации практически у всех союзных наркоматов запрашивали специалистов, выпускников ремесленных училищ, молодых рабочих по комсомольскому набору и т.д.

Так, Главное управление Трудовых резервов при СНК СССР должно было «направить в распоряжение СНК Литовской ССР, в течение августа-сентября месяца, из числа выпускников ремесленных училищ, 1000 квалифицированных рабочих (600 строителей, 300 металлистов и 100 деревообработчиков), в том числе для Клайпедского Морского порта: металлистов различных специальностей – 50 человек, строительных рабочих – 150 человек»².

В свою очередь, наркомторг СССР должен был «снабдить грузчиков, механизаторов, оперативных и складских работников,

¹ LCVA. F. R-363. Ap. 1. В. 162. L. 129 «Справка ЦСУ Совета Министров Литовской ССР «Численность городского населения по Лит. ССР на 1-е июня 1946 г.»; Ibid. L. 105 «Отчёт ЦСУ Литовской ССР ЦСУ Госплана СССР об итогах регистрации актов гражданского состояния за 1946 г.», декабрь 1946 г.

² См., напр.: LCVA. F. R-755. Ap. 2. В. 34. L. 74–81 «Постановление СНК Литовской ССР и бюро ЦК КП (б) Литвы «О первоочередных мерах по восстановлению народного хозяйства Клайпеды», февраль 1945 г.».

рабочих промышленных предприятий и строителей, а также ИТР порта в Клайпедде, продовольственными товарами по нормам... для рабочих предприятий особого списка; установить дополнительное второе горячее питание для названных групп работников, увеличив лимиты наркомморфлота на 1500 человек; выделить для руководящих работников Клайпедского порта лимиты обедов литер «Б» на 25 человек, сухие пайки по нормам особого списка на 25 человек, обеды по специальным обеденным карточкам на 75 человек»¹.

Естественно, что прибывшие специалисты обеспечивались в льготном порядке и жильём. Всё это и вызывало недовольство литовской части населения, не занятой в силу отсутствия необходимых профессиональных навыков на предприятиях, подобных морскому порту.

Насущными задачами, стоявшими перед новой областью Литвы в первые месяцы советской власти, в понимании её руководства, были подготовка и проведение весенних сельскохозяйственных работ. Предполагалось, что в Клайпедской области весной 1945 г. будет организовано 30 совхозов по три отделения в каждом. Две недели давалось Наркомзему на разработку плана развития сети совхозов, машинно-тракторных и научно-исследовательских станций и других учреждений. К 15 февраля административный аппарат области должен был быть укомплектован специалистами аграрных специальностей, по тридцать директоров совхозов, старших бухгалтеров, агрономов, 90 управляющих отделениями должны были прибыть к новым местам работы. Ещё месяц отводился Наркомзему для подбора и направления в уезды Клайпедской области трёх тысяч крестьянских семей, которые должны были составить основу образуемой сети сельскохозяйственных предприятий на селе. Каждой семье планировалось выделить около 20 га земли. Кроме того, новосёлам предписывалось осуществить присмотр незаселённых сельских хозяйств поблизости².

Однако кампания 1945 г. по включению земель Клайпедской области в сельскохозяйственный оборот с самого начала оказалась неудачной. Литовские крестьяне не стремились к переселению.

¹ Ibid. L. 80.

² Ibid. L. 36–37.

Совнарком СССР, обеспокоенный «вялым» заселением Клайпеды и её окрестностей, 12 июня 1945 г. обязал литовские власти в течение июня-июля переселить 9600 крестьянских семей из других уездов Литвы¹. 20 июня московское постановление было продублировано постановлением СНК Литовской ССР и ЦК КП(б) Литвы². Кажалось, что планировавшееся партийным руководством республики первоначальное переселение 3000 крестьянских семейств было даже перевыполнено. На 20 июля в область переселились 3584 семьи. Однако такое количество населения, даже с учетом 2436 семей местного, не эвакуированного немцами местного населения, задачи восстановления сельского хозяйства не решало.

На исходе осени 1945 г. СНК Литовской ССР был вынужден констатировать, что исполкомы республики неудовлетворительно выполняют постановление СНК и ЦК КП(б) Литвы от 20 июня³.

В постановлении отмечалось, что на 1 ноября 1945 г. план переселения крестьян и сельхозрабочих был выполнен только на 64,2 % (из 9600 семейств или хозяйств переселено всего 5399). Особенно отставали от плановых назначений Укмергский уезд – 10,8 % (процент выполнения), Алитусский – 13,7 %, Утенский – 14,5 %, Лаздийский – 20%. Отмечалась без конкретизации (халатность это или умысел) плохая работа исполнительных органов власти на местах. В частности, вместе с крестьянами по разнарядке СНК Литовской ССР должны были ехать на новое место жительства учителя, специалисты сельского хозяйства, медицинские работники и т.д. Но этого не происходило. Выдача единовременного пособия переселившимся крестьянам и рабочим совхозов задерживалась (на 1 ноября из переселившихся 5399 хозяйств денежную ссуду получили только 1223). Продажа тёлок (наиболее значимый момент из льгот

¹ LCVA. F. R-755. Ap. 2. V. 34. L. 284 «Справка о заселении уездов Клайпедского края по состоянию на 20 июля 1945 г.».

² LCVA. F. R-755. Ap. 2. V. 124. L. 179 «Постановление СНК Литовской ССР и ЦК КП(б) Литвы «О переселении крестьянских хозяйств и рабочих совхозов в Клайпедский, Шилутский и Пагегяйский уезды из других уездов Литовской ССР», 20 июня 1945 г.».

³ Ibid., L. 179–180 «Постановление СНК Литовской ССР "О выполнении постановления СНК Литовской ССР и ЦК КП(б) Литвы от 20 июня 1945 г. № 128 о заселении Клайпедского края"».

переселенцам в условиях послевоенного голодного времени) переселенцам, не имевшим скот в местах прежнего проживания, не производилась.

Эти и другие недостатки переселенческой политики, включая запоздавшую её реализацию, привели к фактическому срыву сельскохозяйственного года в Клайпедском крае. Выяснилось, что самостоятельно решить аграрную проблему края простым переселением туда крестьян Литва не может, по крайней мере, в короткие сроки. 1945-й год был упущен.

Д.В. Манкевич
(Калининград, Россия)

**«НА ЗАПАДЕ НЕТ БОЛЬШЕ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ...»
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В РАБОТЕ ПЕРВЫХ
ПАРТИЙНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ (1947–1950 гг.)¹**

В государственно-политической системе СССР главным звеном управления являлись *партийные* структуры, *советские* учреждения действовали в рамках стратегических решений, выработанных в недрах ВКП(б) – КПСС. При этом центральные органы (съезд, Политбюро, ЦК), местные организации (обкомы, райкомы, горкомы) и, разумеется, партийные руководители всех уровней решали многие текущие вопросы, были не только стратегами, но и тактиками сферы государственного управления².

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 09-01-00-231а.

² Деятельность партии была поистине всеобъемлющей. Это хорошо видно на примере калининградского обкома ВКП(б), бюро которого обсуждало самые разнообразные вопросы: начиная с подбора переселенцев и оснащения школ новой мебелью, заканчивая кадровыми вопросами и случайной кампанией в животноводстве. См.: Государственный архив новейшей истории Калининградской области (ГАНИКО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 28. Л. 122.

Калининградский областной комитет ВКП (б) был создан 6 марта 1947 г. Однако партийные и комсомольские организации в сельской местности сложились ещё осенью 1946 г. – в период первой массовой переселенческой кампании. Среди первых переселенцев, прибывших в августе и сентябре 1946 г., было 2 282 коммуниста и 1 992 комсомольца. По данным на 10 октября 1947 г. в области насчитывалось 13 775 членов ВКП (б) и кандидатов в члены партии, численность комсомольских организаций превысила десять тысяч человек¹.

Первая областная партийная конференция проходила со 2 по 4 декабря 1947 г., вторая – с 10 по 12 февраля 1950 г. Деятельность обеих конференций пришлась на годы становления Калининградской области, формирования её населения, восстановления и дальнейшего развития её экономического потенциала. Руководил работой конференций первый секретарь обкома Владимир Васильевич Щербаков, избранный на пост в июне 1947 г. Самое активное участие в пленарном заседании приняли не только секретари райкомов и горкомов, но и руководители советских государственных структур (уполномоченный Госплана СССР по области, начальники областных управлений МВД и МГБ, переселенческого отдела облисполкома и др.), военные².

Стенограммы конференций содержат массу ценной исторической информации (например, обстоятельные статистические подборки), характеризующей не только реалии жизни области второй половины 1940-х годов, но и тип мышления представителей областного руководства, их видение важнейших проблем развития самого западного региона РСФСР.

Первое, что привлекает внимание при знакомстве с текстами стенограмм, – обилие идеологических формул, пропагандистской риторики, апеллирование к высказываниям классиков марксизма-ленинизма, руководителей партии и правительства. Высказывания

¹ ГАНИКО. Ф. 1. Д. 15. Л. 24; Колганова Э.М. Образование и развитие Калининградской области – интернациональный подвиг советского народа // Ленинская национальная политика в действии. Калининград, 1974. С. 46.

² Стенограммы конференций отложились в фонде Калининградского обкома ВКП(б) – КПСС ГАНИКО (Ф. 1. Оп. 1. Д. 2; Оп. 4. Д. 94).

участников конференций на *идеологические темы* могут рассматриваться как своего рода «ритуальный момент», дань традициям партийных собраний и в то же время как теоретическое обоснование выдвигаемых предложений по решению насущных проблем.

Особое место в речах выступающих занимало прославление Коммунистической партии СССР и И.В. Сталина. Председателю Совета Министров СССР, Генеральному секретарю ЦК ВКП (б), генералиссимусу Советского Союза адресовались самые восторженные эпитеты, тёплые слова, благопожелания. Вот лишь некоторые из них: «великий продолжатель дела Ленина», «наш вождь и учитель», «великий зодчий коммунизма», «Великий Человек, живущий на счастье и благо людей», «величайший человек современности, простой и гениальный, близкий, понятный и родной»¹.

Обязательной рубрикой крупных докладов был раздел, посвящённый глобальному конфликту – борьбе социалистической и капиталистической систем (при этом сомнению не подвергалась скорая победа первой)². Советский Союз – «могучий оплот и знаменосец мира» – позиционировался как защитник обездолен-

¹ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 8, 14; Оп. 6. Д. 2. Л. 5, 96, 97. Достояна войти в анналы хвалебной риторики часть выступления В.В. Щербакова (10 февраля 1950 г.): «Всеми этими победами наш народ обязан мудрой партии большевиков, великому зодчему коммунизма – нашему товарищу Сталину! Празднование 70-летия со дня рождения И.В. Сталина было выдающимся событием в жизни нашей страны, оно вылилось в могучую всенародную демонстрацию любви к великому вождю и учителю. Весь мир, всё передовое, прогрессивное человечество славит товарища Сталина! История ещё не знала примера такого глубокого слияния народов в одном порыве, в одном чувстве, когда сотни миллионов людей поднялись на всех материках мира, чтобы сказать сердечное спасибо Великому Человеку, живущему на счастье и благо людей – товарищу Сталину! Имя Сталина – самое дорогое для нашего народа, для простых людей во всём мире. Это символ грядущих побед коммунизма». Выступление руководителя областной парторганизации неоднократно прерывалось бурными аплодисментами. ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 2. Л. 4, 5.

² В связи с уверенностью в скорой победе сил социализма бесперспективным представлялось поведение тех жителей области, которые, по словам докладчиков, становились «на путь буржуазного перерождения». См.: ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

ных, угнетённых, пример лучшего будущего для всего человечества. «Гибель капиталистической системы, основанной на захвате и грабеже, на угнетении большинства меньшинством, на империалистическом разбое и военном психозе, стала ещё более реальной и неотвратимой», – заявлял на второй партконференции В.В. Щербakov. Развивая свою мысль, первый секретарь обкома продолжал: «Теперь не может быть никаких сомнений в том, что если империалисты развяжут третью мировую войну, то эта война явится могилой уже не для отдельных кап. государств, а для всего мирового капитализма»¹. Ему вторил генерал армии А.В. Горбатов: «Нам нечего бояться угрозы войны не только потому, что от желания развязать войну до её начала – огромная дистанция, но и потому, что если империалисты решат развязать войну, они допустят последнюю и уже непоправимую ошибку. Советские вооружённые силы... разделаются с ними настолько быстро, как повар с картошкой. Наши вооружённые силы разбили и поставили на колени самую мощную из буржуазных армий – немецко-фашистскую, а этих бизнесменов победить куда проще и легче»².

Борьба с империалистами начиналась с противодействия агентам иностранных разведок, в связи с чем призывы к «революционной бдительности» обязательно присутствовали в докладе секретаря обкома и «ответственных лиц». Начальник Управления МГБ по Калининградской области Е.В. Рудаков предостерегал делегатов первой партийной конференции: «Прежде чем воевать с нами, они (капиталистическое окружение. – Д.М.) должны засылать к нам свою агентуру и засылают». Обращаясь ко всем присутствующим, Е.В. Рудаков обращал внимание на ведущую роль граждан в раскрытии шпионов и диверсантов: «Вся сила органов советской контрразведки зиждется на связи с нашим замечательным советским народом. Чем сильнее связь, тем страшнее для врагов ЧК, ГПУ, НКВД, МГБ»³. Подходящей социальной базой для формирования антисоветского подполья в молодой области представлялось немецкое население – «в своём большинстве озлобленное, ведущее

¹ Там же. Оп. 6. Д. 2. Л. 1, 2.

² Там же. Оп. 4. Д. 94. Л. 235, 236.

³ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 228.

подрывную работу». По словам В.В. Щербакова, только в 1947 г. органы госбезопасности раскрыли «около 15 групп, проводивших антисоветскую работу и распространявших листовки», а общее количество лиц, пытавшихся нелегально перейти границу, составляло «несколько сот человек»¹. На второй партконференции борьба с иностранными разведчиками обсуждалась в значительно меньшей степени – после выселения с территории области «немецкого контингента» ситуация на «невидимом фронте» не казалась уже такой угрожающей.

Что касается исторических аспектов существования Калининградской области, то они практически не получили отражения в докладах делегатов конференции. Однако в своих выступлениях на обеих конференциях первый секретарь обкома дал очень краткую характеристику становлению новой советской области. Более ранняя версия ещё была проникнута дыханием Великой Отечественной войны: «Наша область сложилась при решении всемирно-исторических судеб народов на обломках стёртого с лица земли прусского государства»². Более поздняя отражала успехи в восстановлении и развитии края: «На Западе нет больше Восточной Пруссии – этого многовекового плацдарма для нападения на нашу Родину. На Западе нашего советского государства... растёт и развивается новая советская область, созданная волею партии и советского народа в результате полного разгрома германских империалистов и ликвидации Прусского государства. За отчётный период Калининградская область сложилась и является ныне обычной советской областью»³.

Основная часть выступлений была связана с конкретными направлениями развития народного хозяйства, социально-культурной сферы, партийного и государственного строительства. Среди всего

¹ Там же. Л. 33. Приводились и конкретные случаи враждебных действий местного населения: «немка Зин» организовала крушение поезда и сожалела о незначительном числе пострадавших; четверо немцев собирали информацию о положении в области, а затем пытались бежать на территорию Польши, укрывшись за «двойной стенкой» вагона. Там же. Л. 34, 233.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Оп. 4. Д. 94. Л. 5.

многообразия отразившихся в стенограммах вопросов хотелось бы остановиться лишь на некоторых.

Первые областные конференции ВКП (б) проходили в условиях активного *заселения* края, что обусловило выдвигание вопросов, связанных с формированием городского и сельского населения, на передний план (наряду с вопросами социально-экономического развития). При этом наибольшее внимание партийных руководителей привлекли численность переселённых в сельскую местность и причины «обратничества» – выезда жителей области из мест вселения.

По словам В.В. Щербакова, в 1946–1947 гг. в колхозы и совхозы области прибыло 19 814 семей переселенцев¹. Секретарь Гвардейского райкома ВКП (б) А.О. Зеленский обратил внимание на «отвратительное» качество отбора переселенцев и подверг жёсткой критике деятельность вербовщиков. По его словам, следовало «завозить в пограничную область лучших, передовых, преданных колхозному строю людей», однако в реальности «вербовка проходит неправильно, в качестве вербовщиков зачастую работают недобросовестные люди, которые играют на мелкобуржуазных чувствах отсталых (! – Д.М.) людей, обещают им золотые горы, жизнь без трудностей и проблем, и, как следствие, набирают искателей счастья». Кроме того, вербовщики направляли в область немало «неблагонадёжных» – бывших коллаборационистов, сотрудников немецких оккупационных инстанций. «При наборе людей отсутствуют самые элементарные правила политической бдительности, это приводит к тому, что почти в каждом колхозе найдётся один-два человека, которые прибыли сюда, чтобы скрыть свои неблагоприятные прошлые дела – бывшие немецкие полицейские, каратели»².

Уполномоченный Госплана СССР по Калининградской области В.В. Вахров присоединился к критике вербовщиков, однако значительную часть вины за провалы в закреплении переселенцев возложил на руководителей районов и области. «Мы плохо встречаем прибывающих к нам людей, не создаём для них необходимых условий, не заинтересовываем их». Вахров привёл удручающую статистику по оттоку рабочих кадров из областной промышленности:

¹ Там же. Д. 2. Л. 58.

² Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 107.

за 1947 г. по семи важнейшим предприятиям выбыло в среднем 39,2% рабочих, по Неманскому ЦБК этот показатель составил 79%.

Весьма эмоциональным было выступление начальника областного переселенческого отдела И.И. Терехова – он всячески подчёркивал особый статус переселенческих задач: «Заселение области и закрепление переселенцев – суть судьба и перспектива области». «Самое ценное, самое дорогое и самая ощутимая помощь для Калининградской области – это люди, приехавшие по зову партии и правительства восстанавливать по Сталинскому плану народное хозяйство нашей области»¹. При этом докладчик констатировал отсутствие должного внимания к потребностям переселенцев со стороны не только райисполкомов, но и партийных структур: «Районные партийные организации не повернулись лицом к хозяйственному устройству переселенцев»². Судя по всему, начальник переселенческого отдела, прекрасно осознавал все трудности, возникавшие при заселении области, а также основные причины этих трудностей. В справке от 15 мая 1948 г. он констатировал, что «у переселенцев в совхозах создаётся чувство неуверенности в том, что они являются постоянными жителями»³.

На второй партконференции оценки переселенческой кампании были в целом более оптимистичными. Отмечалось, что «созданы условия для прочного закрепления переселенцев на новых местах»⁴. Вместе с тем, «текучесть» рабочей силы, особенно на селе, продолжала оставаться актуальной. В.В. Щербаков приводил примеры неустойчивости кадров и в колхозном руководстве: так, в 1948 г. сменилось 30% председателей колхозов, в 1949 г. – 45%⁵.

Другой интересной темой, которую затрагивали выступающие, было становление в области системы политико-идеологического просвещения, что являлось прерогативой партийных организаций. К концу 1947 г. в городах и районах области были организованы 392 кружка по изучению «биографии тов. Сталина», к началу работы

¹ Там же. Л. 271.

² Там же. Л. 274.

³ Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 21.

⁴ Там же. Оп. 4. Д. 94. Л. 48.

⁵ Там же. Л. 21.

второй конференции сеть политпросвета была существенно расширена: действовало более 2 000 различных кружков и политшкол, свыше 2 000 профессиональных пропагандистов. Секретарь обкома особо отметил тот факт, что в области сложилась система партийного просвещения¹. Однако далеко не все элементы этой системы работали чётко и слаженно. Некоторые руководители кружков «показали низкий идейно-теоретический уровень», как, например, агитатор из колхоза имени В.В. Куйбышева, который не смог дать чёткого ответа на вопрос комиссии: «что такое марксизм?». Масштабы деятельности политпросвета, безусловно, впечатляют: только за 1949 г. было прочитано свыше 14 тыс. докладов, общее количество слушателей достигло 1 миллиона человек (что примерно вдвое превышало население области)².

В заключение хотелось бы остановиться на одном интересном сюжете, прозвучавшем в выступлении В.В. Щербакова на первой партийной конференции. Секретарь обкома признал «совершенно неудовлетворительной» ситуацию в областном здравоохранении и поставил перед партийными и советскими учреждениями (ещё одно подтверждение ведущей роли партии) две взаимосвязанные задачи: расширить сеть медицинских учреждений и создать местную базу для подготовки высококвалифицированных специалистов-медиков, открыв в Калининграде медицинский институт (ориентировочно в 1948–1949 гг.)³. История этой инициативы обкома имела продолжение.

¹ Из выступления В.В. Щербакова (1950 г.): «Решающее значение приобретает коммунистическое воспитание трудящихся, политическая закалка их, преодоление пережитков капитализма в сознании людей и разоблачение враждебной идеологии». ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 43; Оп. 4. Д. 94. Л. 79, 81.

² Там же. Оп. 4. Д. 94. Л. 81.

³ Положение дел в сфере здравоохранения действительно было крайне сложным. Не хватало медикаментов (в том числе эфира, хлористого кальция, антибиотиков), медицинского оборудования (рентгеновских аппаратов и даже медицинских термометров), врачей-терапевтов и специалистов (например, областная больница на начало 1948 г. не имела в штате ведущих специалистов – невропатолога, онколога, офтальмолога). Во главе некоторых районных отделов здравоохранения стояли фельдшеры, санитарное

Первая просьба санкционировать открытие в области мединститута была направлена заместителю Председателя Совета Министров СССР К.Е. Ворошилову в апреле 1948 г. В письме, подписанном председателем облисполкома и секретарём обкома, указывалось, что институт «явится источником высококвалифицированной медицинской помощи, центром НИР по изучению краевой патологии». Областные власти выражали готовность предоставить под столь необходимое учебное заведение здание площадью в 34 тыс. кв. м и реорганизовать областную больницу в клиническую¹. Судя по всему, просьба не получила положительного ответа, поскольку в январе 1953 г. обком и облисполком направили в адрес Совета Министров новое предложение создать институт на базе фельдшерско-акушерской школы. Комментарий центральных ведомств сохранился в фонде обкома: Госплан СССР признал инициативу нецелесообразной, «т. к. это требует закрытия фельдшерско-акушерской школы и выделения значительных средств на расширение учебной базы института». Министерство здравоохранения СССР также оказалось против. Официальная причина – та же: «подготовка средних медицинских кадров в Калининградской области имеет чрезвычайно большое значение, а организация института на базе школы повлечёт за собой её закрытие». Совет Министров согласился с мнением Госплана и Минздрава². Кадровая проблема в калининградской медицине была в основном решена лишь к концу 1950-х гг.

Стенограммы конференций позволяют увидеть реалии жизни области глазами её руководителей, прочувствовать атмосферу первых послевоенных лет, уточнить наши представления о роли партийных структур в становлении самой западной области России. Вместе с тем, использование материалов областных партийных конференций должно быть дополнено сведениями, полученными из архивных комплексов (фондов) советских (государственных) учреждений области, РСФСР и СССР.

состояние большинства лечебных учреждений не соответствовало минимальным нормам, высокими оставались показатели заболеваемости, в том числе инфекционной. ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 78.

¹ Там же. Оп. 2. Д. 84. Л. 17, 18.

² Там же. Оп. 13. Д. 76. Л. 1–4.

И.А. Баторшина
(Калининград, Россия)

**ФОРМИРОВАНИЕ КУРСА ЛИТВЫ НА ЕВРОПЕЙСКУЮ
ИНТЕГРАЦИЮ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х гг.**

Вопросы новейшей истории Литвы, её внутривнутриполитический и внешнеполитический аспекты незаслуженно обходятся вниманием отечественной и западноевропейской историографии. Нечастые публикации в основном освещают политику Литвы, Латвии и Эстонии в целом, фактически до сих пор сохраняется комплексный взгляд на проблемы прибалтийских республик¹. Европейские интеграционные процессы и участие в них прибалтийских республик более широко изучаются представителями европейской научной школы². Но для них также характерен комплексный взгляд на проблемы прибалтийских республик. Объяснить это можно несколькими причинами.

¹ См., например: *Бусыгина И.М.* Россия и страны Балтии: формирование новых взаимоотношений // *Мировая экономика и международные отношения.* 1993. №1; *Вушкарник А.В.* Проблемы отношений России со странами Балтии (1990–96 гг.). М., 1997.

² *Гроцки Д., Кемпе И.* Неравносторонний треугольник. Как меняются отношения между Россией, Балтией и ЕС // *Россия в глобальной политике.* 2007. Т. 5. №3; *Arnsward S.* EU Enlargement and the Baltic States. The incremental making of new members. Helsinki, 2000; *Cameron F.* Principles and problems of EU Eastern Enlargement // *EU enlargement and beyond: the Baltic states and Russia.* Berlin, 2002. P. 107–123; *Ganzle S.* The EU's presence and actorness in the Baltic Sea region: multilevel Governance beyond its external borders // *Ibid.* P. 73–103; *Herd Graeme P.* The Baltic States and EU Enlargement // *Back to Europe: Central and Eastern Europe and the European Union.* L., 1999; *Jopp M., Arnsward S.* The European Union and the Baltic States. Visions, interests and strategies for the Baltic Sea region. Helsinki, 1998; *Moshes A.* Russia, EU Enlargement and the Baltic states // *EU enlargement and beyond: the Baltic states and Russia.* Berlin, 2002. P. 309–320.

Во-первых, несомненно, оказала своё влияние политика Европейского Союза в регионе Балтийского моря. ЕС традиционно придерживался принципа региональности в области внешней политики: это, к примеру, было ярко продемонстрировано во всех пяти раундах расширения ЕС. В 1970–1980-х годах произошло так называемое «Южное расширение» за счёт стран Средиземноморья, затем в 1990-х годах «Северное расширение», в результате которого членами ЕС стали государства Северной Европы. Этот подход представляется целесообразным, так как государства, которые связаны между собой исторически, географически и экономически, проще и безболезненнее единовременно интегрировать в единое экономическое пространство ЕС, избегая возникновения так называемых «серых зон».

Поэтому «адвокаты» прибалтийских республик, в качестве которых выступали представители скандинавских государств, и научные, политические круги Литвы, Латвии и Эстонии использовали в своих интересах принцип региональности для обоснования форсированной и единовременной интеграции в ЕС, что находило своё отражение и в научных публикациях¹.

Бесспорно, такой подход оправдан, если нам требуется сравнительный анализ экономики, политики и социального развития этих стран. Однако он, естественно, имеет известные недостатки (прежде всего, недостаточная информативность), если проводится более глубокое исследование политики одной из этих республик.

¹ В качестве примера можно отметить следующие работы литовских исследователей: *Maniokas K. Methodology of the EU Enlargement: a Critical Appraisal // Lithuanian Foreign Policy Review. 2000. №1(5); Maniokas K. Road to the Negotiations: Enlargement instruments and the development of Lithuania's status // Maniokas K., Vilpisauskas R., Zeruolis D. Lithuania's Road to the European Union: unification of Europe and Lithuania's EU Accession Negotiation. Vilnius, 2005; Nekrasas E. EU foreign, security and defense policy and the Baltic sea region // EU Enlargement and the Baltic sea region. 14 Nov. 2003 // [Электрон. ресурс] Режим доступа: <www.ui.se>; Vilpisauskas R. Integracija Europoje: Baltijos salys ir Europos Sajunga, Vilnius, 2001; Vilpisauskas R. Europos Sajungos vidaus rinka ir Lietuva. Integracija ir jos ekonomini poveikis. Vilnius, 2003.*

Другой причиной для сложившейся ситуации, видимо, является недостаток информации, и в частности, если говорить о российской исторической науке, информации на русском языке. Фактически основным источником выступают русскоязычные литовские и российские сайты, что приводит к фрагментарности содержания и отсутствию целостной картины. Поэтому важным представляется обращение к литовским источникам.

В статье на основе анализа правительственных и парламентских документов республики, а также свидетельств политических деятелей будет исследован процесс формирования курса Литвы на европейскую интеграцию в первой половине 1990-х годов.

Период конца 1980-х – начала 1990-х годов можно отнести к этапу формирования самостоятельной внешней политики Литовской республики. Достижение государственной независимости являлось важнейшей задачей в области как внешней, так и внутренней политики. Именно этим были обусловлены действия и шаги первых литовских правительств и Сейма.

Значительную роль в процессах демократизации страны играли движения за независимость, прежде всего движение Саюдис. Созданная в июне 1989 г. инициативная группа Саюдиса первоначально своей целью декларировала содействие реформам перестройки М. Горбачева. Группа включала деятелей культуры и науки, в том числе ставших затем известными политическими деятелями Литвы Витаутаса Ландсбергиса, Арвидаса Юозайтиса, Ромуальдаса Озоласа, Казимиру Прунскене и других. Перестройка создала благоприятные возможности для деятельности политических объединений, выступавших за автономию республик. Активно развивалось национальное движение, одним из проявлений которого стал прошедший 23 августа 1989 г. митинг, проведённый представителями «Саюдиса», затем организация так называемого «Балтийского пути», в котором приняло участие около миллиона жителей Литвы, Латвии и Эстонии. Саюдис открыто выступал против руководства ЛитССР, требовал признать факт и отменить результаты агрессии СССР против Литвы в 1939–1940 г., признать факт оккупации; члены КПЛ (Коммунистической партии Литвы), сторонники движения за перестройку, требовали перемен руководства партии и её политической линии. В октябре 1989 г. первым секретарем КП Литвы

стал Альгирдас Бразаускас, член Саюдиса, а в декабре 1989 г. литовская КП декларировала свою независимость от КПСС¹.

В октябре 1989 г. на съезде Саюдиса было принято решение добиваться не автономии в составе СССР, а независимости Литвы. Потеряв своё влияние в обществе, КП Литвы пыталась лавировать: Верховный Совет ЛитССР в канун Съезда народных депутатов СССР 18 мая 1989 г. принял Декларацию о суверенитете Литовской Республики. Однако этот факт не изменил радикальным образом ситуацию в Литве, и центростремительные силы продолжали нарастать.

Большую роль сыграли межреспубликанские связи. В конце 1980-х – начале 1990-х г. движения за независимость Литвы, Латвии и Эстонии договорились о сотрудничестве, имея общие проблемы и цели достигнуть независимости, международного признания государственности, постепенной демилитаризации балтийского региона, интеграции в международные организации. Эти цели стали главными внешнеполитическими задачами первых правительственных программ Литвы, Латвии и Эстонии.

В Таллине 13–14 мая 1989 г. прошла встреча представителей движения за независимость Литвы, Латвии и Эстонии. В течение этой встречи была сформирована группа депутатов в целях координации деятельности движений в трёх республиках и согласования совместной позиции для предъявления Съезду народных депутатов СССР в Москве. По результатам встречи Эдгар Сависаар (Народный фронт Эстонии), Дайнис Иванс (народный фронт Латвии) и Витаутас Ландсбергис (Саюдис) подписали совместное соглашение.

Однако, по мнению литовских исследователей, работа Съезда народных депутатов СССР продемонстрировала тот факт, что «демократия в СССР придёт не скоро, так как общество не готово к радикальным переменам»². Это привело к пониманию того, что процессы нужно инициировать.

В июле 1989 г. Верховный Совет Литвы принял закон об экономической самостоятельности ЛитССР, а 7 декабря – «об изменении

¹ *Kiaupa Z. Lietuvos valstybes istorija. Vilnius, 2006. P. 274–277.*

² *Kiaupa Z. Op. cit. P. 277.*

статьи 6 и 7 конституции ЛССР», отменивший политическую монополию Коммунистической партии Литвы. Это было *de jure* признание многопартийной системы. В 1989–1990 гг. появились первые партии: самостоятельная КПЛ, Литовская демократическая партия, Литовская социал-демократическая партия, Союз таутинок, Партия христианских демократов. Общей чертой формировавшихся в это время партий была их историческая преемственность: созданные партии были аналогами партий межвоенного времени. Все партии имели схожие цели, декларируемые программы, тактику. По мнению литовских исследователей, именно Саюдис стал «идеологическим зонтиком» первых политических партий Литвы¹.

В целом, их влияние на политические процессы было невелико, основную роль в политической жизни играли Саюдис и КПЛ². Однако политическая инициатива в 1989 г. принадлежала Саюдису. Поэтому была избрана тактика партийной реорганизации. В декабре 1990 г. на внеочередном съезде КПЛ было изменено название партии на ДПТЛ (Демократическая партия труда Литвы), принята новая программа, сформированы новые правящие органы. Однако некоторые политики оценивают это как «поспешное перекрашивание»³, а не как радикальную реорганизацию партии.

Стремительное падение авторитета КПЛ привело к абсолютной победе на выборах в Верховный Совет в феврале 1990 г. Саюдиса, получившего 101 мандат из 141. Председателем Верховного совета – Восстановительного Сейма стал лидер Саюдиса В. Ландсбергис. На первом заседании Восстановительного Сейма 11 марта 1990 г. была принята Декларация «О восстановлении независимости Литовской Республики», на территории которой «не действует конституция никаких других государств»⁴.

¹ Lukosaitis A. Moderniosios partines sistemas formavimosi etapai Lietuvoje // *Lietuvos politines partijos ir partine sistema*. Kaunas, 1997. P. 99.

² Krupavicius A. Post-communist transition and institutionalization of Lithuania's parties // *Political Studies*. 1998. №3 (46). P. 465–491.

³ Lukosaitis A. *Op. cit.* P. 101.

⁴ *Lietuvos Respublikos Auksciausiosios Tarybos aktas del Lietuvos nepriklausomos valstybes atstatymo*. 1990.03.11 // Seimo dokumentu archyvas: [Электрон. ресурс] Режим доступа: <www.3lrs.lt>.

Верховный Совет – Восстановительный Сейм ЛР, приняв акт о независимости, начал формирование самостоятельных политических структур, в первую очередь правительства. 17 марта 1990 г. премьером первого правительства была назначена К.Д. Прунскене, член Саюдиса. Учитывая влияние КП, одним из заместителей премьер-министра был назначен председатель КПЛ А.М. Бразаускас. В соответствии с законом о правительстве ЛР, принятым 22 марта 1990 г., были сформированы новые министерства и департаменты, утверждены их функции¹.

Отметим, что принятие акта о независимости и формирование самостоятельных политических структур не означали существование *de jure* независимого литовского государства. Руководство СССР не признало данные документы, союзные власти контролировали государственные границы, на территории Литвы располагались советские воинские контингенты.

5 октября 1990 г. была утверждена первая программа Правительства ЛР. Согласно документу, в области внешней политики Литовской республики были выдвинуты следующие задачи: во-первых, необходимость подписания двустороннего межправительственного договора с СССР, что «позволяет Литве утвердить полную политическую независимость, добиться ее международного признания»². В то же время следовало проводить гибкую политику в отношении Советского Союза, целью которой являлось заключение экономических договоров, которые, однако, не могли быть интерпретированы в качестве «вовлечения Литовской Республики в политический и экономический союз СССР и не могут быть предлогом для таких действий»³.

Второй важнейшей задачей являлось «возвращение в мировое общество» путём полноправного участия в процессах европейской политической интеграции, членства в основных международных организациях, а также интеграции в общее европейское экономическое

¹ *Kasauskienė V. Lietuvos Respublikos Vyriausybės. Ju kaita ir veiklos bruožai. 1990–2007. Vilnius, 2007. P. 19.*

² *Lietuvos Respublikos Vyriausybės programa. 1990.10.05 // Seimo dokumentų archyvas: [Электрон. ресурс] Режим доступа: <www.3lrs.lt>. P. 7–8.*

³ *Ibid. P. 5.*

пространство. Интеграцию планировалось осуществлять через систему двусторонних и многосторонних соглашений со странами Северного Союза, ЕАСТ (Европейской Ассоциации свободной торговли) и ЕС. Приоритетным было заключение соглашения об Ассоциации с Европейским Союзом и получение на его основе доступа к общей системе преференций.

Укрепление национальной независимости предполагало урегулирование целого комплекса политических, социально-экономических, военных, территориальных вопросов, связанных с выходом республики из состава Советского Союза. Это касалось заключения межправительственного соглашения с руководством СССР, вывода войск советской армии с территории Литвы, решения вопроса о военном и гражданском транзите в Калининградскую область, заключения договора о делимитации границ и др.

В контексте статьи представляется излишним детальное изложение урегулирования этих вопросов. Отметим ключевые моменты, повлиявшие на корректировку внешнеполитических приоритетов Литовской республики.

Вслед за объявлением акта о независимости 18 апреля 1990 г. Верховный совет Литвы обратился к председателю Верховного совета СССР М. Горбачеву с предложением начать консультации относительно начала межгосударственных переговоров. Однако руководство СССР требовало отменить постановление от 11 марта 1990 г. и готово было проводить консультации только в рамках действующей Советской конституции. После отказа литовской стороны 18 апреля 1990 г. СССР начал экономическую блокаду республики, введя эмбарго на поставку энергоносителей.

Литва придерживалась той позиции, что её независимость не может быть объектом переговоров, а, следовательно, акт о восставлении независимости не может быть отменён¹. Республика пыталась подписать протокол о начале переговоров двух государств, в то время как СССР рассматривал отношения с Литвой не как межгосударственные, а как внутрисоюзные. Поэтому вопрос ставился не о переговорах, а только о взаимных консультациях. Пытаясь

¹ *Saudargas A. Lithuanian diplomacy 1990–1992 // Lithuanian Foreign Policy Review. 2004. №. 13–14. P. 78–79.*

найти компромисс, 29 июня 1990 г. Верховный Совет ЛР принял резолюцию о 100-дневном моратории на реализацию юридических актов, принятых после 11 марта 1990 г., с момента открытия межгосударственных переговоров с СССР.

Интересно отметить, что согласно этому документу, «мораторий само собой теряет свою силу сразу после окончания переговоров»¹, что ещё раз демонстрирует принципиально разные подходы к сути планируемых переговоров. Представители СССР заявляли, что литовское участие в переговорах как независимого государства было неприемлемым, так как статус Литвы станет ясным только после переговоров. Поэтому декларация была оценена как неэффективная, однако в начале июля 1990 г. блокада была прекращена.

В июле 1990 г. парламент ЛР принял резолюцию относительно формирования парламентско-правительственной комиссии по подготовке концепции межгосударственных переговоров с СССР и инициировал создание литовской делегации по переговорам с СССР². Несмотря на то, что со стороны советского руководства была также создана делегация по переговорам, Москва неохотно шла на контакт.

Первая консультативная встреча прошла в Кремле 20 октября 1990 г. Делегацию от Литвы возглавлял председатель Верховного Совета Литвы В. Ландсбергис, от СССР – Н. Рыжков³. Литовская сторона требовала признать незаконным присоединение Литвы к СССР и вследствие этого признать независимость республики. Советское руководство исходило из того, что процесс выхода республики должен происходить на основе принятого 3 апреля 1990 г. закона о выходе республики из состава СССР.

На фоне сложных и затянутых переговоров очень энергично действовали представители РСФСР, что было открытым вызовом

¹ *Lietuvos Respublikos Auksciausiosios Tarybos pareiskimas. 1990.06.29 // Seimo dokumentu archyvas: [Электрон. ресурс] Режим доступа: <www.3lrs.lt>.*

² *Lietuvos Respublikos Auksciausiosios Tarybos Nutarimas del pasirengimo tarpvalstybinems deryboms su TSR Sajunga. 1990.07.05 // Seimo dokumentu archyvas: [Электрон. ресурс] Режим доступа: <www.3lrs.lt>.*

³ *Stankevicius C.V. Lithuanian-Russian negotiations in 1990–1993 // Lithuanian Foreign Policy Review. 2004. № 13–14. P. 84.*

союзному центру. Активно развивались межреспубликанские контакты. На встрече руководителей прибалтийских республик (В. Ландсбергис, А. Горбунов и А. Рюйтель) и РСФСР (Б. Ельцин) в Юрмале в июле 1990 г. было решено начать подготовку переговоров для заключения межправительственных соглашений.

В январе 1991 г., когда в Вильнюс были введены дополнительные контингенты советских войск и осуществлена попытка захвата телевизионной башни и правительственных зданий, Ельцин открыто выступил против действий советского руководства и поддержал прибалтийские республики. Он в качестве Председателя ВС РСФСР прибыл в Таллин в тот же день (13 января 1991 г.) и подписал вместе с главами трёх прибалтийских республик декларацию Объединённых Наций и других международных организаций. В документе было заявлено, что «стороны принимают государственный суверенитет друг друга», а «действия параллельных структур, претендующих на исполнение властных полномочий, являются незаконными»¹.

Главным событием тех дней стало заключение межправительственных договоров с Латвией и Эстонией. Договор об основах межгосударственных отношений между РСФСР и Литовской республикой был подписан 29 июля 1991 г. на встрече председателей В. Ландсбергиса и Б. Ельцина. Самые важные положения были зафиксированы в преамбуле документа, в котором признавалось «полное и свободное осуществление своего государственного суверенитета»². Также важно заметить, что в преамбуле договора говорилось о необходимости «устранения Союзом ССР нарушающих суверенитет Литвы последствий аннексии 1940 года»³, тем самым был

¹ *Заявление* (Председатель ВС Латвийской республики А.Горбунов, Председатель ВС Литовской республики В.Ландсбергис, Председатель ВС РСФСР Б. Ельцин, Председатель ВС Эстонской республики А.Рюйтель) // Республика. 1991. 18 января. С. 4.

² *Sutartis tarp Rusijos Tarybu Federacines Socialistines Respublikos ir Lietuvos Respublikos del tarpvalstybinu santykiu pagringu.* 1991.07.29 // [Seimo dokumentu archyvas: [Электрон. ресурс] Режим доступа: <www.3lrs.lt>.

³ *Договор* об основах межгосударственных отношений между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Литовской Республикой от 29 июля 1991 г. // Калининградская правда. 1991. 1 авг.

признан факт аннексии Литвы в 1940 г., вопрос который советское руководство даже отказывалось обсуждать. Фактически подписание договора отменяло необходимость проведения переговоров по поводу выхода республики из состава СССР.

Однако, по мнению некоторых российских исследователей, договор носил символический характер, так как советское руководство не признало и не ратифицировало его до конца 1991 г.¹

Окончательно вопрос достижения независимости был решён после событий августа 1991 г. Литовский парламент ратифицировал договор об основах межгосударственных отношений с РСФСР 19 августа, то есть в день августовского путча в Москве. В связи с конкретной исторической и политической ситуацией СССР признал независимость Литовской республики 6 сентября 1991 г.

Вопрос вывода бывших советских войск с территории Литвы оказался болезненным для обеих сторон. Став в 1991 г. членом ООН и ОБСЕ, Литва уже в качестве нового субъекта международного права остро поставила вопрос о пребывании «армии чужого государства» на своей территории. Европейские и международные структуры активно поддерживали форсированный вывод уже российских войск с территории Балтии².

В результате сложных межгосударственных переговоров 8 сентября 1992 г. в Москве министром охраны края Литвы А. Буткявичюсом и министром обороны РФ П. Грачевым были подписаны протоколы, регулирующие порядок вывода войск РФ из Литвы. Последние части, согласно утвержденному графику, должны были покинуть территорию Литвы 31 августа 1993 г. После августа 1993 г. отношения двух стран вступили в новую стадию.

Как отмечают литовские политики и исследователи, до 1993 г. вопрос об интеграции в западные организации «избегался в равной степени и левыми, и правыми»³. Вывод российских войск

¹ *Вушикарник А.В.* Указ. соч. С. 14.

² Несомненно, этому способствовал тот факт, что в статье 15 Декларации Хельсинкского саммита от 10 июля 1992 г. содержался призыв подписать двусторонние соглашения, включая расписание по полному выводу иностранных войск с территории Балтики.

³ *Gyllys P.* Lithuanian foreign policy challenges and background 1992–1996 // *Lithuanian Foreign Policy Review.* 2004. № 13–14. P. 99.

осенью 1993 г. поощрил обсуждение этого вопроса и дал толчок формированию новых внешнеполитических приоритетов Литвы.

Политические перемены, которые происходили в Литве, также имели значительный эффект во внешней политике. В 1990–1992 гг., когда вся власть в Литве была сконцентрирована в парламенте, Верховный Совет – Восстановительный Сейм определял внешнюю политику. Однако за период 1990–1992 гг. Верховный Совет не представил ни одного документа относительно определения стратегии и тактики в области внешней политики¹.

После принятия конституции в 1992 г. роль исполнительной власти и особенно президента во внешней политике была усилена. Конституция гарантировала президенту право определять важнейшие вопросы в этой области. Однако его реальная роль в решении внешнеполитических вопросов была более скромной: президент самостоятельно не имел права принимать какие-либо решения, имеющие серьезные последствия. Так, внешнеполитические инициативы главы государства должны быть одобрены либо правительством, либо парламентом. Вследствие этого реальное влияние президента на внешнюю политику зависело от его отношений с правительством и большинством Сейма.

В парламентских республиках премьер-министр играет важную роль в формировании внешней политики. Возглавляя кабинет министров, он также имеет возможность контролировать и управлять работой МИДа. Однако в Литве сложилась иная ситуация: премьер-министр перепоручает внешнеполитические вопросы МИДу, игравшему особенно важную роль в формировании государственной внешней политики². На практике он подготавливал все решения, связанные с внешней политикой. Однако власть МИДа и министра иностранных дел для принятия этих решений была ограничена конституционной властью президента. Таким образом, для проведения успешной внешней политики требовалось эффективное взаимодействие президента, Сейма и правительства, чего не всегда удавалось достичь.

¹ Бразаускас А. Указ. соч. С. 232.

² См. подробнее: Nekrasas E. Lithuanian political system and foreign policy decision making // Lithuanian Foreign Policy Review. 1999. №4.

В 1992 г. на парламентских выборах консерваторы потерпели поражение, к власти пришла ДПТЛ, сформировав правительство большинства, а в феврале 1993 г. на президентских выборах одержал победу её председатель А. Бразаускас, получивший 60,05% голосов избирателей. Проигравшим оппонентам казалось, что «Литва провалилась или её опустошил цунами»¹. Со стороны консерваторов посыпалась критика в адрес ДПТЛ, партия обвинялась в приверженности пророссийской политике и стремлении вернуться в коммунистическое прошлое. Самые радикальные представители правых фракций считали добрососедские отношения с Россией практически государственной изменой. Вот как прокомментировал победу ДПТЛ лидер литовских консерваторов В. Ландсбергис: «Я говорил перед выборами, что нам нужно стремиться к независимости и продолжать западноевропейское направление... коммунисты будут опасны, так как они могут изменить это направление, что будет опасным для демократической Литвы и ее независимости. Литва может стать крайне политически зависимой от России»². Консерваторы добивались энергичных действий для форсированной интеграции в западноевропейском направлении, а в отношении России придерживались жёсткой позиции. В контексте данных обстоятельств и сложившейся внутриполитической ситуации правящей партии следовало предельно острожно предпринимать те или иные дипломатические шаги.

Демократическая партия следовала принципу прагматизма и последовательности во внешнеполитических отношениях на Востоке и на Западе. Так, Повилас Гилис, бывший министр иностранных дел (1993–1996), в своих воспоминаниях отмечает: «Мы должны были развивать концепцию внешней политики Литвы, сохранить прагматичные отношения с нашими ключевыми партнёрами, избегая опасных тенденций и конфликтов, присоединиться к международным организациям, продолжать развивать дипломатические отношения»³. Подобный подход позволил демократам

¹ *Бразаускас А.* Указ. соч. С. 24.

² *Landsbergis V.* Kryzkele. Politiniai tekstai (1992–1994) ir siek tiek atsiminimu. Vilnius, 1995. P. 9.

³ *Gylis P.* Op.cit. P.95.

достигнуть определённых положительных успехов в области внешней политики: улучшение отношений с Польшей, Белоруссией, вывод войск с территории Литвы и подписание пограничного договора с Россией.

Правящая партия придерживалась принципа разумного балансирования восточно- и западноевропейского направлений в области внешней политики. После достижения договорённости с Россией относительно вывода бывших советских войск в 1993–1994 гг. впервые выдвигается тезис о желании Литвы участвовать в процессах западноевропейской интеграции. Новыми приоритетными целями становятся обеспечение мягкой и жёсткой безопасности посредством полноправного членства в организациях ЕС и НАТО. Ключевым событием в развитии новых ориентиров внешнеполитической концепции стало выступление 17 мая 1993 г. президента А. Бразаускаса в актовом зале Вильнюсского университета. Именно тогда впервые были заявлены следующие стратегические цели: «Литва твердо стремится к подписанию ассоциативного соглашения с Европейским Сообществом, имея целью в будущем стать его членом», поэтому «правительство должно безотлагательно подготовить программу действий по постепенному вступлению в структуры Европейского сообщества, наметив приоритеты, сроки работ и ответственных исполнителей»¹.

Уже в декабре 1993 г. Сейм принял резолюцию, в которой рекомендовал Правительству ЛР в самое ближайшее время разработать концепцию внешней политики Литвы, в которой одной из главных стратегических целей внешней политики Литвы будет являться цель «стать как можно быстрее членом ЕС»².

Резолюция Сейма нашла своё отражение в разработанной правительством программе, утверждённой Сеймом 12 июля 1994 г. Интересным представляется сравнительный анализ двух правительственных программ 1993 и 1994 г., который даёт представление о переходе внешнеполитической концепции Литвы в новое качество. Сравнение документов демонстрирует факт смещения

¹ Бразаускас А. Указ. соч. С. 235.

² Lietuvos Respublikos Seimas. Rezoliucija. 1993.12.23 // Seimo dokumentu archyvas: [Электрон. ресурс] Режим доступа: <www.3lrs.lt>.

приоритетов в сторону более глубокой западноевропейской интеграции. Так, в правительственной программе, принятой 31 марта 1993 г., одной из главных задач в области внешней политики выдвигалась «интеграция в европейское политическое и экономическое пространство, развитие отношений с Европейским Экономическим Сообществом», средством достижения которой являлась «инициация переговоров по подписанию соглашения об ассоциации с Европейским Сообществом»¹. Программа 1994 г., несмотря на то, что соглашение об ассоциации с ЕС ещё не было подписано, содержит уже иные внешнеполитические приоритеты: «двусторонние взаимовыгодные политические и экономические отношения с ЕС, а также с государствами ЕС, которое создает условие достигнуть большей политической и экономической стабильности. Стратегическая цель внешней политики Литвы – полноправное членство в Европейском Союзе»². Таким образом, можно утверждать, что 1993 и 1994 годы были своеобразным рубежом в процессе утверждения новых внешнеполитических приоритетов Литовского государства. В этот период был окончательно решён вопрос о бесповоротном движении на Запад, стремлении ускорить вступление в евроатлантические структуры.

Следует отметить, что Сейм пытался увеличить свою роль в формировании внешней политики. Особенно это стало очевидным после парламентских выборов 1996 г., когда к власти пришли консерваторы, и председателем Сейма был избран В. Ландсбергис. Оппозиционные политические силы имели большинство в парламенте, поэтому для президента стало очень сложно сотрудничать с Сеймом. Так, традиционно в заседаниях Координационного совета по внешней политике участвовали председатель Сейма, премьер-министр, министр иностранных дел и председатель парламентского комитета по иностранным делам. Как отмечает

¹ *Lietuvos Respublikos Seimas Nutarimas del Lietuvos Respublikos Vyriasybes programos. 1993.03.31 // Seimo dokumentu archyvas: [Электрон. ресурс] Режим доступа: <www.3lrs.lt>.*

² *Lietuvos Respublikos Seimas Nutarimas del Lietuvos Respublikos Vyriasybes programos 1994.07.12 // Seimo dokumentu archyvas: [Электрон. ресурс] Режим доступа: <www.3lrs.lt>.*

А. Бразаускас, «председатель Сейма Ч. Юршенас не вторгся в область моей компетенции, но сменивший его после выборов В. Ландсбергис даже пытался самостоятельно формировать внешнюю политику, хотя конституция и не предоставляла ему такого права»¹.

Прежний Сейм никогда не принимал концепцию национальной безопасности, хотя она была предложена в нескольких версиях. Следует отметить, что правительство Литвы в 1994 г. в принципе согласилось с внешнеполитической концепцией Литвы, подготовленной МИДом. Этот документ не был представлен парламенту. Глава комитета по внешней политике Сейма несколько раз в 1994–1995 г. открыто выражал недовольство, что, несмотря на неоднократные запросы, правительство не позволило ему ознакомиться с этим документом. Новый Сейм, избранный в 1996 г., несомненно, стремился повысить свою роль в определении внешнеполитических приоритетов. Доказательством этого факта является принятие 19 декабря 1996 г. закона об утверждении национальной безопасности, который был одним из самых радикальных документов в области внешней политики, принятых в первой половине 1990-х гг. Если программы правительства носили взвешенный характер, то закон в жёсткой форме «объяснял необходимость интеграции Литвы» в структуры НАТО и ЕС. Фактически литовское руководство пыталось спекулировать опасностью, исходящей из «милитаризованных соседних территорий и неутверждённых демократических государств»², под которыми понималась в первую очередь Россия. Акцентировалось внимание на потенциальных факторах риска национальной безопасности, исходящих извне: политические (давление и диктат, стремление навязать опасные неравноправные международные соглашения), военные (близость милитаризованного Калининградского региона, российский военный транзит, открытая агрессия), экономические (блокада, энергозависимость от России). Логическим выводом являлось стремле-

¹ Бразаускас А. Указ. соч. С. 92-93.

² Lietuvos Respublikos nacionalinio saugumo pagrindu istatymas. 1996.12.19 // Seimo dokumentu archyvas: [Электрон. ресурс] Режим доступа: <www.3lrs.lt>.

ние обеспечить гарантии национальной безопасности через систему международных институтов, в частности через ЕС и НАТО.

Заметим, что главные функции по определению внешнеполитических ориентиров и разработке внешнеполитических решений исполняли президент ЛР и кабинет министров, в котором ключевую роль играло министерство иностранных дел. Однако после формирования нового Сейма в 1996 г. очевидно стремление парламента к более активному участию в планировании внешней политики. Последнее может быть объяснено также противостоянием консервативного большинства Сейма социал-демократу А. Бразаускасу, что нередко затрудняло эффективное сотрудничество законодательной и исполнительной ветвей власти.

Таким образом, в формировании внешнеполитической концепции Литвы в первой половине 1990-х годов можно выделить два этапа. Первый был связан с достижением национальной независимости и международного признания Литовской республики и хронологически относится к периоду конца 1980-х годов – 1993 г. Вывод российской армии в 1993 г. дал импульс для формирования новых стратегических целей внешней политики Литвы. Это нашло свое отражение в документах правительства и парламента Литвы, в которых на государственном уровне были утверждены новые внешнеполитические приоритеты государства – вступление Литовской республики в Европейский Союз.

Раздел 2 НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

М.Е. Мезем
(Калининград, Россия)

ЛИТВА МИНДОВГА И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА

Тринадцатый век стал судьбоносным как для русской, так и для литовской истории. На Русь нахлынула волна завоевателей, наиболее разрушительным было монгольское нашествие, приведшее к двухсот-летнему игу. Литовцам же удалось не только остановить наступление противника в лице крестоносцев, но и начать захватывать территории русских княжеств. Обретение литовцами субъектности в истории традиционно связывают с деятельностью литовского князя Миндовга и с его чётко организованной политикой в борьбе за русские земли.

Взаимоотношения литовцев с северо-западными русскими землями были одной из важнейших линий внешнеполитического курса молодого языческого княжества в 20-60-е годы XIII в.; наиболее страдали земли Новгорода и Полоцка, также – изредка, но ощутимо – доставалось Пскову и Смоленску.

Важную историографическую проблему представляет собой периодизация отношений литовского государства с его северо-восточными соседями в период правления Миндовга. В качестве критерия периодизации выбраны формы взаимоотношений языческого княжества и русских земель, менявшиеся в зависимости от внутри- и внешнеполитического положения Литвы. Отчётливо выделяются четыре периода: первое десятилетие XIII в.; 1217 г. – конец 1240-х; конец 40-х – 1262 г.; 1262–1263 гг.

Среди источников по теме важное место занимают русские летописи. Больше всего сведений о связях Литвы с северо-западными русскими княжествами принадлежит тем летописным центрам, чьи правительства вступали в сношение с сильным языческим соседом, – Новгороду и Пскову. Наиболее богата известиями Новгородская первая летопись старшего и младшего извода, в которой содержится информация, подтверждающая активность литовцев на северо-восточном направлении [3]. Псковская летопись – основной фонд материалов по истории Пскова и его соседей. Вековая борьба с Литвой, а также с немецкими рыцарями отнимала много сил у Пскова. Поэтому история отношений Пскова, Ордена и Литвы составляет значительную часть псковского летописания [6]. Среди источников зарубежного происхождения выделяется «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского, откуда мы черпаем сведения о различных военных союзах, непосредственно касающихся Литвы [1].

В первое десятилетие XIII в. новгородская округа пережила ряд опустошительных набегов со стороны литовцев. В 1200 г. литовцы «Ловоть възьяша». Вовремя спохватившиеся новгородцы нагнали их около «Църнячь и убиша Литвы мужь 80» [3, с. 45]. Далее следуют набеги на Ходыничичи (1210 г.): «Новгородьци угонивъше Литву в Ходыничичи и избиша» [3, с. 51]. Через четыре года досталось и Пскову. Как сообщает Новгородская летопись в 1213 г., «Литва безбожная Пльсковъ и пожгоша... и отъидоша» [3, с. 52].

Подобная военная активность литовцев в начале XIII в. доказывает, что в их среде произошли значительные организационные перемены. Несомненно, что эти походы могли совершаться только под княжеским руководством. А.Е. Пресняков предполагает, что данное руководство могло быть как временным, так и постоянным [5, с. 46].

Так как путь на Новгородские и Псковские земли лежал через Полоцкое княжество, не исключено, что нападения литовцев происходили с одобрения полоцкого князя Владимира. С помощью литовцев в конце первого – начале второго десятилетия XIII в. он освободил Ерсикю от немцев [1, с. 256].

Литовский политический кругозор расширялся. В.Т. Пашуто указывает на договор, который в 1213 г. литовский князь Даугеруте заключил с Новгородской республикой. Этот первый литовско-новгородский союз «таил в себе угрозу Ливонскому ордену, поэтому рыцари перехватили Даугеруте на обратном пути, и он окончил свои дни в венденской тюрьме» [4, с. 373].

С конца второго десятилетия можно говорить о начале нового этапа во взаимоотношениях литовцев с их соседями. Новгородские земли всё чаще становятся объектами нападений. В 1217 г. «воеваша Литва въ Шелонъ», погоня новгородцев была не очень удачна, так как русская дружина «не състигоша ихъ» [3, с. 57]. В 1223 г. Литва воевала уже около Торопца, а через год литовскому отряду вновь удалось безвредно уйти после погрома Старой Русы [3, с. 61]. В.Л. Янин связывает экспансию Литвы на эту территорию с уходом из Новгорода Мстислава Удалого [7, с. 51]. В 1225 г. произошло крупное столкновение новгородской дружины с литовскими войсками. Летописец даже указывает численность литовского войска: «беще бо ихъ 7000». На этот раз литовцам не удалось скрыться – князь Ярослав с новгородцами догнал их у Высвята «отымаша весь полонь, а самьхъ избиша 2000» [3, с. 64]. Просмотр известий убеждает в значительном увеличении численности участников литовских походов: при набеге 1200 г. было убито 80 литовцев, а при нападении 1225 г. – уже 2000.

Согласно выводам В.Т. Пашуто, из-за увеличившегося размаха нападений со стороны Литвы «правительства отдельных княжеств искали средства предотвратить опасность»; именно в этом он видит причину ряда соглашений – «так родился русско-немецкий договор 1229 г., имевший силу для Смоленска, Полоцка и Витебска; так возник и Псковско-немецкий договор 1228 г., приведший к участию псковского отряда в битве при Шауляе на стороне немецких рыцарей» [4, с. 373].

В исторической науке принято считать, что разорение монголами Руси повлекло за собой изменения в русско-литовских отношениях. Однако эти изменения можно связать скорее с выдвинутым на первые роли в Литве Миндовга. С деятельностью этого князя, видимо, связано и изменение форм политики языческого государства: наметился переход от набегов на русские города и земли к их занятию литовскими дружинами. Как предполагает на основе косвенных свидетельств В.Л. Янин, это наступление литовцев «происходило не в виде единовременного похода и захвата», называя это «постепенным проникновением, которое не раз сопровождалось отступлением» [7, с. 81].

В этот момент новгородский князь Александр и его отец Ярослав Всеволодович приняли ряд срочных мер по укреплению западных границ. Л.Н. Гумилёв указывает, что надо было защитить Смоленск, где обосновался литовский князь, и в 1239 г. Ярослав Всеволодович совершает победоносный поход. Отметим, что именно в это время Батый осаждал Козельск, а Ярослав Всеволодович «помощи ему не подал»

[2, с. 458], решив, что важнее разобраться со Смоленском. Тогда же по распоряжению князя Александра новгородцы соорудили укрепления по реке Шелоне: «сруби городцы по Шелонь» [3, с.77].

Однако строительство этих укреплений не остановило вторжение, а набеги одиночных отрядов сменились походами целых групп литовских князей. Так, в 1245 г. десять тысяч литовцев появились около Торжка и Бежецка. Ярослав Владимирович, князь Торжка, стал преследовать противника, но потерпел поражение. Ему на помощь подоспела дружина из Москвы, разбившая литовцев под Торопцом. Уцелевшие литовские воины заперлись в городе, но на следующее утро подошёл Александр Ярославич с новгородской дружиной. Торопец был взят: «отяша полонь весь, и княжиць исьче или боле 8» [3, с.79]. Несмотря на успех Александра, позиции литовцев в Торопецкой земле остаются достаточно прочными, о чём свидетельствует летопись в 1248 г.: «того же лета князь великий Владимирский Михаила Ярославич Хоробрит ходи ратью на Литву, и убише Литва великого князя Михаила Ярославича Владимирского, внука Всеволожа, правнука Юрья Долгорукаго» [3, с. 80].

Доставалось в это время, хотя и не так сильно, Псковской земле. Но если в 1239 г. при походе на Псков литовцы попали в засаду на «Камнь» и «были избиша» [6, с. 21], то в 1247 г. уже псковичи были «избиша на Кудепи» [6, с. 22] Литвою.

В отличие от последних трех десятилетий, отмеченных всё возрастающим натиском со стороны литовцев, третий период отношений Литвы и северо-западных русских княжеств характеризуется отсутствием активности балтов. Это было связано с событиями внутри Литвы в начале 1250-х гг. Наступление Миндовга на права жемайтских князей вызвало войну между литовским королём, с одной стороны, и коалицией Даниила Галицкого и ливонского отделения Тевтонского ордена, с другой. Значительные перемены в отношениях Литвы Миндовга с северо-западной Русью произошли после поражения ордена в битве при Дурбе. Миндовг, разорвав договор с курией и Орденom, отправил послов к Александру Невскому. Вернувшись, они сообщили, что русские рады перемене чувств Миндовга. В 1262 г. Новгород «с Литвою мирь взяша» [3, с. 83]. Этот мирный договор урегулировал пограничные споры двух соперников. В.Л. Янин предположил, что именно после этого мирного соглашения «новгородцы согласились с литовскими правами на Торопец» [7, с. 52], а «Ржевская и Великолукская земли, расположенные южнее шелонской оборонительной линии, вернулись в

состав новгородских владений» [7, с. 85]. В.Т. Пашуто отмечает, что «Полоцк, по этому же договору, видимо, остался за Русью» [4, с. 382].

Договор касался не только темы территориальных споров. Князя Александр и Миндовг наметили провести в 1262 г. совместный большой поход против крестоносцев [4, с. 382]. Однако столь перспективный союз просуществовал недолго. В 1263 г. «в Литвь бысть мятежь. И убиша князя велика Миндовга свои родици» [3, с.84]. Его наследников больше интересовали внутренние распри, тем более что через год умер ещё один участник этого соглашения – Александр Ярославович. Так закончился заключительный этап взаимоотношения Литвы Миндовга с Северо-Западной Русью.

В первые десятилетия XIII века Литва не проявляла особой активности по отношению к северо-западным русским княжествам, а нападения литовцы совершали ради грабежа. Серьёзные изменения произошли в 20-е годы XIII века: интенсивность походов балтов не увеличилась, зато размах и масштаб нападений, несомненно, возрос. Строительство Шелонской оборонительной линии свидетельствует о том, что Литва представляла большую опасность для северо-западных русских княжеств. Частота нападений, количество литовских воинов, принимавших участие в походах, возрастают. В конце 40-х годов борьба за господство в самой Литве приостановила вторжение балтов. А в начале 1260-х годов Миндовг приходит к выводу, что русские княжества могут быть неплохим союзником в борьбе с Немецким орденом. За помощь от Новгорода литовский король не поспешил отдать многое из того, что приобрёл ранее. Смерть Миндовга приостановила сближение Литвы с этой частью Руси.

Список литературы

1. *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии // Славянские хроники. СПб., 1996.
2. *Гумилёв Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. СПб., 2001.
3. *Новгородская* Первая летопись старшего и младшего извода // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3.
4. *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.
5. *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 2.
6. *Псковские* летописи // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 5.
7. *Янин В.Л.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.

М.В. Голованов
(Калининград, Россия)

***ВОСТОЧНОПРУССКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ПОЛИТИКИ ФРИДРИХА II
ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ
(1763–1768 гг.)***

В «Повествованиях о Семилетней войне», точка в написании которых была поставлена 17 декабря 1763 г., Фридрих II следующим образом охарактеризовал ситуацию в Восточной Пруссии после Семилетней войны: «Пруссия потеряла в сию войну 180 тысяч человек... к тому же от различных неприятельских набегов погибло в Пруссии (Восточной Пруссии. – М. Г.) 20 тысяч, в Померании 60 тысяч, в Новой Марке 4 тысячи и 3 тысячи в курфюршестве Бранденбургском... Народ не претерпевал прямо сам собою всей тягости войны, чувствовал только изнурение от одних непомерных податей на него возложенных; но Пруссия имела у себя довольно достаточный капитал...» [8, с. 334, 336–337]. Иными словами, сам король соглашался с тем, что положение восточной провинции после оккупации русскими войсками во время Семилетней войны оставалось весьма тяжёлым.

Хозяйственное развитие Восточной Пруссии было в целом удовлетворительно: русские восстановили очень много из пострадавших построек, даже часть Кёнигсбергского замка была улучшена за счёт средств русской казны, некоторое развитие получили провинциальные города. Во время оккупации отдельные особенно преданные королю государственные служащие даже вкладывали собственные средства в развитие провинции, рассчитывая, что она в дальнейшем всё же вернётся под юрисдикцию Берлина. Среди них особо отличились камер-президент Домхардт в Гумбиннене, военный советник Бруно и советник при дворе Николавиус в Кёнигсберге, которые тайком от русской администрации переправляли на неоккупированные прусские территории деньги и продовольствие через Торговый дом Рёрданц в Мемеле.

Например, сразу после смерти императрицы Елизаветы Петровны Домхардт отправил королю 300 тысяч дукатов, тайком сэкономленных при управлении вверенным ему округом [13, S. 155, 172, 185]. Это в дальнейшем обеспечило смягчение гнева короля по отношению к

восточнопрусским сословиям за принесение присяги русской императрице.

Послевоенное положение Восточной Пруссии было более благоприятным, нежели в других прусских провинциях. Тем не менее, из Берлина в пострадавшую от войны восточную провинцию поступили казённые средства. После заключения общего мира в 1763 г. в Силезию было направлено 6 350 тысяч талеров, в Померанию – 5 094 570, в Ноймарк – 3 030, а в Восточную Пруссию – 2 813 800 талеров. До этого король определил ежегодные поступления в виде дотаций из казны для восточной провинции в сумме 700 тысяч талеров. Также Домхардтом, по согласованию с центральной властью, было установлено, что налоги в Берлин будут перечисляться в натуральном эквиваленте, обеспечив таким образом сохранность денежных средств в Восточной Пруссии, которые могли тратиться на восстановление. Эти средства были значительными, если учитывать численность населения и площадь провинций королевства Пруссия (по состоянию на 1763 г.) [10, S. 190] (см. таблицу).

Таблица

<i>Наименование провинции</i>	<i>Территория (кв. км)</i>	<i>Численность населения (тыс. чел.)</i>
Восточная Пруссия	35 980	521
Силезия	40 312	1 850
Померания	29 112	650

Таким образом, в расчете на одного жителя в Восточной Пруссии было ассигновано 5,4 талера, в Силезии – 3,4 и в Померании – 7,8 талера. Кроме этого, на развитие торговых путей в Кёнигсберг из Берлина поступило 687 369 талеров, хотя местные власти запрашивали больше – 989 125 талеров. На развитие конезавода и гужевого транспорта в Восточной Пруссии было потрачено ещё 122 256 талеров.

Сельские и городские предприниматели преимущественно благородного происхождения получали государственные займы; до мая 1763 г. специально для них уменьшили общую налоговую ставку в среднем на 5 тысяч талеров. Перед началом Семилетней войны Фридрих II собирал с Восточной Пруссии налогов на сумму 600 тысяч талеров [6, С. 195]. Эти нововведения дали свои результаты: уже в конце 1763 г. город Берлин получил 577 942 талера в качестве налогов и вылат по процентным ставкам кредитов.

В 1764 г. Фридрих II выделил значительные суммы для прокладки и развития Йоханнисбургского канала, который должен был соединить мазурские лесничества с центром провинции для сплава древесины. В этом же году произошёл пожар в Кёнигсберге, на восстановительные работы король выделил 205 212 талеров, прежде всего для района Лёбенихт, а в 1769 г. ещё 150 тысяч талеров.

Получила развитие торговля в Восточной Пруссии: если в 1750 г. порт Пиллау посетило около 600 кораблей, то в период с 1764 по 1768 г. 763 судна ежегодно [14, S. 557-567]. Для увеличения торгового оборота Фридриху II необходимы были вольные торговые города Западной (Польской) Пруссии и интеграция Западной Пруссии с Восточной. Это направление политики короля проявилось в сотрудничестве Берлина с русским двором.

Вынашивая идею «округления» территории своего государства за счёт Польши, отделявшей Восточную Пруссию от центральной части страны, Фридрих не мог её реализовать, опираясь только на военную силу после того, как Пруссия потерпела поражение в Семилетней войне. Вся деятельность прусского короля по решению этой проблемы переместилась в дипломатическую плоскость. Да и сама «польская проблема» при удачном стечении обстоятельств становилась единственной возможностью установления дружеских отношений между Берлином и Санкт-Петербургом, которые с 1756 по 1762 г. были враждебны друг другу.

Для реализации своих аннексионистских замыслов в отношении Польши, Пруссии нужен был надёжный союзник. Ход европейской истории с 1762 г. определял необходимость сближения двух государств. Умерла враждебно настроенная по отношению к Пруссии Елизавета Петровна, русский престол занял Пётр III, а затем и Екатерина II, относившаяся с благосклонностью к прусскому правящему дому. Возможность возобновления англо-прусского союза, как и перед началом Семилетней войны, отсутствовала. Сам Фридрих отмечал, что «образ действия Англии в конце последней войны расторг наш союз с этой державою. Отдельный мир, заключённый с Францией, переговоры, начатые ею с Россией в видах поссорить меня с Петром III, заискивания при дворе венском с пожертвованием моих интересов – все эти гнусности разорвали связи, существовавшие между мной и Великобританией» [5, с. 5].

В подобной ситуации прусскому королю не оставалось ничего другого, как только пытаться установить дружественные отношения с

Россией. Да и самой Екатерине был более выгоден союз именно с Пруссией, нежели с какой-либо другой державой. Об этом писал прусский посланник при русском дворе граф Виктор Фридрих Сольмс своему королю, ссылаясь на беседу с графом Паниным: «...с Пруссией интересы России тождественны по делам Польши..., она (Екатерина II. – М.Г.) не откажется войти в соглашение с вашим величеством и условиться относительно союза» [2, с. 16]. Однако Фридрих серьёзно полагал, что новая русская императрица может возобновить союз, заключённый некогда между Елизаветой Петровной и австрийской императрицей Марией Терезией.

В своих опасениях прусский король основывался на следующем. При вступлении на престол императрицы Екатерины II, как это обычно происходило, был выпущен специальный манифест, в котором было сказано: «Слава российская, возведённая на высокую степень своим победоносным оружием, через многое своё кровопролитие, заключением нового мира с самым её злодеем (Пруссией. – М.Г.) отдана уже действительно в совершенное порабощение» [3, с. 34]. Основываясь на этом, Фридрих II мог ожидать, что новая императрица возвратится к елизаветинской политике – союзу с Австрией и, как следствие, новым посягательствам на Восточную Пруссию. Но Екатерине II всё же нужен был мир с Пруссией, дабы заняться внутренними делами и «польской проблемой»: у России были давние претензии к Речи Посполитой – западнорусские земли.

Под давлением этих обстоятельств в один и тот же день 31 марта (11 апреля) 1764 г. в Санкт-Петербурге были заключены трактат об оборонительном союзе с Пруссией сроком на восемь лет и секретная конвенция относительно Польши. Их подписали с русской стороны – уполномоченный Никита Панин и князь Александр Голицын, со стороны Пруссии – граф Сольмс [9, с. 34]. Содержание этих двух документов сводится к следующему: 1) обеспечить сохранение территориальной целостности и независимости двух держав; 2) в случае вооружённого восстания в одной из подписавших договор стран через три месяца после первого требования предоставить друг другу 10 тысяч человек пехоты и 2 тысячи человек конницы, а в случае войны в отдалённых провинциях – ежегодно выплачивать по 400 тысяч рублей; 3) поддерживать прежние законы Польши и её «право вольного избрания» короля, а в случае необходимости применить силу оружия против тех, кто «попробует учинить себе в оной самодержавие»; 4) русская императрица и прусский король выступали в защиту польских «дисси-

дентов» – лиц, исповедующих лютеранство, приверженцев греческой и реформаторской церковью, которые притеснялись в католической Польше; 5) была оговорена кандидатура на польский престол – литовский стольник Станислав Понятовский [4, с. 13, 14, 18–19, 22, 23, 26–28, 31].

Эти русско-прусские соглашения являлись повторением третьей секретной и второй особой статьёй договора между Россией и Пруссией, подписанного в июне 1762 г., но не ратифицированного вследствие смерти императора Петра III [5, с. 43–45]. В этом соглашении оговаривалось взаимное участие Петербурга и Берлина в «польском вопросе» с той целью, чтобы не допустить установления в Речи Посполитой наследственной передачи власти и отмены выборности королей. Обе стороны договорились оказывать помощь диссидентам, а также содействовать Пясту в получении престола.

Немалую опасность для обеих сторон представляли интриги Франции при избрании польского короля, её влияние на Речь Посполитую и, конечно, сближение Австрии с Францией в 1766 г.

Приведённые выше факты говорят о существенных изменениях, которые произошли в европейской международной политике с начала 60-х гг. XVIII столетия. Они означали хотя и не очень долгое, но тесное сотрудничество Пруссии и России в сфере их давних устремлений относительно Польши. Сам Фридрих в письме Екатерине отзывался об этом очень положительно: «Что касается до меня, государыня, то я буду поддерживать этот счастливый союз со всем усердием, на какое я способен, стараясь упреждать желания вашего императорского величества во всём, что от меня будет зависеть... Я основываюсь при этом на ваших мудрых мероприятиях, на их строгом исполнении и на проницательности, с какою ваше императорское величество вникает во все дела и управляет ими» [7, с. 203].

Все эти события говорили о серьёзном намерении Фридриха II «округлить» прусские территории за счёт польских земель. Как он планировал осуществить это в ближайшем будущем, обойдя основных соперников по степени влияния в Речи Посполитой, изложено во втором «Политическом завещании», которое король написал в 1768 г. Содержание этого документа относительно восточнопрусской проблемы целесообразнее проанализировать по следующим параметрам: 1) место восточного эксклава в предполагаемых Фридрихом территориальных приобретениях; 2) характеристика Речи Посполитой как государства, стоявшего на пути объединения Восточной и Западной Пруссии; 3)

союзнические отношения с Россией во время спроектированного ещё в «Завещании» 1752 г. раздела Польши; 4) отношение к Австрии и Франции как государствам, враждебно настроенным к Пруссии и планам её территориального расширения.

После 1763 г. в своей политической деятельности Фридрих II стал отдавать приоритет дипломатии. Получив сокрушительный удар во время Семилетней войны, король вынужден был рассуждать о «мастерстве» политика, которое, по его мнению, заключалось в том, чтобы «вводить в заблуждение, используя различные положения – это основа многих политических планов. Политики исходят из достоверно известных фактов, анализируют и сопоставляют их, делая, по возможности, выводы». В своей дальнейшей дипломатической игре прусский король делал ставку на союзы с теми государствами, интересы которых соответствуют прусским. Но не всегда «планы сочетаются с действительностью». Чтобы «ограничить роль случая», необходимо «узнать сильные и слабые стороны государства, изучить его политику в союзе с другими державами», а потом принять единственно верное решение – в какой из союзов целесообразнее всего было вступить, руководствуясь своей целью. Фридрих выделял два типа союзов – наступательные и оборонительные: «Первые нацелены исключительно на завоевания и выгоды, оговаривающиеся заключающими договор странами». Вторые «создаются с целью помешать какому-либо честолюбивому монарху завладеть определённой территорией» [11, S. 202–203]. Нетрудно догадаться, что сам он отдавал предпочтение первому типу.

Расчёты прусского короля связывались именно с Восточной Пруссией. География королевства Пруссия была такова, что в случае нападения с северо-востока или запада, «мы должны сразу же оставить две части государства»: Клеве, Курмарк и т.д. – в одном конце страны, Восточную Пруссию – в другом. В этом рассуждении заметны уроки Семилетней войны.

Наиболее важным для короля представлялось сохранение Восточной Пруссии. Её положение было непрочным, Россия из-за интриг венского двора могла, как казалось, в любой момент захватить эту провинцию. Защитить важный для королевства край можно было, «выставив 70-тысячную армию около Тильзита и захватив Данциг и Торн, чтобы завладеть Вислой, обеспечив крепкую связь с родиной и возможность отступления». В Восточной Пруссии были и значительные внутренние ресурсы, которые также необходимо было использовать для обороны. В таком случае там «заранее, где-то за квартал (до

предполагаемого начала войны. – *М.Г.*), нужно увеличить налоги», а вырученные средства потратить на всё необходимое для ведения боевых действий, в том числе и на «находящихся в провинции 20 тысяч военнообязанных» [11, S. 202–203].

Не отступал Фридрих II и от своей заветной цели – завоевания Польской Пруссии, что, помимо укрепления безопасности, сулило и значительные торгово-экономические выгоды. Речь Посполитую во втором «Завещании» Фридрих II относил к числу самых отсталых государств Европы: малая плотность населения, феодальные порядки, нерачительное хозяйствование, малочисленное войско. К этим порокам автор прибавлял ещё и систему выбора королей, внутренние усобицы, обречённые на роспуск сеймы, отсутствие нормальных законов и цивилизованного судопроизводства. «Безусловно, это государство анархии... Без помощи соседей с Польшей уже давно было бы покончено». Один из тезисов «Завещания» имел вполне определённый подтекст: «В таком состоянии она представляет для своих врагов малую опасность, а для союзников является только бременем» [11, S. 209, 223]. Автор намекал на необходимость раздела Речи Посполитой, с исчезновением которой не стало бы проблем у близлежащих государств. А в 1769 г. Фридрих II чётко обозначил в своей инструкции графу В.Ф. Сольмсу те польские области, на которые рассчитывала Пруссия при возможном разделе, – это Западная Пруссия с Данцигом и Торном.

Король указывал на современное неограниченное господство русского двора в Речи Посполитой. «Вы знаете, – писал он, – как она добивалась выборов короля Польши, какие средства использовала для того, чтобы диктовать свои условия этой Республике» [1, с. 267].

Далее характеризовалась мощь России: «Сегодня это самое большое государство в мире» с 9-миллионным населением. В любой войне, продолжал автор, она может выставить «на море 20 военных кораблей, а на поле битвы – 100 тысяч человек». В недалёком будущем эта империя станет самым влиятельным государством в Европе. Резюмируя, Фридрих писал: «К счастью, её нынешнее положение исключает проведение завоевательной политики».

Одним из доминирующих направлений дипломатической деятельности Петербурга с 60-х гг. XVIII столетия был «польский вопрос». В «Завещании» указывалось на то, что «Россия смогла бы достичь своей цели и в союзе с Австрией (т.е. вопреки русско-прусскому трактату 1764 г. – *М.Г.*)». Следовательно, интересы Пруссии «требуют, чтобы мы ухватились за союзнические отношения с русским двором», так как

с помощью только этой державы можно было добиться желаемого результата в плане объединения Западной и Восточной Пруссии. Продлить эти отношения можно, как минимум, на десять лет. Основой для этого должен был стать русско-турецкий конфликт.

Ярыми противниками Пруссии являлись Франция и Австрия, но они вряд ли вмешались бы в «польские дела». Французская политика на этом этапе была направлена прежде всего на «подрыв торговли Англии». Австрия со временем вернулась бы к мысли «о возвращении Силезии». Только Россия могла вмешаться «в беспорядки в Польше, больше из тщеславия и честолюбия, нежели из других побуждений». Но переплетение внешнеполитических интересов могло привести к очередной смене коалиции, что пагубно отразилось бы на Пруссии в плане реализации проекта «округления» территории и получения торговых выгод. «Всё же разум требует доверять союзникам, уважать их, но не всегда рассчитывать на их помощь; надо больше полагаться на свои собственные силы» [11, S. 206–208, 219–220, 222], – повторил свою любимую мысль король.

Этот подход был ещё раз подтверждён в письме принцу Генриху в начале 1769 г.: «Два возможных курса открываются перед нами на пути к ликвидации польского государства: продолжить союз с Петербургом или переметнуться к Вене, интересы которой в Польше неоспоримы; самым мудрым было бы первое, но так, чтобы переждать в стороне столкновения лбами Австрии и России, тогда мы точно можем претендовать на кусок пирога» [12, p. 45].

Реализация этих проектов и стала основой дальнейшей политики короля. Её он планировал уже несколько иначе, чем перед началом Семилетней войны. Ход и результаты последней сказались на его внешнеполитической концепции, которая после написания им второго «Завещания» обрела очертания более конкретной программы действий. Сложные и противоречивые международные отношения военного времени, которые выражались в перемене военно-дипломатического курса ведущих стран-участниц, выработали у прусского короля стремление руководствоваться выжидательной тактикой, опираться на свои собственные силы, не слишком полагаясь на союзников.

Неизменной осталась главная цель деятельности короля – расширение прусской территории за счёт земель как на западе, так и на востоке. По восточному направлению своей внешней политики главным союзником Фридрих II видел Россию, а возможность объединения

Восточной Пруссии с Бранденбургом посредством раздела Речи Посполитой считал не столь отдалённой.

Список литературы

1. *Дипломатическая* переписка прусского короля Фридриха II с графом Сольмсом, посланником при русском дворе // Сборник Русского императорского исторического общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1883. Т. 37.
2. *Дипломатическая* переписка прусских посланников при русском дворе. 1763–1766 гг. // Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22.
3. *Начало* конца Польши. Введение в историю борьбы за объединение России при императрице Екатерине Великой / под ред. П.А. Гейсмана. СПб., 1898.
4. *Оборонительный* союз с Пруссией и Секретная конвенция относительно Польши. С.-Петербург, 31 марта (11 апреля) 1764 г. // *Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами* / сост. Ф. Мартенс. СПб., 1883. Т. 6.
5. *О политике* Фридриха Великого с 1763 по 1775 г. / пер. и сост. П.П. Вяземский. М., 1868.
6. *Очерки* истории Восточной Пруссии / Г.В. Кретинин и др. Калининград, 2002.
7. *Переписка* императрицы Екатерины II с королём Фридрихом II // Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 20.
8. *Повествования* о Семилетней войне. Часть II // *Оставшиеся* творения Фридриха Второго короля Прусского. СПб., 1790. Т. 4.
9. *Туполев Б.М.* Фридрих II, Россия и первый раздел Польши // *Новая и Новейшая история*. 1997. № 5.
10. *Biewer B.J.L.* Kleiner Atlas zur deutsche Territorialgeschichte. Bonn, 1991.
11. *Das Politische Testament* von 1768 // *Friedrich der Grosse*. Die Politischen Testamente. Berlin, 1922.
12. *Eversley L.* The Partitions of Poland. London, 1915.
13. *Preuß J.D.E.* Friedrich der Große. Eine Lebensgeschichte. Berlin, 1833. Bd. 2.
14. *Preußens* Schicksale während der drei Schlesischen Kriege // *Beiträge zur Kunde* Preußens. Königsberg, 1818. № 1.

Ю.С. Грекова
(Калининград, Россия)

**К ВОПРОСУ О РОЛИ НЕМЕЦКИХ УЧЁНЫХ
В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ
ЛИТОВЦЕВ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

Во второй половине XIX в. начинается процесс возрождения литовцев Восточной Пруссии. Вопрос о его характере и степени развития является довольно спорным. Для того чтобы дать на него объективный ответ, необходимо выяснить, кто был носителем идей национального возрождения, и какие цели перед ним ставились.

Первыми обратили внимание на постепенное исчезновение литовского языка и литовской культуры прогрессивные немецкие исследователи. Именно они содействовали зарождению интереса к исчезающему литовскому народу на рубеже XIX–XX вв. Немецкие учёные начали собирать материал прежде всего в рамках лингвистических и филологических исследований.

В 1852 г. прусскую Литву посетил немецкий филолог А. Шлейхер, который изучал здесь литовский язык. И уже в 1856 г. он выпустил в Праге первую научную литовскую грамматику, в которой выражалось беспокойство о судьбе литовского языка: «...В прусской Литве литовский язык и нация встречаются уже реже и употребление литовского языка очень ограничено. Особенно в южных языковых областях понимают, что довольно быстро вымирают; округа Лабиау, Инстербург, Гумбиннен, Гольдап к концу столетия были ещё почти совершенно литовские, теперь уже полностью стали немецкими; в округах Пилькален, Шталлупенен, Рагнит, Нида тоже население округов и жители деревни чаще всего употребляют немецкий, хотя население в большинстве всё-таки преобладает литовское...» [5, S. 68].

14 октября 1879 г. А. Беценбергером, А. Куршайтисом, А. Басанавичюсом, Э. Гизевиусом и другими при участии как местных любителей литовского языка, этнографии и истории, так и учёных — лингвистов и славистов — было основано Литовское литературное общество (ЛЛЮ) в Тильзите. Это был научный институт, созданный немецкими учёными для изучения литовской культуры. В 1880 г. был принят

устав общества. Его первый параграф провозглашал основные задачи: «...все относящиеся к Литве и литовцам языковые, исторические, этнографические и тому подобные материалы сохранять для науки посредством коллекционирования и записи... Необходимо знать, что если люди дают возможность исчезать особенностям своего языка, если забывают свои обычаи, сказания, мифы, поэзию, то они обречены на постепенное вымирание...» [5, S. 68].

Целью этого общества было объединение стремлений, направленных на изучение Литвы и сохранение памятников литовского языка. Одним из руководителей ЛЛЮ был Адальберт Беценбергер – известный языковед, профессор Кёнигсбергского университета, заведующий кафедрой индо-германской филологии. А. Беценбергер основал в Альбертине научное направление балтийской филологии. Предметом его особого внимания была история литовского и латышского языков [3. С. 345]. В 1882 г. А. Беценбергер выпустил книгу «Литовские разыскания. Материалы по языку и народности литовцев», в которой говорилось о складе речи и народности языка [1, С. 104].

В период с 1898 до 1925 г. обществом управлял Александр Куршайтис, который своей разносторонней деятельностью смог добиться высоких результатов. В научных изысканиях он продолжил лексикографические традиции своего отца Ф. Куршайтиса – автора словарей и грамматики литовского языка, общественного деятеля, переводчика и публициста, профессора Кёнигсбергского университета [2, С. 40–43].

Литовское литературное общество имело свой собственный печатный орган «Сообщения». Это издание выходило до осени 1895 г., всего было выпущено 20 номеров, в которых публиковались очень интересные исследования и материалы по диалектике и фольклору: Якоби «О мемельском наречии»; песни, загадки и сказки, записанные И. Шлюпасом; статьи Концевича по литовской этнографии, литературе; описание свадебного литовского ритуала А. Юшкевича; названия литовских лекарств Зембрижского; народные напевы и различные тексты, записанные А. Беценбергером. Кроме того, при обществе был создан музей литовских древностей, устраивались различные выставки, готовились публикации журналов.

Говоря о численности и составе общества, необходимо отметить, что по данным на 1901–1902 гг. оно насчитывало около 180 членов, из которых 45 были литовцами (44 из Тильзита), 61 человек проживал в Восточной Пруссии, 32 члена проживало на территории всей Германии, 42 человека являлись иностранцами. Среди членов общества

были известные лингвисты того времени – Гуртенау (Санкт-Петербург), Бернекер (Прага), Фортунатов (Москва), Педерсен (Копенгаген), Вольтер (Санкт-Петербург) и другие. Кроме учёных-филологов членами общества были пасторы (15%), преподаватели (15%), врачи (10%) и предприниматели (10%) [5, S. 73–77]. Среди высокопоставленных особ, состоявших в обществе, были генерал Корф, директор императорского банка Ортель. Принадлежность части членов общества к высшему политическому и научному свету помогала в реализации его планов.

Оценивая деятельность Литовского литературного общества, необходимо признать, что во многом она способствовала сохранению элементов литовской культуры. Благодаря разносторонней агитации, докладам, выступлениям, собраниям члены общества смогли пробудить интерес к литовскому языку, истории, мифологии, обычаям как у людей нелитовского происхождения, так и у самих прусских литовцев.

С другой стороны, не следует забывать, что эта организация не имела ничего общего с литовским национальным движением и никаких национальных требований литовцев она не поддерживала. На собрании, состоявшемся по поводу 25-летия со дня образования ЛЛЮ, А. Куршайтис в своём докладе заявил о том, что своим возникновением это объединение обязано тем немцам, которые проявили интерес к исчезающей литовской культуре; что именно немецкая нация, несмотря на своё величие, никогда не относилась к другим народам с высокомерным презрением, наоборот всячески помогала им сохранять и приумножать их национальное богатство [5, S. 69].

То, что члены ЛЛЮ не намеревались активно поддерживать литовское население Восточной Пруссии, подтверждают два примера.

В 1887 г. суперинтендант Тильзита Т. Хоффхайнц передал обществу коллекцию литовских хоралов с просьбой издать эти материалы. К коллекции он приложил составленный им словарь в котором говорилось следующее: «...Литовцы - это народ, который очень любит музыку, они поют часто и хорошо. Кроме того, литовцы очень религиозны, и их музыка несёт с собой благочестие... Литовские хораловые песни значительно отличаются от немецких, в которых звуки идут по звуковому ряду одинаковым шагом как солдаты на параде. Литовцы знают все немецкие мелодии, но поют их по-своему, часто используют вариации, перемешивают музыкальные фразы, изменяют столь нелюбимый ими ритм в половины тактов. Когда запевают в литовских кирхах литовские хоралы, то не только окна дрожат, но и сердца слушателей... И

этот народ с его богатой музыкальной традицией вымирает. Поэтому я пытаюсь спасти то, что ещё можно спасти...» [5, S. 77].

В 1894 г. ЛЛО выпустило эту коллекцию, но только после того как её официально одобрил королевский дирижёр В. Вольф и она была значительно переработана. В итоге тот первоначальный дух литовских церковных песен, который пытался спасти Хоффхайнц исчез, теперь литовские звуки маршировали так же, как немецкие звуки на параде. В результате изменений, которым подверглись тексты хоралов, коллекция практически утратила свою ценность, так как самобытность литовской музыки была утеряна [5, S. 78].

В 1886 и 1889 гг. общество выпустило обширные коллекции народных песен. Их особенностью было то, что в текстах песен были предложены только первые строки на литовском языке, все остальные были представлены в немецком переводе. Таким образом, прусским литовцам ненавязчиво давали понять, что лучше исполнять свои песни на немецком языке. Некоторые исследователи пытались доказать со ссылкой на литовские источники, что из-за исполнения литовских церковных песен на немецком языке ухудшилось богослужение в литовских кирхах, что красота народных песен складывается прежде всего из единства мелодии и оригинального текста [5, S. 72, 78].

В 1879 г. в «Литовской газете» появилось стихотворение, начинавшееся следующими словами:

«...Литовниками мы родились
Литовниками должны мы быть
Эту честь природную
Должны мы сохранить...»

В 1908 г. композитор С. Шимкус написал мелодию на слова этого стихотворения. Вскоре это произведение стало гимном литовцев Восточной Пруссии, любимой народной песней. Немногие знали тогда, что автором этого текста был немец, один из самых известных политологов, поэт и публицист Георг Зауервайн [4, с. 45]. Все свои знания, энергию, талант этот человек потратил на решение проблем национальных меньшинств Германской империи, в том числе на протяжении 25 лет он защищал жизненные интересы прусских литовцев.

Кроме того, что Зауервайн написал более 300 стихотворных произведений, пробуждавших национальное достоинство литовцев, он в своих публицистических работах учил литовцев тактике борьбы против германизации. Он пытался опубликовать как можно больше немецких брошюр, обращавших внимание общественности на вопросы

сохранения литовского духа, сочинял аргументированные петиции королю о спасении литовского языка. Обер-президент Гумбинненского правительственного округа, комментируя одну из них, писал, что сокращение сферы употребления литовского языка может только радовать человека здравого ума, но, увы, находятся такие элементы как Г. Зауервайн, которые считают своим призванием объявить себя спасителями литовского духа. Подобные убеждения настраивали многих сторонников германизации против него. Но он был искренним патриотом Германии и верил в то, что политика немецкого государства по отношению к национальным меньшинствам изменится.

Подводя итог, можно констатировать, что со стороны немецкой общественности наблюдался интерес к литовскому языку и культуре. Немецкие учёные не только смогли зафиксировать уходящие постепенно в прошлое литовские национальные особенности, но и содействовали своими научными розысканиями пробуждению интереса к родной культуре и у литовского населения Восточной Пруссии. И дальше идеи национальной самобытности развивались уже в кругах национальной литовской интеллигенции.

Список литературы

1. *Вольтер Э.* О результатах этнографической поездки к Пруссим Литовцам летом 1883 года // Известия Русского географического общества. 1885. Т. 21. Вып. 2.
2. *Дротвинас Ф.* Фридрикас Куршайтис // *Замечательные люди Малой Литвы.* Вильнюс, 1989.
3. *Лавринович К.* Альбертина. Очерки истории Кёнигсбергского университета. Калининград, 1995.
4. *Тумавичюте И.* Юргис Зауервейнас // *Замечательные люди Малой Литвы.* Вильнюс, 1989.
5. *Range J.D.* Preussisch-Litauen in kulturhistorischer Sicht // *Deutschen, Slawen und Balten.* Bonn, 1989.

В.Н. Дороничева
(Калининград, Россия)

ТИЛЬЗИТ – СОВЕТСК: ИСТОРИЯ НОВОЙ ЖИЗНИ

Решением Потсдамской конференции 1945 г. часть территории Восточной Пруссии была передана СССР. Передача Кёнигсберга и окружающих его земель в собственность Советского Союза имела свои особенности и рождала особые проблемы.

В представлении советских властей и массовом сознании советских граждан эти земли были опорой германского милитаризма. Новым местным властям представлялось необходимым изменить здесь решительно всё. Но в условиях недавнего окончания войны, послевоенной разрухи это было проблематично. Невозможно было уничтожить до основания всё немецкое и быстро освободить восточнопруссские земли от коренного населения. Переселение в новую область жителей из разных советских республик было задумано как важнейшая мера на пути превращения Кёнигсберга и окружающих его районов в советские земли.

Летом 1945 г. в Тильзит прибыли первые эшелоны с переселенцами. «Город был пуст, никого, кроме военных не было. Тильзит производил тогда впечатление мёртвого города. Поначалу страшно было; на улице стоял запах мертвечины, кое-где в домах остались трупы убитых немцев. Развалины. И под развалинами находили трупы. Улицы были тёмными, освещения не было. Но, несмотря на развалины и грязь, было видно, что до войны город был очень красивым. Поражала необычная архитектура города. Там, где сохранились особняки, было очень красиво, ухоженные дворики, клумбы, цветы, кустарники», – вспоминает свои первые впечатления о новом месте жительства Александра Петровна Людова [4]. Многие переселенцы в своих воспоминаниях отмечают былую красоту, ухоженность и некое величие бывших немецких городов.

Первым прибывшим в Тильзит переселенцам на выбор предоставляли наиболее уцелевшие дома со всем содержимым бывших хозяев – посудой, мебелью и т.д. «Когда мы выбрали дом, то

написали на нём: "Дом занят. Людовы"». Так все делали, и этот дом больше никто не мог занять» [4].

Жизнь первых переселенцев на новом месте была чрезвычайно трудной, особенно в первый год после приезда. Становление города проходило в нелёгких условиях. Свыше 60 % производственных и административных зданий были разрушены. Бытовые условия жизни практически отсутствовали. Бездействовала электростанция, не ходили трамваи, не работали водопровод и канализация. Советским людям, прибывшим в новый город, пришлось многое поднимать и отстраивать заново.

Среди первых переселенцев были семьи с детьми, поэтому сапёрная рота под командованием гвардии капитана В.Е. Пупышева летом и осенью 1945 г. проводила ремонтно-строительные работы по восстановлению здания школы. И уже к концу октября школа была готова к принятию первых учеников. 4 ноября 1945 г. в 12 часов в г. Тильзите состоялось торжественное открытие советского учебного заведения. Директором школы была назначена Надежда Филипповна Ферман. Она руководила школой с 1945 по 1947 г. В 1945–1946 учебном году обучалось 568 учащихся [5]. Первые послевоенные годы стали самым тяжёлым временем для учеников, учителей и директора. Вместе со всеми учреждениями и жителями Тильзита школа работала на восстановление города. Проводили очистительные работы, разбирали разрушенные здания, делали ремонт, сажали деревья.

Без возрождения промышленности также невозможно было развитие молодой области. Приоритетным направлением восстановления промышленности было целлюлозно-бумажное производство. Уже в 1945 г. в Тильзит прибыл первый эшелон со специалистами для восстановления целлюлозно-бумажного комбината. Прибывших людей впечатлили немецкая культура производства, которая отличалась от нашей, добротность сооружений, продуманность всего [2, с. 55]. Люди день и ночь работали на восстановлении крупнейшего предприятия города, и уже в 1946 г. поднятый из руин завод выдал первые 200 тонн товарной целлюлозы и столько же бумаги.

В первое время жизнь переселенцев на новом месте шла параллельно существованию коренных жителей Восточной Пруссии. Сначала многие немцы прятались в лесах, а к лету стали уже выходить отсюда. Некоторые немцы оказывали сопротивление, так как среди них ходили слухи, что русские их перестреляют. Но когда они увидели, что с ними нет борьбы, они больше не прятались. Пришедших в немецкую

комендатуру трудораспределяли: они разбирали развалы, мели улицы, заделывали воронки и выбоины на дорогах и насыпях, разминировали предприятия и жилые дома, восстанавливали мосты. Немецкая комендатура в Тильзите располагалась на ул. Красной. Многие переселенцы поначалу боялись немцев, даже боялись пить воду из колодцев, так как думали, что немцы подсыпали туда яд.

Надо сказать, что отношение к немецкому населению у переселенцев из Советского Союза определялось целым рядом факторов. Несомненно, имела место вполне понятная ненависть, рождённая впечатлениями недавно закончившейся войны. Но постепенно ненависть и недоверие исчезали или, по крайней мере, сглаживались под воздействием непосредственных контактов с жителями Восточной Пруссии. Это определялось, прежде всего, наблюдением за тем, как немцы работают – чётко, чисто, аккуратно, с присущей им пунктуальностью.

Многие немцы устраивались работать прислугой у переселенцев. Случалось, что между прислугой и хозяевами складывались почти дружеские отношения. «У нас было довольно много друзей и знакомых немцев, – делится воспоминаниями А.П. Людова. – В соседнем доме жила семья Шульц. Мы здоровались друг с другом, немного общались, потом наши дочери вместе играли во дворе. Вместе с моим сыном в классе учился немец. Его родители здесь остались жить. Была знакомая портниха немка Бетти, к которой мы ходили шить. Она и сейчас жива. Многие немки работали няньками. У моих знакомых немка работала нянькой, да и у меня тоже нянькой работала немка Хельза» [4].

Представления о жизни немцев и о них самих советские переселенцы также получали в процессе знакомства с немецкой бытовой культурой. «Немецкая культура заставляла нас "культурно подняться". Те же предметы быта: ковры – уже заботишься об их чистоте; посуда – если супы варили, так наливали в трофейную супницу. Старались поддерживать чистоту и порядок так, как делали немецкие экономки. Многие дети, и мои тоже, носили немецкую причёску, происходили заимствования в немецкой моде, одежде» [4].

Однако незнание основ немецкого быта часто приводило к курьёзным случаям. Например, один человек пришел на раздачу супа с красивым ночным горшком и пытался использовать его в качестве миски. А советские девушки наряжались в красивые немецкие ночные сорочки, принимая их за нарядные платья. Но совместное проживание на одной территории советского и немецкого населения продлилось

недолго – в 1947 г. была начата депортация немецких жителей Калининградской области в Германию. В основном она завершилась осенью 1948 г.

С 1946 г. началось массовое заселение области. В августе 1946 г. на станцию Гумбиннен (Гусев) прибыл первый эшелон – 570 человек. В 1946–1953 гг. в Калининградскую область переселилось из 30 областей и краёв, четырёх автономных республик СССР 42376 семей, в том числе 2336 – в Советск [3].

Многие из переселенцев воспринимали свой переезд как временное явление – «восстановим область и вернёмся в родные края». Здесь всё было для них чуждым и даже враждебным. Государственная политика была направлена на полное разрушение следов «гнезда милитаризма» – разбирались не только руины, но и хорошо сохранившиеся здания. Добытый кирпич вывозился на восстановление Ленинграда и других городов России, пострадавших от войны.

В большинстве новые жители области не осознавали ценность местных памятников истории и культуры и поэтому не берегли их, о чём сейчас сожалеют. Такое отношение у переселенцев складывалось потому, что долгое время не было информации о дальнейшей судьбе области, долгое время люди не относились к краю как к родному дому. Первое время многие, живя в немецком особняке, не старались сберечь оставшуюся красоту, а крушили всё, что могли: жгли в печах резные заборы, мебель, разрушали дворики, сарайчики. И только в начале 1950-х уже стали по-другому относиться к собственному подворью.

Тогда героическим трудом первых переселенцев были восстановлены черепично-кирпичный завод, дрожжевой завод, порт, ковровая фабрика, молокозавод, завод плодово-ягодных вин, военная и гражданские строительные организации, завод железобетонных изделий, картонажно-полиграфическая фабрика.

В условиях изменения внешнего вида, трансформации социально-культурного слоя города происходило создание нового духовного облика.

На начальном этапе становления области основной задачей культурно-просветучреждений была помощь партийным и советским органам в мобилизации всех возможностей для восстановления народного хозяйства и организации жизни людей на новом месте. В сложных послевоенных условиях были заложены первые культурно-образовательные традиции, рождался полезный опыт, который стал основой для дальнейшей работы. Работники культуры на руинах, оставшихся после

войны, создавали первые учреждения культуры, организовывали досуг горожан.

14 апреля 1947 г. в Советске, Правдинске, Приморске и других городах области были сданы в эксплуатацию кинотеатры. А уже 10 июля начался спортивный кинофестиваль. Зрители увидели популярные фильмы «Парад молодости», «Центр нападения» и др. [1, с. 324].

29 апреля 1947 г. бюро обкома приняло постановление об организации газет в городах и районах области. В соответствии с административно-территориальным делением создавались две городские – в Советске и Черняховске – и 14 районных газет. При этом устанавливалось, что городские газеты будут выходить ежедневно, а районные – 3 раза в неделю. В группе городских газет первым появилось издание в Советске. Практически редакция и типография были созданы уже осенью 1947 г., а первый номер вышел 18 января 1948 г. Размер разовых тиражей газеты в Советске доходил до 3000 экземпляров [6, с. 66–67]. Но создание городской периодической печати на практике столкнулось с некоторыми трудностями – не хватало помещений, полиграфического оборудования, журналистских кадров, типографских рабочих. Преодолеть их смогли только к концу 1948 г.

В 1949 году в г. Советске были открыты культпросветучилище и кинотехникум – так решался вопрос насыщения молодой области кадрами «культурного фронта» [3, с. 156].

Жизнь в городе постепенно нормализовалась. Работа по созданию нового облика города шла полным ходом. Со временем командировочные настроения многих приехавших новых жителей сменялись чувствами любви к новому дому.

Власти молодой Калининградской области проводили политику уничтожения всего немецкого, «изгнания прусского духа», создания на немецкой земле истинно советских городов. Новая волна переселенцев принесла с собой советское мышление, советскую культуру и быт. История города началась с чистого листа.

Список литературы

1. *В начале* нового пути. Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). Калининград, 2004.

2. *Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах.* Калининград, 2003.

3. *Именная книга организаторов становления и развития Калининградской области: историко-документальный очерк.* Калининград, 2002.

4. *Интервью* с Александрой Петровной Людовой. Корреспондент – Бабаева (Дороничева) В.Н. (записано 29 июня 2003 г.).

5. *Сайт* гимназии №1 г. Советска // [Электрон. ресурс] Режим доступа: <<http://www.school.baltinform.ru/?pid=4984>>

6. *Становление и развитие Калининградской области.* Калининград, 1970.

Е.Н. Брокар
(Калининград, Россия)

**АРХИТЕКТУРНОЕ РАЗВИТИЕ КАЛИНИНГРАДА
В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ:
ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ
И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА**

В результате послевоенного геополитического переустройства Европы на карте появился город с новым названием Калининград. С этого момента начался новый этап в истории архитектуры старого немецкого и нового советского города.

Во время Второй мировой войны центр Кёнигсберга был разрушен на 90 % – товарные и пассажирские железнодорожные станции, густо застроенные многоэтажными зданиями районы у Шлосстайха (Нижний пруд) до линии внутренних фортов и между реками Новый и Старый Прегель [5, ф. 2, оп. 1, д. 22, л. 4]. Превратилось в развалины около 85–90 % всей жилой площади, практически вся городская инфраструктура [2, с. 124]. Восстановление проходило очень медленно. На первых шагах строительство новых зданий практически не велось. Привычная архитектурная деталь тех времён – чадающие жестяные трубы, торчащие из руин. Распространённые в сороковые и пятидесятые годы адреса – развалки [6, с. 40].

После окончания боевых действий весной 1945 г. военной комендатурой были начаты работы по расчистке улиц разрушенного, местами ещё горящего города, от завалов, приспособлению сохранившихся зданий для жилья и размещения учреждений. К концу апреля был

проведён учёт памятников истории и культуры. Так как список не сохранился, трудно судить о принципах его формирования [2, с. 122]. Было создано бюро инвентаризации, которое немедленно приступило к учёту всех зданий с указанием их пригодности к восстановлению в первую очередь [3, д. 3, л. 1]. Процесс частичного восстановления первоначально происходил в районах действующих предприятий, более вяло – в удалённых районах. Строительство до начала 1950-х гг. прежде всего коснулось малоэтажного фонда. Активно дома начали восстанавливаться на основе поточного метода только с 1949 г. [14]. В сохранившихся районах планировалась решительная перестройка ведущих магистралей и транспортных узлов [15]. Общественные учреждения в первые годы размещались в случайно уцелевших зданиях, чаще всего использовались немецкие сооружения с подобными функциями. Характерным для этого времени было также крайне плотное заселение уцелевшего старого немецкого жилого фонда [2, с. 122].

В результате общих усилий, за период 1945–1948 гг. были проведены расчистка развалин старого города и восстановление сохранившихся домов на осевых улицах: по Сталинградскому проспекту (сегодня пр. Мира), по Житомирской и Маяковской улицам (Ленинский пр.), по Советскому проспекту, запущены городской транспорт, водопроводная и канализационная системы. В соответствии с характером застройки Сталинградский проспект по своей структуре разбивался на следующие элементы: площадь Победы, административно-общественный центр, включая театр, парадная восточная часть проспекта с интенсивной многоэтажной застройкой, западная часть проспекта с экстенсивной застройкой [3, д. 3, л. 25].

Первые годы Калининград рассматривался как своеобразный военный трофей, поэтому из него были вывезены многие культурные ценности, оборудование части промышленных предприятий и городских учреждений культуры [8, с. 24]. Отношение к историческому прошлому города в эти годы определялось пафосом недавней борьбы с фашизмом. Это привело к уничтожению наиболее ярких следов немецкой культуры в городе. Трудно доставшимся наследством сознательно и в силу идеологических причин не дорожили. В газете «Калининградская правда» архитектор М.Р. Наумов писал: «Городской центр был застроен немцами бесплано, варварски, как это вообще характерно для капиталистических стран. Здесь много узких улочек, где с трудом походит трамвай. На месте этих зданий будут проложены проспекты, запланированы бульвары и скверы» [13]. С другой стороны,

многие переселенцы гибли под обвалами зданий. Стоял вопрос о человеческих жизнях, и власти приняли решение о расчистке руин, ликвидации старых полуразрушенных немецких зданий [6, с. 50].

В первый период восстановления города (1946 – начало 1947 гг.) вся тяжесть архитектурно-планировочных задач легла на плечи двух человек (Тимохин, Максимов) [4, д. 3, л. 3]. Отсутствовало единое централизованное управление при проведении восстановительных работ. Всего три стройки в городе имели в 1947 г. официальное право на восстановительные работы, остальные велись без разрешения архитектурно-строительного контроля [2, с. 124]. К лету 1947 г. в Калининграде существовали четыре проектные организации. Самой большой из них был Облпроект, работа которого характеризовалась низким качеством. Вторая проектная организация – проектно-сметное бюро Горкомхоза – занималось почти исключительно сметными работами и по своей мощности не могла охватить большой объём работ. Третья – сметно-техническое бюро Облздравотдела. И, наконец, проектно-сметное бюро при строительной конторе Облуниверсалторга. Оно занималось вопросами решения интерьеров магазинов и ресторанов, сметами на производство отделочных работ, выполняемых строительной конторой [7].

Только в 1947 г. в Калининграде было создано Управление главного архитектора, руководителем которого и одновременно главным архитектором в 1948–1958 гг. был Д.К. Навалихин [2, с. 130]. К 1948 г. в городе была сформирована система строительства, и стала возможной разработка единой схемы застройки и генерального плана. В «Калининградской правде» в феврале 1948 г. Д.К. Навалихин заявлял о намерении создать схему и проект строительства первой очереди, затем схему развития города по пятилетнему плану и только после этого – проект генерального плана, рассчитанного на 10–15 лет [10].

При создании пространственной композиции города большое значение придавалось организации городского центра. В старом Кёнигсберге было два центра – средневековое ядро города (плотная застройка вблизи замка и на острове) и место сосредоточения прусских правительственных учреждений вокруг общественной площади на некотором отдалении от замка (внутренний город). С самого начала на составление планов строительства и восстановления города оказывала влияние интерпретация истории города как временной оккупации немцами исконно славянской земли [17, S. 47].

Навалихин исходил из предложения Гипрогора (отдел Московского института проектирования городов) разместить главное здание города – Дом Советов – на фундаментах бывшего Королевского замка, а главную площадь – на набережной реки Преголи. Радиально-кольцевая структура города оказалась бы ориентированной на центральный высотный ансамбль – Дом Советов.

В проекте в полной мере проявились характерные черты градостроительства послевоенных лет и плана реконструкции Москвы: использование высотных доминант в сочетании с огромными незамкнутыми площадями с целью создания парадного пространства перед зданиями, широко раскрытых на город перспектив [16, с. 126].

К разработке был принят вариант, предложенный Гипрогором (автор М.Р. Наумов), который был утверждён Советом Министров РСФСР в 1953 г. План строился с учётом ранее существовавших основных кварталов города. В городе сохранялась радиально-кольцевая система улиц. Новая планировка учитывала разрушения старого центра, сохраняла и развивала новую систему магистралей. Новый административно-общественный центр города с центральной площадью создавался между развалинами замка и рекой Преголей. Согласно этому проекту, будущий Дом Советов был первоначально представлен в виде административного здания средней высоты, композиционное раскрытие которого осуществлялось благодаря направленности улиц на это сооружение [1]. Однако плану этому не было суждено реализоваться. В условиях полностью разрушенной средневековой части исторического Кёнигсберга центр города Калининграда смещался на северо-запад в районы застройки начала XX в. – туда, где было меньше «готики» и разрушений.

Стилевой характер реконструируемых и вновь построенных зданий определялся господством в архитектуре в этот период сталинского ампира с его монументальной парадностью, свойственной духу начала 1930–1950-х гг. Обновлённые фасады старых зданий Хуфена (районы Советского пр., ул. Леонова, пр. Мира, ул. Дм. Донского и Каштановой аллеи), ещё в начале XX в. бывших городской окраиной, застроенной в романтическом стиле бидемайер, должны были устранить следы немецкого присутствия [9]. Господство в этот период сталинского неоклассицизма определило и стилевой характер работ по реконструкции Сталинградского проспекта, который входил в первую очередь строительства. Намечалась интенсивная застройка фронта улицы

многоэтажными зданиями от гостиницы «Москва» до улицы Комсомольской с надстройкой некоторых зданий [3, д. 8, л. 10].

Как известно, классическая традиция не предполагает островерхие крыши, поэтому при реконструкции немецких зданий стропильные конструкции были заменены на более пологие: так начал меняться характер старой городской застройки. Однако многие жилые дома, введенные в эксплуатацию, были с неоштукатуренными фасадами, без видимых изменений. Это было связано со срочностью решения жилищного вопроса и отсутствием времени для украшения фасадов [12]. У многих зданий сохранялся фасад, который дополнялся карнизами с парапетами, восстанавливались мансарды. Крыши покрывались рубероидом или сохранялась черепица, но они делались либо плоскими, либо с меньшим скатом [4, д. 8, л. 49]. Несмотря на то, что Драматическому театру отводилось важнейшее место в создании единого архитектурного ансамбля, к активному проектированию и восстановлению здания из-за недостатка средств перешли только в 1953 г. [5, ф. 1, оп. 11, д. 85, л. 40]. Окончательно отреставрирован театр был только к 1960 г. по проекту Н. Кухтенко. Построенным с нуля в стиле сталинского ампира стал комплекс павильонов областной «Выставки достижений народного хозяйства» на ул. Сержанта Колоскова с официально-строгой оградой и входной колоннадой [8, с. 27].

Неприемлемым для советских властей были многочисленные дома старого Кёнигсберга в стиле северного барокко и готики, воспринимавшиеся как своеобразные символы «немецчины» [9, с. 68]. Однако идеологический фактор играл второстепенную роль, когда речь шла о прагматическом использовании столь необходимых восстанавливаемому городу административных и жилых помещений.

Поэтому речь могла идти не о разрушении, а лишь об изменении назначения зданий. Прежде всего это коснулось культовых сооружений: кирха на новом Трагхайме (неороманский стиль, 1912–1913 гг.) была переделана в кинотеатр «Ленинград»; сильно повреждённая евангелическая церковь Христа в Ратсхофе (1937 г.) была перестроена в Дом культуры вагоностроительного завода; кирха в Понарте (неоготический стиль, 1897 г.) – в спортивный зал. Духовные учреждения становились складскими помещениями (евангелическая кирха в Розенау, неоготика, 1926 г.), заводскими цехами (церковь креста на Ломзе, 1930–1933 гг.) и т.д. [9, с. 68]. Исключением стал Кафедральный собор, благодаря могиле немецкого философа Канта. В первое послевоенное время также удалось сохранить памятник Шиллеру.

Особенность первых послевоенных лет заключалась в том, что все работы велись на основе исторически сложившейся планировочной структуры. Перед архитекторами и инженерами встали особенно сложные задачи. Город требовал не только восстановления, но и реконструкции в духе социалистической идеологии, советских принципов планировки проектирования городов, искоренения «прусского духа» [6, с. 53]. В первые послевоенные годы не удалось создать архитектурно-законченный ансамбль в городе. Калининград в сравнении с другими разрушенными после войны советскими городами восстанавливался заметно медленнее, что было связано с неопределённостью судьбы области, медленным налаживанием системы управления строительством, отсутствием квалифицированных специалистов.

До сих пор на оценку архитектурного наследия Кёнигсберга – Калининграда оказывают влияние общественные настроения, которые меняются в зависимости от политико-экономических и социальных факторов. Если в 1940–1950-е гг. существовало резкое неприятие прусского облика города, то сегодня подчёркивается необходимость восстановления немецкого архитектурного наследия и, соответственно, подвергается резкой критике всё, что было построено после войны.

Историография темы развита слабо. В советский период исследования носили ограниченный, политически ангажированный характер. В 1990-е гг. появились обобщающие исследования по истории города с накоплением фактической и документальной базы. Большая часть исследований, вышедших в свет, была приурочена к празднованию 750-летия Кёнигсберга в 2005 г. Специальные работы, посвящённые послевоенному восстановлению города, пока отсутствуют. Постепенно публикуются архивные материалы. Некоторая информация содержится в местных газетах, в том числе в «Калининградской правде» (центральный печатный орган областной партийной организации) конца 1940 – начала 1950-х гг. Значительный вклад в разработку данной темы внесла монография И.В. Белинцевой [2]. Отдельный пласт материалов составляет иностранная литература, большая часть которой, к сожалению, не переведена на русский язык.

Список литературы

1. *Александров В.* Контуры обновляемого города // Калининградская правда. 1948. 21 января.
2. *Белинцева И.В.* Архитектурно-градостроительная культура городов Балтики (Гданьск, Калининград, Эльблонг). М., 2002.

3. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. 520. Оп. 1.
4. ГАКО. Ф. 522. Оп.1.
5. Государственный архив новейшей истории Калининградской области (ГАНИКО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 22.
6. *Денисов В.В.* Калининград – судьба моя: лит.-публ. сб. Калининград, 2001.
7. *Дыховичная Н.* Неотложные вопросы восстановления и планировки Калининграда // Калининградская правда. 1947. 30 июля.
8. *Калининград* – памятники истории и культуры. М., 2005.
9. *Кёстер Б.* Кёнигсберг: сегодняшний Калининград: архитектура немецкого времени. М., 2000.
10. *Навалихин Д.* Будущее города // Калининградская правда. 1948. 15 мая.
11. *Навалихин Д.К.* Продуманно вести застройку // Калининградская правда. 1948. 24 февраля.
12. *Навалихин Д. К., Пейсин Д.* Каждое здание должно украшать наш город // Калининградская правда. 1949. 3 сентября.
13. *Наумов М.Р.* Каким будет Калининград // Калининградская правда. 1949. 30 апреля.
14. *Руденко М.* Дом строится поточным методом // Калининградская правда. 1949. 3 сентября.
15. *Сталинская* программа борьбы за строительство новой области // Калининградская правда. 1947. № 100.
16. *Хмельницкий Д.С.* Зодчий Сталин. М., 2007.
17. *Норре В.* Auf den Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946–1970. München, 2000.

Раздел 3 ИСТОРИОГРАФИЯ. БИБЛИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

А.А. Чапенко
(Мурманск, Россия)

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ УЧАСТИИ ЛАТЫШЕЙ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ НА СТОРОНЕ ГЕРМАНИИ В 1941–1945 гг.

Вторая мировая война является одним из тех исторических явлений, которое ещё очень долгие годы будет привлекать самое пристальное внимание со стороны историков, публицистов, литераторов и просто общественности, интересующейся прошлым. К сожалению, целый ряд аспектов истории этого глобального катаклизма до сих пор остается спорным и вследствие того, что в целом ряде государств, которые в той или иной степени оказались вовлеченными во Вторую мировую войну, существуют собственные оценочные критерии тех или иных процессов, очень многие события данного периода получали неоднозначные, а зачастую и диаметрально противоположные оценки.

Безусловно, к таковым можно смело отнести проблему участия граждан Латвии, Литвы и Эстонии в Великой Отечественной войне (как составляющем этапе Второй мировой войны) на стороне Германии. Именно в этом вопросе наиболее явно заметно расхождение между современными исследователями России и Латвии. Причём, к сожалению, зачастую при оценке этих событий превалируют эмоции и взаимная обида, а не объективный анализ событий на основе компаративного анализа архивных источников. Безусловно, в сложившихся конкретных исторических условиях, когда налицо очень серьёзные расхождения между Россией и Латвией в оценке событий 1941—1945 гг., необходим поиск путей преодоления этих разногласий.

Современная российская историография не уделяет должного внимания проблеме участия латышей, литовцев и эстонцев в войне

против СССР. До сих пор по данной тематике в России не существует фундаментальных монографий или статей в периодике, опирающихся на комплекс подлинных архивных источников и непредвзято осветивших данную проблему.

Такое положение возникло потому, что для тех немногочисленных российских авторов, кто пытался разрабатывать данную проблему, характерен достаточно узкий источниковый базис, органиченный источниками советского периода и рядом второстепенных материалов из открытых российских архивов. Незнание латышского языка, невозможность знакомства с латвийской литературой и работы в латвийских архивах приводят к тому, что видение картины российскими историками получается односторонним. Похожая проблема присуща и латвийским историкам: опора только на местные источники не даёт возможности дать комплексный анализ проблемы и попытаться оценить её максимально объективно.

Поэтому ситуация парадоксальна: оценка латвийскими историками тех трагических событий не сильно отличается от идеологической позиции латышских националистов 1941–1945 гг., а большая часть российских историков по-прежнему мыслит категориями, которые сложились в СССР ещё в 60–70-е гг. XX века. Причём обе стороны никоим образом не желают менять свои точки зрения в связи с новыми обнаруженными документами.

В статье автор попытался охарактеризовать издания, посвящённые рассмотрению проблемы участия латышей во Второй мировой войне на стороне Германии в 1941–1945 гг., вышедшие в Российской Федерации после 1991 г.

Единственная монография, полностью посвящённая именно участию граждан Латвии, Литвы и Эстонии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. на стороне Германии издана в 2004 г.¹ Михаил Юрьевич Крысин привлёк к работе неопубликованные источники из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального архива министерства обороны (ЦАМО; этот материал использован явно далеко не в том объёме, который позволяют его фонды) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), ряд опубликованных иностранных и российских (в

¹ *Крысин М.Ю.* Прибалтика между Гитлером и Сталиным. 1939–1945. М., 2004.

большинстве, советских) источников, самый широкий спектр литературы по теме.

Как заявляет в предисловии сам автор, свою задачу он видел прежде всего в том, чтобы показать основные причины, заставившие латышей, литовцев и эстонцев встать на сторону А. Гитлера. Автор попытался также рассмотреть такую проблему: планировало ли гитлеровское руководство восстановление в какой-либо форме независимости прибалтийских республик. Получилось серьёзное и грамотное исследование, слабость которого – отсутствие ссылок на современные работы прибалтийских авторов и на материалы фондов иностранных архивов (прежде всего, конечно, прибалтийских).

Касаясь Латвии, Крысин откровенно заявляет, что борьба прибалтийских народов за «независимость» в 1941–1945 гг. – это миф, так как немцы её изначально не собирались предоставлять латышам (как, в принципе, и литовцам с эстонцами), в силу того, что территория Латвии и двух других республик подлежала заселению немецкими колонистами, а самих жителей ждало поголовное онемечивание или выселение вглубь России. М.Ю. Крысин утверждает, что наиболее заинтересованы в сотрудничестве с гитлеровцами были самые обеспеченные в материальном плане слои общества Латвии, Литвы и Эстонии, так как они рассчитывали при помощи Германии вернуть утерянную в течение 1940–1941 гг. землю, деньги и собственность. Автор также отметил, что немцы в лучшем случае в конце войны были готовы предоставить той же Латвии независимость по типу Богемии и Моравии¹.

Книги Сергея Игоревича Дробязко и Сергея Чуева² представляют собой скорее работы справочно-нарративного и научно-популярного характера, нежели серьёзные аналитические исследования. Приоритетное внимание авторы уделяют подробному описанию истории создания прибалтийских (в частности латышских) воинских формирований, освещают их боевой путь, описывают их униформу, вооружение, оперируют цифрами численности этих подразделений, характеризуют и оценивают степень их боеспособности.

Любопытно, что С.И. Дробязко настроен к латышам-участникам антисоветских формирований позитивнее других российских авторов

¹ Там же. С. 6–7.

² *Дробязко С.И.* Вторая мировая война 1939–1945. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. М., 2000; *Чуев С.* Проклятые солдаты. М., 2004.

(пример этому — и его другие книги о коллаборационистах). Он категорично оперирует такими понятиями как «советская оккупация», «насильственная советизация», не стремясь вникнуть в суть этих понятий и дать им непредвзятую оценку.

С. Чуев рассматривает антисоветскую борьбу латышей, литовцев и эстонцев в контексте участия всех остальных народов СССР в войне на стороне А. Гитлера. Безусловно, такая позиция по меньшей мере спорна, так как бывшими гражданами независимых прибалтийских республик зачастую двигали совсем иные мотивы, нежели, например, русскими или белорусами, не имевшими в довоенный период собственной государственности, альтернативной социалистической, и выступавшими против своей Родины зачастую просто из-за грозившей в противном случае смерти за колючей проволокой концлагеря.

Характеризуя ситуацию в Латвии накануне начала Великой Отечественной войны, С. Чуев практически не отметил тех факторов, которые толкнули латышей в объятия Германии, упомянув только депортацию «части населения» Латвии 13–14 июня 1941 г. (и то только в том контексте, что «жертвами» депортации стали германские шпионы и местные реальные и потенциальные коллаборационисты). Затем, описывая бои за Ригу в июне 1941 г., он приводит только один любопытный документ, опять же в рамках теории борьбы с коллаборационизмом: описание боевых действий 5-го мотострелкового полка НКВД (из 22-й мотострелковой дивизии НКВД), который 23–25 июня боролся с латвийской «пятой колонной», отвечая на каждый выстрел огнём из пулемётов и танковых пушек и расстреляв 120 чел. «пятой колонны»¹.

Далее автор концентрирует внимание на арестах латвийских коммунистов, которые немецкие власти проводили после захвата Латвии. Дана краткая характеристика основных антисоветских латышских воинских формирований (добровольческих, полицейских, армейских и частей СС), в том числе знаменитой, ставшей уже легендарной, «команды Арайса». Причём эта характеристика подкреплена, судя по всему, в основном источниками советского периода, что вряд ли делает описанную картину объективной. Во всяком случае, акцент сделан именно на участии латышей в карательных операциях на территории Латвии, России и Белоруссии. Причём целый ряд этих «операций» зафиксирован документально, поэтому сам факт участия лиц латышской

¹ Чуев С. Указ. соч. С. 404.

национальности в массовых карательных операциях сомнений не вызывает. Однако в данном вопросе нужно отметить, что в аналогичных «мероприятиях» участвовали не только латышские контингенты, но и лица других национальностей, в том числе русские и белорусы, поэтому фокусировать внимание на том, что карательные акции – это только деяния латышских коллаборационистов, безосновательно.

Отдельная глава в книге С. Чуева посвящена истории латышского легиона СС. Автор достаточно подробно на основе российских и ряда немецких источников, описывает основные этапы формирования 15-й и 19-й латышских дивизий СС, их боевой путь, вооружение и т. п. При этом С. Чуев не уделил внимания самому важному аспекту истории Латышского легиона СС – причинам, которые поставили значительную часть латышей под знамёна СС. Автор считает, что сам принцип добровольности при комплектовании легиона соблюден не был: приводя только один, косвенный источник (воспоминания бывшего лейтенанта латышской армии К. Сермукслиса), он заявляет, что 15-я и 19-я дивизии комплектовались по мобилизации, которая носила чуть ли не насильственный характер¹.

Безусловным минусом книг С. Чуева и С.И. Дробязко является отсутствие постраничных ссылок на источники при указании каких-либо конкретных событий или цифр. Так, С. Чуев оперируя цифрами, заявляет, что на 17 июля 1941 г. в Латвии было арестовано 5625 чел., выслено (депортировано) 5978 чел., а всего репрессировано 9156 чел. Откуда взяты эти цифры и насколько объективно они отражают факты, автор не говорит. Далее вскользь говорится о том, что «метла бериевской чистки вымела и многих невиновных жителей Латвии»², однако только этими отрывочными упоминаниями и ограничивается освещение репрессивной политики Советского Союза в Латвии в 1940–1941 гг. Приоритетное внимание опять же уделено борьбе в этот период с «пятой колонной», которая, якобы, была настроена откровенно прогермански. С.И. Дробязко заявляет, что в 1941–1945 гг. на стороне Германии воевали «... 150 тыс. латышей, 90 тыс. эстонцев и 50 тыс. литовцев», однако ссылки на источник, откуда взяты эти цифры, нет, что делает их откровенно голословными.

К числу российских периодических изданий, занимающих самую радикально отрицательную позицию по вопросу участия граждан

¹ Там же. С. 21.

² Там же. С. 403.

Латвии (и не её одной) во Второй мировой войне на стороне Германии, безусловно, относится «Военно-исторический журнал». Например, в статье В.М. Барынькина, посвящённой 50-летию освобождения Прибалтики от немецко-фашистских захватчиков, о латышах, воевавших в этом регионе на стороне вермахта, даже не упомянуто. Статья В.П. Ямпольского представляет собой публикацию ряда советских документов по ситуации в Прибалтике накануне Великой Отечественной войны, на основе которых автор делает вывод, что определённые круги среди латышей, литовцев и эстонцев откровенно симпатизировали нацистам и были готовы к сотрудничеству с ними ещё до 22 июня 1941 г.¹

Немногого лояльнее к латышам относятся такие периодические издания, как «Независимое военное обозрение» и «Независимая газета»². В частности, в статье Д. Давыдова предпринята попытка доказать, что изначально немцы считали все прибалтийские народы расово неполноценными («лучше всего для онемечивания годятся эстонцы, хуже всего – литовцы»; латыши, таким образом, занимают между ними промежуточное положение). Автор повествует также о том, что немцы планировали провести в Прибалтике онемечивание населения за 5 лет в сёлах и за 10 лет в городах. Со ссылкой на нацистского историка, философа и геополитика Фридриха Хассельбахера Д. Давыдов говорит о том, что руководство Третьего рейха предполагало переселить 400 тыс. латышей в глубинные районы России³.

Таким образом, в большинстве из немногочисленных статей российской периодической печати, посвящённых данной теме, упор сделан на то, что, участвуя в войне на стороне А. Гитлера, латыши (как и литовцы с эстонцами) совершали бесперспективные в принципе действия, так как руководство Третьего рейха не собиралось предоставлять потерявшим в 1940 г. государственность республикам Прибалтики не только независимость, но и практически никакую автономию.

¹ Барынькин В.М. Освобождение Прибалтики // Военно-исторический журнал. 1994. №8; Ямпольский В.П. В Прибалтике ждали фюрера... И фюрер пришел! // Военно-исторический журнал. 2001. №6.

² Давыдов Д. Что ждало жителей рейхскомиссариата «Остланд»: нацистская программа колонизации Прибалтики // Независимая газета. 21 июня. 1994; Литвинов М. Латвийский плацдарм // Независимое военное обозрение. 2001. №25.

³ Давыдов Д. Указ. соч. С.5.

Внимание также уделяется вопросам колонизации Прибалтики немцами и вообще планам немцев относительно дальнейшей судьбы этого региона. Категорично декларируется неправомочность участия латышей в гитлеровских военных формированиях, отмечается любая возможность поиска более взвешенных оценок. В этом смысле публикации, например, «Военно-исторического журнала» в анализе событий мало чем отличаются от тех, что основывались на оценочных критериях советского периода. Скорее всего, это связано с тем, что фактически в редколлегии журнала работают преимущественно люди ещё «советской закалки», которым нелегко отказаться от устоявшихся точек зрения, даже если они далеки от объективности.

В завершение уместно сделать следующие выводы.

- К сожалению, в оценке очень многих аспектов российско-латвийских отношений периода 1939–1945 гг. эмоциональные факторы преобладают над объективными, причём это свойственно обеим сторонам; преодоление этого антагонизма представляется первостепенной задачей не только для исторической науки двух стран, но и для взаимоотношений между ними на государственном уровне.

- Именно отсутствие точек соприкосновения способствует невозможности или нежеланию привлечь к работе комплекс до сих пор секретных российских или неизвестных широким кругам российских историков латвийских источников. Это усложняет проблему построения максимально объективной картины событий по данной проблеме.

- Необходимо хотя бы временно отойти от оценочных критериев по принципу «кто виноват?» и выйти на новый уровень, в поиске ответа уже на вопрос «что делать?»; безусловно, очень многие устоявшиеся в российской исторической науке формулировки, такие, например, как «добровольное вхождение Латвии, Литвы и Эстонии в братскую семью советских народов» исторически неправомочны, но и такие клише, как «советская оккупация», «коммунистический геноцид» выглядят недостаточно убедительными. Необходимо поиск нового понятия для обозначения протекавших в Прибалтике в 1939—1940 гг. политических процессов. Пока же их уместно называть нейтральным понятием – присоединение, или, если угодно, аншлюс, Латвии, Литвы и Эстонии к СССР, либо употреблять термины «насильственная интеграция» или «инкорпорация».

- До сих пор в российской исторической науке не появилось работы, в которой были бы подробно рассмотрены глубинные процессы,

заставившие часть населения Латвии упорно сражаться против Красной армии на стороне Германии.

- Безусловно, что преодоление всех этих проблем зависит только от народов и правительств Латвии и России. Только взаимное уважение друг к другу, к истории, и историческим позициям, стремление к объективности в оценке исторических процессов позволят нашим странам преодолеть расхождения и установить конструктивные добрососедские отношения как в политике, так и в исторической науке.

Г.В. Кретинин, М.А. Манкевич
(Калининград, Россия)

СОВЕТСКАЯ ЛИТВА (1940–1965 гг.):
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

По мнению литовских историков, историческая наука в Литве во второй половине прошлого века чётко разделяется на два периода: советский и постсоветский. Исследованию истории Литвы обоих периодов присущи свои традиции: научный интерес в советский период, насчитывавший около пяти десятилетий, имел чётко выраженный социально-экономический аспект; в постсоветский период на авансцену республиканской исторической науки вышел политический дискурс: политические интересы влияют на выбор тем и ракурса исследований, определяют оценки и интерпретации.

Первостепенное значение в истории Литвы советского периода имеет период между 1940 и 1965 гг.: от момента присоединения республики к СССР до окончательного формирования основ советского строя (Литва была единственной республикой, в которой в 1946 г. был разработан перспективный план развития народного хозяйства сроком на 20 лет).

Исследовательские традиции литовской проблемы 1940–1965 гг. начали складываться непосредственно в короткий довоенный период советской истории Литвы. Уже в 1940 г. И. Трайнин анализировал в

своей статье советские конституции Литвы, Латвии и Эстонии и давались характеристики первым социалистическим преобразованиям¹.

Впоследствии, уже после войны, появился ряд книг и статей, анализирувавших проблему развития промышленности, сельского хозяйства и социально-культурной жизни Литвы. Постепенно всё большее внимание стало уделяться и послевоенному развитию республики.

Естественно, одним из основных принципов исследований стало сравнение Литвы буржуазной и Литвы социалистической. Отмечался преимущественно аграрный характер экономики республики, низкий уровень развития и энерговооружённости сельского хозяйства, встречались утверждения о наличии в буржуазной Литве полукрепостнических отношений. На фоне превалирования аграрного сектора в экономике Литвы, естественным выглядело слабое развитие промышленности, отсталый культурно-технический уровень трудящихся республики. Как правило, исследования 40-х – 60-х годов прошлого века несли на себе известную долю идеологического напластования, в них часто не хватало конкретного исторического анализа, объективного освещения процесса социально-экономических преобразований в Литве².

В то же время литовские исследователи советского периода находили возможность говорить практически о любых проблемах истории как довоенной, так и послевоенной Литвы. Особое значение здесь имели диссертационные исследования, в которых под видом исторического сравнения рассматривались актуальные вопросы развития Литвы. Затем уже эти исследования попадали и на страницы монографических изданий³.

¹ *Трайнин И.* Конституции прибалтийских республик // *Большевик*. 1940. № 22.

² *Bendžius A.* Litaudies švietimo pertvarkymas ir išvystymas Taribų Lietuvoje 1940–1950 metais // *VVU Mokslo darbai*. 1958. T. 5; *Gregorauskas M.* Taribų Lietuvos žemės ūkis, 1940–1960. V., 1960; *Maiminas E.* Teorios ir tikrovė. Buržuazinių ekonominių teorijų ir program Lietuvoje kritika (1919–1940 m.). V., 1960; *Трейгене В.В.* Промышленность и рабочие Советской Литвы в начальный период строительства социализма в республике (1940–1941). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. В., 1968; *Ефременко А.П.* Аграрные преобразования в Литовской ССР в 1940–1941 гг. // *История СССР*. 1969. №5 и др.

³ *Мешкаускас К.* Местная сырьевая база и её роль в развитии текстильной промышленности Лит. ССР. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1950; *Драгунас М.* Социально-экономические условия развития пищевой про-

Одновременно следует отметить, что, несмотря на критические подходы литовских историков к оценке исследований социально-экономического развития Советской Литвы, научная общественность понимает, что в советский период были написаны вполне объективные научные труды, посвящённые экономическим проблемам, модернизации и совершенствования хозяйственного механизма республики. Обширные по объёмам исследования, по тематическому многообразию работы литовских советских историков и экономистов К. Мешкаускаса, М. Шумаускаса, Г. Шаджюса, А. Ефременко, К. Сурблыса и др. создавали вполне объективную картину социально-экономического развития¹. Скорее всего, научные интересы сообщества литовских историков и экономистов подобные исследования пока удовлетворяют.

В постсоветский период были сняты издательские ограничения, появился свободный доступ к довоенным изданиям, а также к работам,

мышленности Литвы. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Каунас, 1951; *Юкельсон М.Д.* Бюджет буржуазной и Советской Литвы. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Каунас, 1953; *Улевичюс П.В.* Эмиграция трудящихся Литвы в Южную Америку. Экономические условия их жизни, прогрессивная общественная и культурная деятельность (1909–1940). Автореф. дис. канд. ист. наук. В., 1962; *Кунците Н.М.* Подъём культурно-технического уровня рабочих промышленности Лит. ССР в 1945–1963 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. В., 1966; *Струмскис К.* Братская помощь советских республик литовскому народу в построении социализма в Литве. (1944–1953). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. В., 1966; *Каждан В.М.* Внешняя торговля буржуазной Литвы (1920–1940) и участие Лит. ССР во внешней торговле Советского Союза (1960–1968). Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1970; *Шаджюс Г.Л.* Литва в переходный период от капитализма к социализму в 1940–1951 гг.: Историография, процесс, особенности: Автореф. дис. в форме научн. доклада. В., 1984 и др.

¹ См. напр., *Мешкаускене М., Гулян П., Кринал В. и др.* Развитие экономики республик Советской Прибалтики. В., 1980; *Дробнис А.А., Мешкаускас К.А.* 20 лет Советской Литвы (1940–1960 гг.). Москва, 1960; *Шумаускас М.Ю.* Достижения промышленности социалистической Литвы. В., 1950; *Ефременко А.П.* О восстановлении и развитии производительных сил сельского хозяйства и сельскохозяйственного производства в Литовской ССР в 1944–1948 гг. // Проблемы социально-экономического развития советской деревни. Вологда, 1975; *Surblys K.* Lietuvos darbininkų klase. V., 1965; *Šadžius Y.* Socialistinio Vulniaus darbininkai. V., 1965; *Meškauskas K., Meškauskienė M.* Lietuvos pramonė socializmo laikotarpiu. V., 1980; *Meškauskas K.* Lietuvos ūkis 1940–1990. V., 1994 и др.

изданным в эмигрантском зарубежье. Исследователи весьма активно стали обращаться к «запретным» ранее темам по истории межвоенной Литвы, антисоветской борьбы в послевоенный период. Произошло перенацеливание внимания историков на советский период истории государства. А. Каспаравичус, выступая на конференции в Белорусском государственном университете, отметил, что «вопросы о сопротивлении советской власти и проводимых ею репрессиях стали основными для литовских историков, изучающих советский период»¹. В своих исследованиях они сосредоточились как раз на этих событиях 1944–1945 гг. и первого послевоенного десятилетия².

В изучении современными литовскими исследователями истории Советской Литвы 1940–1965 гг. условно можно выделить два периода:

1) 1990-е гг. – открытие доступа к архивам, всплеск публикаций сборников архивных документов и воспоминаний³.

2) 2000-е гг. – публикация как комплексных исследований по истории рассматриваемого периода, так и исследований об отдельных аспектах жизни литовского общества⁴.

¹ Цит. по: *Каспаравичюс А.* Проблемы истории Литвы советского периода в литовской историографии после 1990 г. [Электрон. ресурс] Режим доступа: <<http://www.hist.bsu.by/bel/nauka/konf/75%20let/konference/kasparavichus.htm>>.

² *Gailius B.* Partizanai tada ir šiandien. V., 2006; *Pietų Lietuvos partizanų sritis: atlasas: Dainavos ir Tauro apygardos.* V., 2008; *Gaškaitė-Žemaitienė N.* Pasipriešinimo istorija, 1944–1953 metai. V., 2006; *Anušauskas A.* Lietuvos gyventojų sovietinis genocidas 1940–1958 metais. V., 1995; *Jasnauskas A.* Stalinizmo pragare. Kaunas, 2001; *Starkauskas J.* Represinių struktūrų ir komunistų partijos bendradarbiavimas įtvirtinant okupacinį režimą Lietuvoje 1944–1953 m. V., 2007; *Tininis V.* Komunistinio režimo nusikaltimai Lietuvoje 1944–1953: Sovietų Sąjungos politinių struktūrų, vietinių jų padalinių bei kolaborantų vaidmuo vykdant nusikaltimus 1944–1953 m. V., 2003; *Truska L.* Sovietinis saugumas Lietuvoje 1940–1953 metais: MVD–MGB organizacinė struktūra, personalas ir veikla. V., 1999.

³ *Lietuvos partizanų kovos ir jų slopinimas MVD–MGB dokumentuose 1944–1953 metais // Lietuvos politinių kalinių ir tremtinių sąjunga.* Kaunas, 1996; *Laisvės kovos 1944–1953 metais: dokumentų rinkinys.* Kaunas, 1996; *Grigalavičius J.* Kai Lietuvoje šeimininkavo stalinistai: atsiminimai, 1944–1953. V., 1991; *Lietuvos gyventojų trėmimai 1941, 1945–1952 m.: dokumentų rinkinys.* V., 1994; *Laisvės kovų archyvas // Lietuvos politinių kalinių ir tremtinių sąjunga.* Kaunas, 1991.

⁴ Например: *Lietuva 1940–1990: okupuotos Lietuvos istorija.* V., 2007; *Streikus A.* Sovietų valdžios antibažnytinė politika Lietuvoje (1944–1990). V., 2002.

Наиболее полно в литовской историографии раскрыты проблемы «сталинского террора» на территории республики (1944–1953 гг.), а также массовых депортаций населения и его судьбы в «учреждениях ГУЛАГа»¹. Кроме того, исследована судьба детского населения литовской национальности в лагерях ГУЛАГа². Отдельное место занимают исследования деятельности партизанских антисоветских соединений, изданы подробные атласы по отдельным районам Литвы с указанием основных акций партизан, а также воспоминания участников антисоветского сопротивления³. Исследована структура, личности сотрудников и деятельность советских органов безопасности – НКВД, МВД, НКГБ и МГБ, которые именуются не иначе как «преступные учреждения», совершавшие на территории Литвы «военные преступления»⁴.

Период десталинизации и хрущёвской «оттепели» попал в фокус интересов литовских историков с точки зрения акций политического протеста и деятельности антисоветского подполья. Так было опубликовано два тома устных свидетельств участников и очевидцев деятельности антисоветского подполья⁵.

¹ *Grinkevičiūtė D.* Lietuviai prie Laptevų jūros: atsiminimai, miniatiūros, laiškai. V., 1997; *Kašauskienė, V.* Deportations from Lithuania Under Stalin, 1940–1953 // *Lithuanian Historical Studies*. 1998. № 3; *Krakauskas J.* Vorkutos politinių kalinių atsiminimai. V., 1998.

² *Balkelis T.* Lithuanian Children in the GULAG: Deportations, ethnicity and identity memoirs of children deportees, 1941–1952 // *Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences*. 2005. № 3.

³ *Pietų Lietuvos partizanų sritis: atlasas: Dainavos ir Tauro apygardos.* V., 2008; *Amžinai gyvi: Kėdainių krašto partizanai ir jų kovos.* Kėdainiai, 2007; *Baliukevičius L.* Liongino Baliukevičiaus – partizano Dzūko dienoraštis: 1948 m. birželio 23 d. – 1949 m. birželio 6 d. V., 2008; *Lietuvos Laisvės Armijos kovos Žemaitijoje.* Plungė, 2008; *Jankauskas J.* Giedraičių partizanai. V., 2006; *Kaziulionis V.* Dainavos apygardos partizanų atminties paminklai: Lietuvos partizanų žūties aplinkybės Varėnos rajone sovietinės okupacijos metais, jų palaiškų paieškos ir atminimo įamžinimas. Varėna, 2005; *Lietuvos partizanų Dainavos apygarda (1945–1952): dokumentų rinkinys.* V., 2003; *Aukštaitijos partizanų prisiminimai.* V., 1996; *Partizanų kovos Šiaurliū krašte.* Šiauliai, 1996.

⁴ *Starkauskas J.* Čekistinė kariuomenė Lietuvoje 1944–1953 metais: NKVD–MVD–MGB kariuomenė partizaninio karo laikotarpiu. V., 1998; *Truska L.* Sovietinis saugumas Lietuvoje 1940–1953 metais: MVD–MGB organizacinė struktūra, personalas ir veikla. V., 1999.

⁵ *Antisovietinis pogrindis.* Kalba dokumentai. 1993. Kn. 1–2.

Также литовскими историками собраны и опубликованы архивные документы, проливающие свет на развитие национальной литовской культуры в условиях «советской идеологической несвободы»¹. Объектом специального исследования стал процесс советизации литовских школ². Некоторые наработки сделаны в направлении изучения советской политики в области религии и церкви³.

А. Каспаравичус утверждает, что «мирное развитие Литвы в советский период ещё не привлекает внимания современных литовских историков». Исследования по социально-экономической истории совершенно отсутствуют. Исключения представляют разделы в книгах, посвящённых региональной истории – городов, уездов, волостей (Паневежис, Клайпеда и др.). В них находят отражение позитивные перемены советского времени. По А. Каспаравичусу, «советские годы не были какой-то «чёрной дырой» и безвременьем». Однако региональные исследователи выводы делают «в худших традициях советской пропаганды, только с противоположным знаком»⁴.

Начало 1990-х годов естественным образом сказалось не только на литовской национальной, но и на региональной историографии. Так, например, завершился советский этап развития г. Клайпеды. Уже через несколько лет появились статьи литовских историков, стремившихся в значительной степени переосмыслить историю прошедшего периода (А. Арбушаускайте, А. Никжентайтиса, А. Рюте и др.)⁵. Следует отдать должное историческому подходу в проведении исследований: обращение к свидетельствам современников и очевидцев событий, использование документов региональных архивов, зарубежной историо-

¹ *Lietuvos kultūra sovietinės ideologijos nelaisvėje, 1940–1990: dokumentų rinkinys*. V., 2005.

² *Kašauskienė V.* Lietuvos mokyklos sovietizacija ir priešinimasis jai 1940–1964 metais. V., 2002.

³ *Streikus A.* Sovietų valdžios antibažnytinė politika Lietuvoje (1944–1990). V., 2002.

⁴ *Каспаравичус А.* Указ. соч. Впрочем, В. Варейкис утверждает, правда, со ссылкой на немца Йоахима Таубера, что в истории Литвы период с 1953 по 1988 г. является «пустым местом», «дырой». См.: *Vareikis V.* Klaipėda zwischen der Sowjetunion und der litauischen SSR, 1945–1990 // Nordost-Archiv. Im Wandel der Zeiten: Die Stadt Memel im 20. Jahrhundert. Lüneburg, 2002. Bd. 10. S. 120.

⁵ *Арбушаускайте А.* Коренное население Клайпедского края в условиях советской оккупации // *Tiltai*. 1998. № 2–3. С. 88–89;

графии. Активная исследовательская деятельность клайпедских учёных позволила им осуществить совместный с немецкими коллегами выпуск сборника «Deutsche Studien» (Немецкие исследования). В этом сборнике были помещены две статьи В. Варейкиса, отражающие, по сути, схемы исследований, используемые литовскими специалистами при изучении и региональной, и республиканской истории¹.

Подводя итог краткому обзору современной литовской историографии истории Литовской ССР в 1940–1965 гг., необходимо отметить, что малоизученными вопросами в истории Литвы этого периода остаются:

- экономическая политика властей Литовской ССР;
- вклад союзного центра в сельскохозяйственное и промышленное развитие Советской Литвы;
- экономические и культурные связи с другими регионами СССР.

Современная литовская историография всячески пытается акцентировать внимание на национальных аспектах собственной истории, игнорируя, а местами замалчивая положительные стороны советского периода своей истории.

И.О. Дементьев
(Калининград, Россия)

**НА ПУТИ К ТРЕТЬЕЙ ПРОГРАММЕ:
О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Изучение региональной истории в Калининграде ведётся давно. Регулярно публикуемая в «Балтийских исследованиях» тематика дипломных сочинений демонстрирует всё возрастающий интерес к краеведческой проблематике – за тридцать лет (1979–2009) на историческом факультете университета в Калининграде было защищено свыше 300 работ по истории Балтийского региона, и подавляющее большинство (свыше 75%) было посвящено истории края.

¹ *Vareikis V. Klaipeda zwischen... S. 117-148; Vareikis V. Der Weg nach Westen: die soziale und wirtschaftliche Transformation der Stadt Klaipeda nach der Wiedererlangung der Unabhängigkeit // Ibid. S. 173–186.*

Отчётливо выделяются три эпохи, занимающие выпускающихся специалистов: (1) древнейшая история пруссов и других народов Юго-Восточной Прибалтики (на основе преимущественно археологических материалов); (2) история Пруссии и, в частности, Восточной Пруссии (на основе опубликованных источников); (3) история Восточно-Прусской операции и Калининградской области (на основе опубликованных материалов и архивных документов). По трём эпохам подготовлено 13, 50 и 169 сочинений, т. е. 5,6%, 21,6% и 72,8% соответственно. Превалирование работ по последнему периоду естественно, если учесть, что в советское время (1979–1991 гг.) *всё* краеведение было ориентировано на исследование истории новой российской области.

Три десятилетия – достаточный срок для подведения итогов. Конечно, тематика дипломных сочинений сама по себе не исчерпывает всю совокупность достижений региональной науки по истории края. Для воссоздания полной картины необходимо учитывать результаты научной работы преподавателей университета, других исследовательских организаций, самостоятельных исследователей, в том числе публикации и т. п. Кроме того, изучение *тематики* не есть изучение *содержания* работ, а окончательные выводы о состоянии историографии нельзя делать без учёта качества защищённых перед государственной комиссией сочинений.

И всё же тематика дипломных работ *ipso facto* носит симптоматический характер, отражая основные тенденции в реализации *воображаемой* исследовательской программы профессиональным сообществом¹. Научные руководители формируют наборы технических заданий, руководствуясь разными причинами: во-первых, в силу планов научной работы (это особенно характерно для периода плановой экономики советского образца); во-вторых, в силу собственных симпатий и представлений об исследовательской тематике, актуальной на данный момент, – так формируется своего рода исследовательская программа, основанная на коллективном запросе специалистов (в нашем случае – преподавателей исторического факультета); в-третьих, – вероятно, нечасто – на основе интересов сторонних заказчиков (это относится к написанию истории предприятий или районов). Рубеж 1990-х годов отмечен радикальной сменой программы. Это, конечно,

¹ Здесь понятие «исследовательская программа» близко по значению к понятию, введённому И. Лакатосом с поправками на специфику гуманитарного знания.

отвечало общенациональным тенденциям, отражавшим в свою очередь тектонические сдвиги политических и социально-экономических структур (как и институциональные перемены, вызвавшие открытие в 1992 г. специализированного подразделения на историческом факультете Калининградского университета – кафедры истории Балтийского региона). За время существования факультета мы имеем дело по меньшей мере с двумя программами – А (1979–1991 гг.) и Б (1991–2009 гг.). Каковы контуры этих исследовательских программ? Как оценить эффекты от их реализации? Вырисовываются ли очертания новой программы для следующего десятилетия? Анализируя тематику дипломных сочинений, можно сформулировать некоторые выводы.

Исследовательская программа А (1979–1991)

Исследовательская программа реализована в виде **84** работ по истории края.

Тематика работ – почти всегда история Калининградской области. Пять работ-исключений приходятся на 1982 и 1990 гг.: из них четыре были посвящены результатам археологических раскопок на территории Калининградской области¹. Единственная работа по немецкому периоду истории края носила идеологически выдержанный характер: «Прусский транспортный путь «Искры» и Кёнигсбергский процесс»².

Стандартная формула для большинства работ можно выразить так:

О → L <Калининградской области> (Т)

где О – объект исследования, L – его местонахождение (обычно в целом в Калининградской области), Т – чёткий хронологический отрезок. Например: «Сельское хозяйство Калининградской области в девятой пятилетке (1971–1975 гг.)» или «История АТЛАНТниро (1962–1980 гг.)».

¹ Характерно, что первые работы сохраняли словосочетание «Калининградская область» вопреки очевидности: «Топография, планировка и вещевой материал городищ железного века Калининградской области»; «Керамика городищ Калининградской области I – начала II тысячелетия нашей эры» (в обоих случаях следовало писать: «на территории КО») и – единственный пример – «Захоронения с конем на территории Калининградской области и Литвы в IX–XIII веках».

² Между прочим, работа защищена по кафедре истории советского (*sic!*) общества.

Исследования посвящались как отдельным статичным объектам, так и процессам («становление и развитие системы образования», «восстановление и развитие морского торгового порта»). Среди объектов выделяются и отдельные институты (Западное речное пароходство, Пионерская база океанического рыболовного флота, колхоз им. Горького Правдинского района и т. д.), и системы учреждений или целые отрасли народного хозяйства (целлюлозно-бумажная промышленность, система профессионально-технического образования и т.п.).

Конечно, большое внимание уделялось истории развития промышленности в Калининградской области (23 работы), сельского хозяйства (15 работ) и социальной политики (культуры, образования, здравоохранения – 23 работы). Любопытно, что история сельскохозяйственного развития региона оказалась менее востребованной темой, несмотря на общие тенденции советской исторической науки и специализацию факультета на разработке аграрных проблем Северо-Запада России. Единицами исчисляются работы о Восточно-Прусской операции, вероятно, в силу сложности и чрезмерной идеологизированности темы и недоступности многих источников.

Пожалуй, единственная работа, посвящённая персоналиям, – «Учителя-орденоносцы Калининградской области» (1982 г.). Это, конечно, отражает общую склонность советской историографии уделять внимание массовым процессам и вопросам социально-экономического развития в ущерб персональной истории.

Ко второй половине 1980-х гг. относятся и первые робкие попытки сравнительного анализа («Становление и развитие социалистического соревнования между рыбодобывающими флотами Калининградской и Мурманской областей (1959–1965 гг.))» и расширения исследовательского поля («Экономические и культурные связи Калининградской области с другими регионами СССР (1945 – начало 1980-х гг.))»). Обращает на себя внимание тот факт, что нет общих работ о КПСС и ВЛКСМ: комсомольским организациям отдельных учреждений и районов области посвящено 4 работы; первичным организациям, райкомам, обкому КПСС – ни одной. Вероятно, это табу отражало не только распределение тем между институтами (существует специальная кафедра истории КПСС), но и пределы притязаний начинающих специалистов (история свершений КПСС была распространённой темой кандидатских диссертаций по истории).

Местонахождение объектов преимущественно охватывало всю территорию области – за редкими исключениями (Северная Атлантика,

Багратионовский район, города Черняховск и Советск, пос. Знаменск, г. Светлогорск и «Светлогорская зона», Славский и Гусевский районы). Хронологические рамки работ отличаются разнообразием вариантов, что отражает неустойчивость периодизации развития Калининградской области: первый период истории области как правило начинается в 1944 г., чаще в 1945 г., 1946 г. или даже 1948 г. Заканчивается период по-разному: в 1950 г., середине 1950-х гг., 1955 г., 1957 г., 1958 г. У следующего периода плавают нижняя граница (1956 г., 1959 г., 1960 г. и т.д.), но также меняется и верхняя (от 1965 г. до 1980 г.). Последний период начинается в 1970 г., 1971 г., а завершение приходится на год, предшествующий защите работы. Границы исследований подвижны: в некоторых случаях они отражают периодизацию пятилеток развития советской плановой экономики («Сельское хозяйство Калининградской области в годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.)»), в некоторых – вехи истории отдельных организаций («Развитие Калининградского государственного университета (1967–1982 гг.)» – верхняя граница дана по году завершения исследований и не связана прямо с какими-то переменами в жизни университета).

В редких случаях формулировки тем включали *проблему*: «Роль МТС в укреплении колхозов» или «Движение за коммунистический труд на Калининградском вагоностроительном заводе» (советский политический дискурс предписывал в самой формулировке темы навязывать читателю пресуппозиции: указанные темы содержат имплицитное утверждение того, что колхозы укрепились, а движение за коммунистический труд шло полным ходом; но в целом для корпуса дипломных сочинений это не очень характерно – темы носили нейтральный характер). В некоторых случаях подчёркивалось успешное решение проблем социально-экономического развития («Решение проблемы педагогических кадров в истории развития системы общеобразовательных школ Калининградской области» (1956–1970 гг.)).

Большая часть работ, конечно, была выдержана в духе марксистско-ленинской методологии, которая нередко оборачивалась в действительности чисто позитивистским содержанием: изложением фактов на основе источников. Обычно это нарратив, сдобренный ритуальными цитатами из основоположников марксизма. Позитивистские корни просматриваются даже в самих формулировках тем – предельно бесстрастных, лишённых оценочного характера (за редкими исключениями: «Героизм моряков-балтийцев в борьбе с минной опасностью»).

Источниковая база для исследований традиционна: материалы калининградских архивов, на поздних этапах также прессы («Становление города Калининграда в 1946–1950 годах (по материалам газеты «Калининградская правда»)»). В крайне редких случаях работы приобретали междисциплинарный характер или относились к прикладным вопросам применения краеведческого материала в школьном обучении истории (работа 1990 г.). Крайне мало работ историографического характера («Участие Балтийского флота в Восточно-Прусской операции (историография)»; «Изучение истории Калининградской области в 1950–80-х гг. (Образование и заселение области)»). Это было связано с тем, что историография истории нового советского края совершала ещё только свои первые шаги и не предоставляла достаточного материала для анализа.

В целом исследовательская проблематика отвечала общим тенденциям развития советской историографии.

Исследовательская программа Б (1991–2009)

Следующая программа сложилась в постсоветский период. Она осуществляется в рамках новой институциональной структуры университета – подготовка сочинений ведётся прежде всего на базе кафедры истории Балтийского региона, упразднённой к концу периода (2007 г.). Редкие исключения – работы, защищаемые на кафедре истории России и кафедре зарубежной истории (хотя никакого противоречия с номенклатурой тем кафедр нет, инерция распределения исследовательских проблем объективно препятствует рассмотрению истории края в более широком российском или европейском контексте).

Программа Б характеризуется сохранением высокой доли работ, посвящённых Калининградской области (90 или 60%). В то же время незначительно вырастает количество сочинений, посвящённых древнейшей истории территории Калининградской области (9) и радикально увеличивается число исследований довоенной, т. е. немецкой истории края (49). Причины *смены вех* очевидны: рост интереса к довоенному прошлому уникального российского региона, легализованный в период перестройки; открытие границ и расширение исследовательских возможностей (контакты преподавателей с зарубежными коллегами, стажировки и стипендиальные программы, повышение доступности информационных ресурсов зарубежных библиотек, импорт иностранной краеведческой литературы в Калининград, современные информационные технологии и т. п.). Определим совокупность работ и

скрывающихся за их темами исследовательских целей как относительно самостоятельные подпрограммы, ориентированные на изучение трёх выделенных периодов истории. Присвоим подпрограмме по древнейшей истории края код Б-1, по немецкому периоду – Б-2, по советскому и новейшему периоду истории области – Б-3¹. Что характерно для этих подпрограмм?

Подпрограмма Б-1. Количество работ невелико, для них характерно обращение к отдельным аспектам древнейшей истории края, преимущественно железного века. Дипломные сочинения или основаны на археологическом материале («Прусская лепная погребальная керамика», «Прусские погребения V-VIII вв.»), или носят историографический характер («Ятвяги: проблемы современной историографии»). Ключевая проблема развития подпрограммы Б-1 в этот период состоит в отрыве от полевой археологии. Исследования осуществляются на основе работ других учёных, не носят новаторского характера ни с точки зрения применения современной методологии, ни с точки зрения открытия ранее неизвестных фактов. В этом смысле исследовательский потенциал подпрограммы достаточно низок. Редкие попытки найти новый путь в науке всё же имели место. В работе 2006 г. «Пантеон прусских богов» осуществлена попытка сформировать целостный взгляд на пантеон прусских богов (прежде всего на основе источников и зарубежной историографии). В ряде случаев авторы обращаются к восстановлению места пруссов в более широком контексте («Этногеография Балтийского региона в эпоху викингов», 2007 г.; «Культ лошади у народов Европы», 2008 г.). Исследованиям придаётся проблемный характер, что подчёркивается самой формулировкой тем («Проблема типологии конского снаряжения у древних пруссов», 2009 г.).

В целом результаты реализации подпрограммы Б-1 довольно скромны: не сложилось самостоятельной археологической школы, исследовательская проблематика фрагментарна, отсутствует среда для плодотворного развития исследований по древнейшей истории края. В 2000-е годы кафедрой истории Балтийского региона прилагались усилия по консолидации археологического сообщества – проводились

¹ С пониманием всей условности подобной демаркации: история Восточно-Прусской операции принадлежит равным образом подпрограммам Б-2 и Б-3, как и, к примеру, судьба депортированного из Восточной Пруссии немецкого населения.

научные семинары, в том числе с участием зарубежных коллег и студентов-старшекурсников. Рост финансовых инвестиций в региональную археологию во второй половине 2000-х годов сделал профессию археолога одной из самых престижных среди исторических специальностей. В условиях узкого регионального рынка образовательных услуг исторический факультет может развиваться как один из исследовательских центров, обеспечивающих воспроизводство квалифицированных кадров. Для этого необходимо активизировать работу по поддержанию среды для профессионального общения археологов (конференции, семинары, специализированные издания и интернет-ресурсы); позиционировать факультет как центр подготовки кадров для региональной археологии (пиар, профориентационная работа, ведение базы данных, обеспечение зарубежных стажировок, привлечение зарубежных добровольцев); восстановить связь между исследовательской работой студентов (в первую очередь так называемой преддипломной практикой) и практической археологией.

В реализации последней меры перспектива требует предусмотреть как вовлечение нового археологического материала в исследовательский оборот (очевидно запаздывание вузовской науки за стремительным ростом данных, получаемых в ходе археологических экспедиций на территории области), так и пересмотр методологических основ исследований. Гуманитарная наука сегодня выдвигает новые требования: использование современных информационных технологий (автоматизацию обработки данных), междисциплинарность исследований, проблемность исследования (вместо нарратива), новые способы презентации материала научных исследований.

Конечно, исследовательская проблематика должна быть актуальной с общесториографической точки зрения, и в каждой отдельной отрасли эта актуальность определяется по-своему. Необходимо, однако, договориться о том, какой набор проблем нуждается в первоочередном решении средствами региональной науки: типология предметов материальной культуры пруссов? реконструкция духовной культуры пруссов? восстановление картины древнейшей – допрусской – истории региона (поздний каменный и бронзовый век)? На фоне колоссального увеличения объёмов материала и научной литературы, посвящённой пруссам, исследовательские результаты по предшествующим периодам выглядят совсем скудными. Между тем, очевидно, что ясное понимание древнейшей истории региона не может быть достигнуто без решения актуальных проблем её самых ранних периодов.

Подпрограмма Б-2. Налицо существенное по сравнению с *программой А* расширение тематики работ, посвящённых семивековому немецкому периоду в истории региона; при этом она распределена неравномерно. Наибольшее внимание, как ни парадоксально, было уделено истории Тевтонского ордена (15 работ, включая историографические и источниковедческие – это почти треть всех дипломных сочинений). Такой преувеличенный интерес наверняка отражает привлекательность этого экзотического сюжета средневековой истории. В то же время очевидно, что серьёзное исследование по орденской истории требует очень высокой квалификации (умение читать источники не только на немецком, но и на латинском языке), а актуальность проблем истории крестоносцев несравненно ниже актуальности истории региона в течение последних двух столетий. Поэтому история ордена едва ли может стать перспективным направлением развития научных исследований.

Более поздние периоды пользуются меньшим вниманием: Реформация и герцогство в Пруссии – 2 работы; курфюршество XVII в. – 3; королевство Пруссия, включая Семилетнюю войну, – 8; Наполеоновские войны – 5; королевство между 1813 и 1871 гг. – 7; Восточная Пруссия в составе Германской империи 1871–1914 гг. и Первая мировая война – 5; Веймарский период – 2; Восточная Пруссия в период «третьего рейха» – 1; Вторая мировая война – 3 работы. Кроме того, ряд работ посвящён сквозным темам (история национальных движений в Пруссии); с 1999 г. появляются сочинения биографического жанра (всего – 5). Достижения этого периода состоят в существенном расширении тематики: общие вопросы политического и социально-экономического развития дополнены вопросами истории международных отношений («Пруссия в российской политике во второй половине XVII века», «Прусско-российские отношения во второй половине XVIII века»), культуры («История развития скульптуры Восточной Пруссии (XIX – начало XX вв.)», «Литовская духовная культура в Восточной Пруссии (XVIII – первая половина XIX в.)»), быта («Быт жителей Кёнигсберга в XVIII – начале XX в.»).

Героями сочинений стали государственные деятели: магистр ордена Герман фон Зальца¹, герцог Альбрехт, Великий курфюрст Фридрих Вильгельм, король Фридрих Вильгельм I, супружеская пара – король

¹ Есть, впрочем, отдельная работа «Магистры Тевтонского ордена в Пруссии (1230–1410 гг.)» (2003 г.).

Фридрих Вильгельм III и королева Луиза. Важным оказалось обращение к судьбе национальных меньшинств в Восточной Пруссии («Евреи в Восточной Пруссии (XIX – начало XX в.)»). Первые попытки обращения к историографии восточнопрусской истории затронули вопросы важные и в академическом («Проблемы историографии и источниковедения Тевтонского ордена»), и в политическом («Проблема Малой Литвы») отношениях. Расширяется круг привлекаемых источников: наряду с опубликованными письменными источниками на русском и немецком языках используется художественная литература («Восточно-Прусская операция 1914 г. в научной и художественной литературе»).

Сделаны попытки обобщить сведения русскоязычных авторов о Восточной Пруссии («Знания русских о Восточной Пруссии (конец XVII – XVIII вв.)»). Введён в оборот широкий круг зарубежной – немецкой, польской, даже литовской – литературы. Поначалу были характерны общие работы, явно страдавшие поверхностностью вследствие глобальности проблематики на фоне узости источниковой базы: «История Тевтонского ордена» (1992 г.); но со временем исследователи научились соотносить свои возможности с выбранным объектом, изыскания стали носить более частный характер: «Политика Тевтонского ордена по отношению к пруссам в XIII–XIV веках» (2009 г.). Это справедливо и для первых историографических сочинений: ср. «Государство Тевтонского ордена в Пруссии (проблемы историографии)» (1993 г.) и «Российская историография истории Восточной Пруссии начала XIX века» (1999 г.).

Наряду с достижениями можно выделить недостатки подпрограммы Б-2: диспропорция в тематике исследований (нехватка исследований по истории XX вв., вообще по истории экономики, социальным и политическим проблемам прусской государственности; узкий круг героев биографических работ, ограниченный главами государств¹; отсутствие микроисторических исследований по отдельным районам Восточной Пруссии помимо Кёнигсберга), опора на устаревшую методологию (традиционная тематика политической, военной и социально-экономической истории, как правило, не позволяет учесть современные методологические требования). Перспективы развития подпрограммы связаны как с введением в оборот нового материала (переводы

¹ За исключением, пожалуй, работы «Г. Штейн и К. Гарденберг в политико-административных преобразованиях Пруссии» (2000 г.).

источников), так и с обновлением содержания, а главное – методологического аппарата. Региональная история нуждается в работах, обеспечивающих в первую очередь не простое количественное наращивание фактического материала (эта работа уже проделана прежде всего немецкими историками), а применение разнообразных новых методологических инструментов к уже известному материалу. Должны появиться микроисторические, гендерные исследования, изучение быта и повседневности. Среди тематики исследований очевидная лакуна – депортированное немецкое население Восточной Пруссии и деятельность восточнопрусских землячеств в ФРГ.

Подпрограмма Б-3. Тематика исследований также существенно изменилась при неослабевающем интересе к проблемам Калининградской области (90 работ). Обращает на себя внимание резкое увеличение количества работ по разным аспектам социальной политики и общественной жизни (26 – почти треть всех сочинений по подпрограмме Б-3). Наряду с традиционными, «унаследованными» от предыдущего периода темами («История китобойной флотилии «Юрий Долгорукий») встречаются новые формулировки и соответственно новые подходы: история органов государственной власти и правоохранительных органов (4 сочинения), религиозных организаций (3 работы – в 1994, 1997 и 2001 гг.), общественных организаций (4 работы, в том числе «История Калининградского отделения Союза художников СССР»), национально-культурных автономий (1). Несколько снизилась исследовательская активность в отношении истории промышленности (16 работ, включая темы по градостроительству и муниципальному транспорту), зато резко выросла численность исследований истории отдельных районов и городов области (23 сочинения). Последние охватили заметно большую часть области по сравнению с программой А (далее в скобках указывается количество работ): Багратионовский (1), Гвардейский (2), Гурьевский (2), Неманский (1), Полесский (1), Правдинский (1), Черняховский (1) районы; г. Советск и Советский район (3); города Гусев, Светлогорск и Светлый (все – по 2); наконец два посёлка – Взморье Светловского ГО и Комсомольск Гвардейского района. Однако сельскому хозяйству, строго говоря, не было посвящено ни одной работы (за исключением частного случая – истории колхоза: «История колхоза «Прогресс» Зеленоградского района Калининградской области (1946–1991 годы)»).

Круг источников становится также шире: по-прежнему активно привлекаются документы из архивов, периодическая печать; их дополняют материалы устной истории («Литературно-театральная жизнь Калининградской области в 1990-е гг.», «История города Светлого (1945–1965 гг.)» и многие другие). Хронологические рамки исследований, отражающие периодизацию истории области, постепенно размываются: в начале 1990-х гг. они ещё присутствуют («Культурное строительство в Калининграде в 1946–1950 гг.», «Здравоохранение на территории Калининградской области» (1966–1985)), но постепенно формулировки становятся менее конкретными («Градостроительство на территории Калининградской области (до конца 60-х годов)», «Здравоохранение в Калининградской области в 1940–60-е годы», «Национально-культурные общества Калининградской области на современном этапе» или даже попросту «История Калининградской таможни»). Противоречивость общественного развития отражена в многих наименованиях («Проблемы охраны памятников истории и культуры на территории Калининградской области»).

Новацией стало исследование демографического материала и социальной истории (всего 5 работ по истории населения Калининградской области¹, включая 2 – по перспективной теме истории немецкого населения в послевоенные годы²). Активное использование материалов *oral history* позволяет авторам дипломных работ представить некоторые микроисторические исследования: «История Неманского целлюлозно-бумажного комбината с 1945 по 1991 гг.», «История посёлка Взморье Светловского городского округа Калининградской области» и т. д. Нельзя не признать, что в изучении истории края за без малого два десятилетия достигнут значительный прогресс.

Истории Калининградской области следует уделить особое внимание, потому что этим темам посвящено наибольшее число работ, а источниковая база отличается относительной полнотой. Что можно сказать об итогах подпрограммы Б-3 помимо тех достижений, которые были обозначены выше?

¹ Среди них: «Формирование интеллигенции Калининградской области»; «Сельское население Калининградской области (1946–1965 гг.)»; «Формирование городского населения Калининградской области (1946–1965 гг.)».

² «Немецкое население Калининградской области (1945–1948 гг.)», 1994 г.; «Немецкие дети на территории Калининградской области», 1996 г.

Ряд важных тем ещё ждёт своих исследователей. Восточно-Прусской операции почти не уделяется внимания, в то время как доступными стали новые немецкие источники и работы зарубежных историков; вовсе не получила должного нового освещения история сельского хозяйства и история партийных организаций в советский период. Мало работ по новейшему этапу развития области в 1985–2000-е годы¹. Поразительно мало работ по историографии². Не получила продолжения практика изучения истории связей Калининградской области с другими регионами страны (две работы – 1994 и 2000 гг. – охватывали периоды 1946–1956 гг. и 1946–1965 гг. соответственно – не удалось избежать частичного дублирования). Биографический жанр, как ни парадоксально, вообще не известен авторам дипломных сочинений по Калининградской области: нет биографических работ ни о государственных и общественных деятелях, ни о деятелях культуры и просвещения на калининградской земле³. Недостаточно работ, обеспечивающих понимание интеграции двух периодов истории края, взаимосвязи и взаимозависимости немецкого и российского этапов (исключения: «История трамвайного хозяйства в Кёнигсберге – Калининграде», работы по истории посёлков и городов области). Важная тема роли и места немецкого наследия в современной культурной жизни Калининграда почти не разработана (первые подступы: «Памятники Альбертины в Калининграде», 2007 г.). Ждут своих исследователей такие муниципальные образования, как Балтийск, Гусевский, Краснознаменский, Нестеровский, Озёрский, Славский районы⁴.

¹ Первыми ласточками стали микроисследования «История Неманского района (1985–2005 гг.)» (2006 г.), «История города Светлого (1985–2005 годы)» (2007 г.); но общих работ пока только три. Сочинение, отражающее новые геополитические реалии, было защищено в 2004 г. – «Калининградский аспект российско-литовских отношений в 90-е годы XX века».

² Исключение: «Боевые действия на территории Восточной Пруссии в 1944–1945 гг. (историография Восточно-Прусской операции)», 1994 г.

³ Сходная проблема характерна для нового школьного курса «История западной России», где восточнопрусская история «олицетворена» рядом выдающихся деятелей культуры, тогда как калининградская история выглядит на этом фоне крайне бедно. В обоих случаях налицо непреодоленная инерция недооценки личности в истории, свойственной советскому периоду развития науки.

⁴ А также Московский, Октябрьский и Центральный районы Калининграда.

Перспектива развития подпрограммы Б-3 неизбежно связана с пересмотром традиционной методологии, освоением новых исследовательских доменов. Необходимо преодолеть разного рода «когнитивные невроты», связанные с инерцией распределения тем¹ или стремлением выработать окончательную периодизацию истории края. С точки зрения методологии исследования, история по-прежнему пишется в позитивистском ключе: повествование, сопровождающееся оценками исследователя, зачастую воспроизводящими профессиональные стереотипы. Современный уровень развития мировой и отечественной историографии требует – как и в случае с подпрограммой Б-2 – новых подходов, решительного расширения исследовательской проблематики: обращения к эконоистории, гендерной истории, истории повседневности, культурной истории (не истории культуры, а *cultural history*, в том числе на основе семиотики) и т. п. Почти нет работ, основанных на анализе источников с применением количественных методов; вообще недостаёт источниковедческих исследований по советской истории края. Динамично меняющееся время приносит новые виды источников, что ставит перед наукой неведомые ранее задачи. Среди объектов исследования историков, преподавателей истории неизбежно должны появиться актуальные общественные явления: деятельность клубов исторической реконструкции, специфика исторического сознания и идентичности, способы репрезентации исторического знания, механизмы исторического образования.

Среди дипломных работ – как везде – есть и безусловные успехи, и очевидные провалы; 1990–2000-е годы не прошли даром: достижения говорят сами за себя. В то же время нельзя не признать, что без радикального обновления тематики и методологии дипломных исследований гипотетическая программа В обречена на безмятежное воспроизводство тривиальных проблем, а следовательно – на серьёзное отставание как от российской, так и от мировой исторической науки².

¹ Почему не появляются работы по истории советской области в рамках изучения истории России, а по истории Восточной Пруссии – в рамках всеобщей истории?

² Конечно, всё вышесказанное в целом характерно и для дипломных сочинений по истории, защищаемых по другим темам на всех кафедрах; но возможности их авторов скромнее (прежде всего это справедливо в отношении источников), а результаты имеют несравненно меньшее значение в перспективе развития калининградской локальной историографии.

**ДИПЛОМНЫЕ РАБОТЫ
ПО ИСТОРИИ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА
(2004–2009 гг.)¹**

**Кафедра истории Балтийского региона
2004 г.**

Полякова А.В. Орденские замки на территории Калининградской области [Качанов Р.Ю.]. В дипломном сочинении прослеживается история наиболее известных замков Восточной Пруссии, даётся классификация орденских замков и других укреплений, характеризуются историко-архитектурные особенности замков Тевтонского ордена. Исследование основывается, преимущественно, на работах немецких авторов.

Жарков И.В. История Балтийского района Калининграда (1947–1955 гг.) [Маслов В.Н.]. Автор дипломной работы даёт общую характеристику системе управления, социально-экономическому и культурному развитию городского района в период становления Калининградской области. Работа написана на основе архивных документов.

Коцуба О.Н. История Правдинского района (1946–1965 гг.) [Клемешева М.А.]. Используя материалы областных архивов, интервью переселенцев, опубликованные источники, автор исследует историю заселения, хозяйственного, государственно-политического и социально-культурного развития района. Работа сопровождается статистическими и иллюстративными приложениями.

Баторшина И.А. Калининградский аспект российско-литовских отношений в 90-е годы XX века [Маслов В.Н.]. Дипломная работа представляет собой попытку комплексного рассмотрения роли регионального (калининградского) аспекта в двусторонних межгосударственных отношениях. Основу источниковой базы составили материалы

¹ Аннотации дипломных сочинений, защищённых на историческом факультете РГУ им. И. Канта, подготовлены *Д.В. Манкевичем*. Тематика работ за 1979–2003 гг. опубликована в предыдущих выпусках «Балтийских исследований» (вып. 1–2 за 2002 и 2004 гг.). В квадратных скобках указаны фамилии научных руководителей.

областной периодической печати, законодательные и другие нормативные акты. В работе анализируются военно-политические и политико-экономические аспекты взаимоотношений России и Литвы, приграничное сотрудничество.

Ясенкевич Н.Р. История города Балтийска (1945–1955 гг.) [Клемешева М.А.]. Рассмотрены основные сферы жизни и деятельности городского населения в первое послевоенное десятилетие: социальная, экономическая, партийно-политическая. При написании работы использованы, главным образом, архивные документы.

Заяц Н.А. Русский офицерский корпус в Восточно-Прусской операции 1914 года [Крегинин Г.В.]. Используя опубликованные источники (мемуары) и литературу, автор подробно рассматривает ход и результаты Восточно-Прусской операции 1914 г., анализирует состав, уровень подготовки офицерского корпуса русских армий.

Долгова А.А. История Черняховского района (1946–1955 гг.) [Клемешева М.А.]. Структура работы традиционна: заселение, экономическое и политическое развитие района. При небольшом объеме текста автору в целом удалось дать характеристику становления района.

2005 г.

Балабан Л.В. История борьбы с преступностью в Калининградской области (1945–1953 гг.) [Маслов В.Н.]. Рассматривается организация и деятельность структур МВД, милиции, тюремной системы на территории области в первые послевоенные годы. В работе, основанной на документах областных архивов, приводится статистика, характеризующая уровень преступности, типологию преступлений, их раскрываемость. Отдельный раздел посвящён «контрреволюционным» (антисоветским) деяниям.

Вислобок О.Н. История Советского района Калининградской области (1946–1958 гг.) [Клемешева М.А.]. Дипломное сочинение повествует о заселении окрестностей Гильзита советскими гражданами и первых шагах районной промышленности, сельского хозяйства, социальной сферы.

Гайтына Е.Ю. Социально-культурное развитие Балтийского района Калининграда (1956–1965 гг.) [Клемешева М.А.]. Предмет исследования – история социально-культурной сферы района. Автор

широко привлекает материалы прессы, архивные документы, стремится максимально подробно воссоздать повседневную жизнь горожан в период «оттепели». Особого внимания удостоена сфера досуга и развлечений.

Гречухина А.Г. Литовская духовная культура в Восточной Пруссии (XVIII – первая половина XIX вв.). К. Донелайтис, образование и Просвещение. [Маслов В.Н.]. Работа посвящена яркому этапу в развитии литовской национальной культуры в Восточной Пруссии – эпохе Просвещения. В центре исследовательского интереса автора – деятельность великого литовского поэта К. Донелайтиса, а также развитие национального школьного образования в этот период.

Зейбель О.В. Прусские погребения V–VIII вв. [Ефремов Л.А.]. Анализируется обряд, инвентарь и семантика погребений пруссов на основе археологических данных. Выявляются типичные черты погребений, присущие Юго-Восточной Прибалтике.

Медведева Е.М. Внутренняя политика курфюрста Фридриха Вильгельма в Пруссии [Маслов В.Н.]. Привлекая обширную немецкую историографию и источники, автор реконструирует политику великого курфюрста в области социально-экономических отношений, права, положения сословий, государственного аппарата, религии и просвещения.

Попова В.Н. Регентство в Пруссии в 1568–1618 гг. Бранденбургская и прусская политика регентов. [Маслов В.Н.]. В дипломной работе дана общая характеристика внутренней и внешней политике регентов, взаимоотношениям власти и сословий, правовым основам регентского режима.

Сельдемирова Е.Д. История города Гусева (1966–1985 гг.) [Клемешева М.А.]. Ещё один региональный (на этот раз – муниципальный) фрагмент послевоенной истории края. Структура работы типична: властные структуры – экономическое развитие – социально-культурная сфера. Привлечены документы архива Гусевского района и ГАКО.

Тарасюк Ю.Н. Деятельность городских и районных управлений по гражданским делам Калининградской области (апрель 1946 – июнь 1947 г.). [Маслов В.Н.]. Реконструирована деятельность ранних органов управления на территории Калининградской области. Представлены факты, характеризующие работу управлений в области

здравоохранения, народного образования, профессиональной подготовки, организации быта и социально-культурной сферы. Исследование основано на обширном массиве архивных документов.

2006 г.

Арефинкина Е.А. Проблемы охраны памятников истории и культуры Калининградской области (1946–1956 гг.) [Качанов Р.Ю.]. В сочинении рассматривается процесс организации и развития системы охраны памятников истории и культуры в первые годы существования Калининградской области (до 1956 г.).

Белобородов Е.Н. Дипломатия Петра I на Балтике в годы Северной войны [Кретинин Г.В.]. В сочинении рассматриваются дипломатические связи России и Прусского королевства в период правления Петра I. Центральное место занимают события Северной войны.

Княжева Ю.С. Великий магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца (Исторический портрет) [Суворов В.С.]. Представлен фактический материал о первых десятилетиях истории Тевтонского ордена, деятельности Германа фон Зальца на посту великого магистра в качестве руководителя и дипломата – как в период скитаний ордена по Европе, так и на ранних этапах продвижения в Пруссию.

Ляпко Г.И. История Черняховского района (1956–1965 гг.) [Клемешева М.А.]. Анализируются основные показатели экономического, социального и культурного развития района в период «оттепели».

Майсюк С.Н. История Неманского района (1985–2005 гг.) [Клемешева М.А.]. В работе использованы архивные материалы четырёх архивов – ГАКО, Неманского муниципального архива, текущего архива администрации Неманского городского округа и архива Неманского ЦБЗ. Анализируются основные тенденции социально-экономического и политического развития района в период перестройки, в 1990-е гг. и на современном этапе.

Миронов О.О. Социально-экономическое развитие Советска (1945–1965 гг.) [Маслов В.Н.]. В дипломной работе даётся общая характеристика восстановления и дальнейшего развития промышленности и социальной инфраструктуры города Советска.

Широухов Р.А. Пантеон балтийских богов [Суворов В.С.]. Используя российскую, литовскую, польскую историографию, средневековые источники, автор воссоздаёт иерархию, систему связей, организацию культа балтийских божеств. Чрезвычайно интересным представляется обращение к «теонимике» – воплощению имён прусских богов в топонимах Юго-Восточной Прибалтики.

**Кафедра специальных исторических дисциплин
и региональной истории
2007 г.**

Благов С.В. Международные отношения в Балтийском регионе в первой половине XIX в. [Маслов В.Н.]. Дипломная работа посвящена исследованию балтийского аспекта крупных международных проблем и процессов: наполеоновских войн, создания и функционирования Венской системы, польского и Шлезвиг-Гольштинского вопросов.

Большаков Б.В. Российско-пруссские отношения во второй половине 50-х – первой половине 60-х годов XIX в. [Кретинин Г.В.]. Избран для исследования достаточно узкую тему, автор сумел подробно представить фактический материал, характеризующий взаимоотношения России и Пруссии в период Польского восстания 1830 г., вокруг Шлезвиг-Гольштинского вопроса, в условиях борьбы Пруссии за объединение Германии.

Браславская М.А. Социально-культурное развитие Правдинского района (1966–1975 гг.). [Клемешева М.А.]. На достаточно высоком уровне освещены такие аспекты жизни района, как здравоохранение, народное образование, бытовое обслуживание. Отдельные параграфы посвящены бытовому обслуживанию населения и идейно-политической работе партийных органов.

Бурова И.В. История города Светлого (1985–2005 годы) [Клемешева М.А.]. Дипломная работа освещает проблемы и тенденции современного экономического и социального развития города Светлого на основе материалов центральных областных архивов и прессы.

Бязрова М.Т. Этногеография Балтийского региона в античное время [Суворов В.С.]. Рассматривается процесс развития географических представлений о Балтийском регионе в античной Греции и Римской империи, даётся характеристика быта, нравов, духовной культуры

народов Юго-Восточной Прибалтики (свебов, эстиев) по античным источникам.

Вертяшкина А.В. История города Светлогорска (1965-1985 годы) [Клемешева М.А.] Комплексное исследование процесса развития управленческой, социально-культурной и экономической сфер жизни знаменитого курортного города области. Используются материалы периодической печати и архивные документы (ГАКО, ГАНИКО).

Воробьёва С.В. История посёлка Комсомольск Гвардейского района Калининградской области [Маслов В.Н.]. Используя внушительный массив научной литературы (в т.ч. немецкой), интервью первых переселенцев (значительная часть которых хранится в музее МОУ СОШ посёлка), архивные документы, автор попыталась реконструировать историю посёлка Лёвенхаген-Комсомольск. Попытку следует признать успешной: в сочинении представлен обширный фактический материал, в том числе статистика, содержится информация о социально-культурном развитии посёлка.

Иванов А.Н. Рыбоперерабатывающая отрасль Калининградской области (1946–1965 годы) [Суворов В.С.]. Предметом исследования является становление и развитие рыбной промышленности области, в основном, её перерабатывающего сегмента. Источниками послужили архивные документы ГАКО.

Колосов С.В. Социально-культурное развитие Гвардейского района (1956–1985 гг.) [Клемешева М.А.]. Основанная на материалах трёх архивов (ГАКО, ГАНИКО, ГРМА), работа исследует состояние народного образования, здравоохранения, культурной сферы.

Масютко Н.Т. История калининградских отделений добровольных обществ содействия армии и флоту в 1946–1991 гг. [Маслов В.Н.]. На материалах областных архивов и периодической печати воссоздана история становления и развития региональных организаций ДОСААФ. Внимание уделено состоянию материально-технической базы, основным направлениям деятельности, в том числе и патриотическому воспитанию молодёжи.

Мегем М.Е. Литва Миндовга и её соседи [Суворов В.С.]. Литва первой половины XIII в. рассматривается как субъект международных отношений в Восточной Европе. Привлечена российская (дореволюционная, советская, современная), литовская, белорусская, украинская

историография, исследование базируется на текстах средневековых хроник и летописей.

Морозова О.В. История Калининградского отделения Союза художников СССР [Маслов В.Н.]. Всесторонне исследована развитие и деятельность творческого Союза художников в Калининградской области, представлен материал о выставках, профессиональной подготовке и бытовых условиях работы художников.

Обухова М.Г. Этногеография Балтийского региона в эпоху викингов [Суворов В.С.]. Работа построена на анализе средневековых текстов (саги, хроники, жития, путевые заметки). Дается характеристика представлений западноевропейских, византийских и арабских авторов о географии и народах Балтийского региона.

Рогов В.А. Фридрих-Вильгельм I: исторический портрет [Суворов В.С.]. Опираясь на опубликованные источники и литературу, автор даёт панорамную характеристику правлению своего героя, особое внимание уделяя внутренней политике Фридриха-Вильгельма.

Родин В.В. Развитие транспорта Восточной Пруссии между двумя мировыми войнами [Кретинин Г.В.]. На материалах ГАКО и российской историографии исследуется состояние и развитие наземного (трамвайного, железнодорожного, автомобильного), воздушного, речного и морского транспорта в Восточной Пруссии (1918-1939 гг.).

Сидоров О.И. Восточная Пруссия в 1933–1945 гг. [Ефремов Л.А.]. На основании опубликованных источников (преимущественно – мемуаров) и литературы (в основном – на русском языке), дается описание различных аспектов развития провинции Восточная Пруссия. Наибольший интерес представляет глава, связанная с модернизацией оборонительных укреплений и созданием системы концентрационных лагерей в период второй мировой войны.

Соловьёва А.С. История колхоза «Прогресс» Зеленоградского района Калининградской области (1946–1991 годы) [Ефремов Л.А.]. Используя материалы региональных архивов (ГАКО, ГАНИКО, ЗРАКО), автор подробно осветил развитие растениеводства, животноводства и социально-культурной сферы колхоза «Прогресс».

Тихомиров А.А. Литва и Золотая Орда [Суворов В.С.]. Сочинение посвящено взаимоотношениям двух стран, практически одновременно

возникших на карте Европы в XIII в. и почти одновременно сошедших с арены политической борьбы. Работа основана на разнообразных источниках (новгородские и псковские летописи, ливонские и литовские хроники). Автор приходит к выводу, что во второй половине XIII – первой половине XIV в. Литва была единственным достойным соперником Золотой Орды и олицетворяла собой один из возможных вариантов объединения русских земель.

Харина И.А. Памятники Альбертины в Калининграде [Суворов В.С.]. Оригинальной является вторая глава сочинения, в которой описывается история постройки и судьба различных зданий Альбертины – учебных корпусов, клиник, институтов, музеев.

Чебышева В.В. История кинофикации Калининградской области (1946–2006 годы) [Маслов В.Н.]. В работе даны периодизация развития киносети в области, анализ кадрового потенциала и репертуара кинотеатров, органов управления киносетью. Дипломное сочинение является первым комплексным исследованием по заявленной проблематике.

Шумихин М.С. История школьного образования в Калининграде (1945–1950 годы) [Кретинин Г.В.]. В сочинении рассматриваются две взаимосвязанные проблемы: развитие школьной сети и подготовка учительских кадров. Наиболее ценными представляются параграфы работы, посвящённые деятельности школ для немецких детей.

2008 г.

Алисейко Е.В. Культ лошади у народов Европы [Суворов В.С.]. Рассматривается интересный элемент религиозных представлений древних и средневековых народов Европы (скифов, сармат, осетин, пруссов) – культ лошади. Используются письменные и археологические источники, обширная исследовательская литература.

Ким М.В. История детского ортопедического санатория в городе Пионерский в 1946–1991 годах [Гальцова С.П.]. Исследование написано на основе значительного массива архивных документов, в центре внимания автора – лечебная и профилактическая деятельность санатория, бытовые условия, созданные в учреждении, научно-исследовательская деятельность коллектива санатория.

Малинаускайте В.П. Быт жителей Кёнигсберга в XVIII – начале XX в. [Суворов В.С.]. Работа освещает широкий круг тем: жилищное

строительство, питание, мода, утварь, средства передвижения, праздники, обычаи и обряды, городские легенды Кёнигсберга. К сожалению, использована исключительно литература на русском языке.

Митина Е.С. Развитие туризма в Калининградской области в 1991–2007 годах [Клемешева М.А.]. Рассматривается становление туристической отрасли региона в новых условиях постсоветского времени, анализируются факторы развития внутреннего и зарубежного туризма, приводятся статистические показатели, характеризующие деятельность турфирм. Несомненным достоинством работы является обстоятельный обзор нормативно-правовой базы туристической отрасли.

Ожогина Е.В. История писательских организаций Калининградской области [Маслов В.Н.]. Исследуется деятельность писательских организаций Калининграда и Балтийска в 1948–2001 гг.

Сорокина М.М. Социально-экономическое развитие лифляндских городов в XVII–XVIII веках [Маслов В.Н.]. Рассматриваются процесс и результаты экономического развития городов Лифляндии под властью Швеции в XVII в. и под властью России в XVIII в., в частности городское ремесло и мануфактурное производство, внутренняя и внешняя торговля. Интерес представляет и глава об административно-политическом устройстве лифляндских городов.

Трипутько Е.А. Общественно-политическая жизнь Кёнигсберга в 1871–1914 годах [Кретинин Г.В.]. В дипломной работе прослеживается взаимосвязь общественно-политической, культурной, религиозной жизни населения Кёнигсберга во второй половине XIX – начале XX в.

Ясинская Е.А. История посёлка Взморье Светловского городского округа Калининградской области [Клемешева М.А.]. Написанная в жанре микроистории, работа посвящена истории посёлка Гросс Хайдекруг (Взморье). Дана периодизация, описаны немецкий, советский и современный периоды. С некоторыми оговорками, работа может быть признана образцовым студенческим исследованием по микроистории.

2009 г.

Белинская Н.В. Проблема типологии конского снаряжения у древних пруссов [Ефремов Л.А.]. На обширном археологическом материале проанализированы состав и эволюция конского снаряжения пруссов в VIII–XIII вв. Работа снабжена иллюстративными приложениями.

Боровик А.В. История города Советска в период с 1965 по 1985 год [Ефремов Л.А.]. Работа даёт общее представление об успехах и трудностях социально-экономического, общественно-политического и культурного развития второго по величине города Калининградской области в эпоху «застоя».

Лебедева С.Г. Литва и Тевтонский орден в период с 1283 по 1411 год [Ефремов Л.А.]. На основе анализа средневековых хроник и обширной научной литературы воссоздана непростая история взаимоотношений одного из крупнейших государств Европы – Великого княжества Литовского и Орденского государства, большая часть дипломной работы посвящена военным конфликтам Литвы и Ордена.

Матвеева А.А. Градостроительство в Калининграде в период с 1966 по 1991 год [Клемешева М.А.]. В работе рассматриваются тенденции архитектурного планирования и реализация градостроительных планов в областном центре, показаны как достижения, так и противоречия данного периода развития городской застройки и архитектуры Калининграда, внимание уделено и отдельным архитектурным ансамблям, улицам и районам города.

Оснач Д.С. Политика Тевтонского ордена по отношению к пруссам в XIII–XIV веках [Зальцман Э.Б.]. Рассматриваются сложные взаимоотношения Орденского государства, немецких колонистов и коренного населения Восточной Пруссии. Автор подвергает критике господствующий в историографии тезис о массовом истреблении пруссов войсками Тевтонского ордена.

Родионова Е.В. Молодёжная политика в Калининграде на современном этапе [Клемешева М.А.]. Объектом внимания автора стали структуры, направления, информационное обеспечение, масштабы и результаты молодёжной политики последних лет.

Романова Е.П. Культурная жизнь Калининграда в период с 1991 года по 2005 год [Клемешева М.А.]. Осветив условия развития культурной жизни области на протяжении полутора десятилетий, автор дал характеристику основным направлениям развития культуры областного центра, а также наиболее ярким проявлениям калининградской духовной и художественной культуры.

**Кафедра зарубежной истории и международных отношений
2004 г.**

Танаев Д.В. Экономическое и политическое развитие Германии в 1990–1998 гг. [Золов А.В.]. Используя немецкие источники, автор анализирует особенности социально-экономического и государственно-политического развития восточной и западной частей единой Германии в период пребывания у власти ХДС/ХСС под руководством Г. Коля.

Пшеничная Ю.В. Начало партийного и государственного строительства в Восточной Германии (1945–1948 гг.) [Золов А.В.]. Основанная на обширной источниковой базе, работа посвящена становлению партийно-политической системы Восточной Германии, общественных организаций, центральных и местных органов управления. Внимание уделено также процессу денацификации и реформе системы образования.

Беспалов В.А. Людвиг Эрхард: идеолог и практик неолиберализма в Германии [Золов А.В.]. В работе подробно представлены результаты авторского анализа концепции социально-рыночной экономики Л. Эрхарда, её воплощения в политической практике и влияния на социально-экономическое развитие ФРГ.

2006 г.

Будаева И.В. Польский вопрос в политике СССР и Германии накануне Второй мировой войны [Костяшов Ю.В.]. В работе подробно освещены перипетии советско-германских переговоров 1938–1939 гг., дан анализ эволюции подходов руководства двух стран к решению «польского вопроса», пакта о ненападении 1939 г., секретного протокола, Договора о дружбе между СССР и Германией.

Кириленко А.А. Создание и формирование бундесвера (1949–1968 гг.) [Золов А.В.]. В дипломном сочинении на высоком уровне анализируется процесс превращения бундесвера в основную ударную силу НАТО в Европе. Автор рассматриваются вопросы структуры, организации, снабжения, кадрового состава офицерского корпуса вооружённых сил ФРГ на наиболее взрывоопасном этапе Холодной войны.

Лалэко В.А. Германский вопрос в политике великих держав в годы Второй мировой войны [Золов А.В.]. Помимо обстоятельного историографического обзора, работа содержит большое количество фактического материала и ценные приложения, иллюстрирующие различные планы решения «германской проблемы» британскими, советскими и американскими политиками, дипломатами.

2007 г.

Затеева Н.О. Польско-германские отношения в 1918–1925 гг. [Костяшов Ю.В.]. Анализируются двусторонние польско-германские отношения в период их становления после завершения Первой мировой войны. Центральное место в работе занимает проблема урегулирования пограничных споров.

Ковалёва М.А. Проблема Вильнюса в польско-литовских отношениях в межвоенный период [Костяшов Ю.В.]. Сочинение посвящено интересной и не до конца исследованной теме, связанной с историей польско-литовских отношений в межвоенное двадцатилетие. Проблема Вильнюса рассматривается в широком контексте международных отношений в Балтийском регионе, затрагивая позиции ведущих европейских держав, включая и СССР. При написании работы были использованы источники и исследования на русском, польском, белорусском, английском и литовском языках.

Козьменко А.В. Строительство военно-морского флота Германии в конце XIX – начале XX веков [Сергеев В.В.]. В дипломной работе дана характеристика военно-морского строительства в Германии в конце XIX в. и накануне Первой мировой войны. Мобилизованы историография и источники по теме на немецком языке. Строительство ВМФ Германии рассматривается комплексно – с экономической, инженерно-технической, правовой и политической точек зрения.

Мельникова О.С. Антанта и польский вопрос в годы Первой мировой войны [Костяшов Ю.В.]. Автор реконструирует динамику дискуссий и практических действий правительств стран – членов Антанты по решению «польского вопроса» накануне и в период Первой мировой войны. Исследование носит комплексный характер. Интересным представляется обращение к изучению места польского вопроса в дипломатической деятельности Временного правительства России и СНК в 1917–1918 гг.

Тарасенко И.Н. Партия Центра в Веймарской республике [Золов А.В.]. Автор последовательно рассматривает состав, программу и деятельность Партии Центра в период становления республиканского строя, стабилизации и мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Около половины наименований использованных источников и литературы – немецкоязычные.

2008 г.

Стеколыщиков Д.В. Коммунистическая партия Польши и Коминтерн [Костяшов Ю.В.]. В исследовании рассматривается интересная и в то же время трагическая история КПП в тесной связи с развитием Коммунистического Интернационала. По мнению автора, КПП стала жертвой двойственной политики СССР в отношении Польши в условиях нарастания угрозы мировой войны.

2009 г.

Зуев И.Н. Польско-российские отношения в годы Северной войны [Костяшов Ю.В.]. В работе рассматриваются взаимоотношения России с Речью Посполитой в контексте российско-шведского противостояния 1700–1721 гг. Дана характеристика дипломатических связей, военного взаимодействия, внимание уделено личным контактам Петра I и Августа II Сильного.

Шакаров А.С. Армия Крайова в период с 1939 по 1945 год [Костяшов Ю.В.]. Автор диплома преследует цель пересмотра сложившихся в отечественной историографии оценок роли Армии Крайовой в польском движении Сопротивления, её взаимодействия с советскими войсками.

Кафедра истории России

2009 г.

Брокер Е.Н. «Сталинский ампир» в советской архитектуре в период с 1946 года по 1955 год [Маслов Е.А.]. Дипломное сочинение посвящено анализу общенациональных тенденций и региональной специфики «сталинского ампира» на примере г. Калининграда в послевоенный период. Последняя глава исследования рассматривает период восстановления и застройки Калининграда на основе источников региональных архивов.

Раздел 4 НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. ИНИЦИАТИВЫ ПО РЕГИОНАЛИСТИКЕ

О.Х. Манько
(Калининград, Россия)

РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КУРСА «ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ РОССИИ. КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ»

Трансформация российского общества способствовала поиску путей совершенствования образования. Одним из магистральных направлений повышения качества образования является формирование активной личности, умеющей самостоятельно добывать знания и применять их в новой ситуации. В 2006 г. в Калининградской области началась реализация образовательного проекта по внедрению в учебный процесс курса истории края под названием «История западной России. Калининградская область» (далее – ИЗР). Остановимся дальше на том, что отличает ИЗР от других школьных гуманитарных (исторических) предметов, и как региональный учебник способствует созданию условий для более успешной реализации современной модели обучения, а следовательно, для развития познавательных способностей.

Проблема эволюции общих познавательных способностей (их изучение, структурирование, диагностика и развитие) стоит сегодня необычайно остро. Непрерывно растущий поток информации заставляет человека не только получать определённый, а чаще даже неограниченный объём знаний, но и, как никогда прежде до этого, овладевать общими принципами мышления, навыками умственного труда, умением использовать резервы своего интеллекта и творческого потенциала. Способность продуктивно мыслить становится одной из самых значимых для адаптации в современном глобализирующемся мире, заставляющем принимать разумные и нестандартные решения в

быстро меняющихся условиях. Поэтому проблема развития познавательных способностей имеет большое педагогическое значение.

Модернизация системы общего образования – это ответ общества и государства на вызовы современной эпохи. В условиях глобализации мировой экономики главными сокровищами нации выступают интеллект и умения граждан. А они зависят прежде всего от способности населения овладеть новыми умениями, особенно умениями определять задачи, находить новые решения и постигать моральные ценности.

В современной науке в перечне общих познавательных способностей человека особо выделяются:

- **интеллект** – способность к пониманию и решению проблем;
- **креативность** – способность к творчеству;
- **обучаемость** – способность, проявляющаяся в скорости и лёгкости приобретения новых знаний и навыков, в качестве усвоения учебного материала.

В общем виде формулу способности можно представить как отношение продуктивности приобретения способностей к условной «цене», заплаченной за их приобретение:

$$\text{СПОСОБНОСТЬ} = \frac{\text{ПРОДУКТИВНОСТЬ}}{\text{«ЦЕНА»}} \quad (1)$$

Иногда эта формула используется в её субъективной форме и выглядит несколько иначе¹:

$$\text{СПОСОБНОСТЬ} = \frac{\text{УСПЕШНОСТЬ}}{\text{ТРУДНОСТЬ}} \quad (2)$$

На наш взгляд, особую актуальность в настоящее время приобретают теоретические положения Л.С. Выготского о том, что «в основу воспитательного процесса должна быть положена личная деятельность ученика, и всё искусство воспитателя должно сводиться только к тому, чтобы направлять и регулировать эту деятельность... Учитель является с психологической точки зрения организатором воспитывающей среды, регулятором и контролёром её взаимодействия с воспитанником»².

¹ Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб., 2000. С. 12.

² Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1991. С. 82–83.

В новом демократическом образовании главной фигурой, согласно Л.С. Выготскому, является сам ребёнок как субъект собственной деятельности; учитель, пользуясь большими возможностями социальной среды, в которой живёт и действует ребёнок, может направлять и руководить личной его деятельностью с целью её дальнейшего развития. Учитель на современном уроке должен занимать позицию организатора, помощника, консультанта. Характер образования должен быть подлинно развивающим. Позиция «делай, как я», когда учитель на уроке у доски сообщает информацию, а дети «внимают», по-видимому, постепенно «уйдёт» из класса. Однако на практике добиться этого будет весьма сложно. Помехой здесь могут служить причины как объективного, так и субъективного характера:

- общая перегруженность учебных программ, в результате чего учитель просто не имеет необходимого времени для того, чтобы вести обучение активными методами;
- склонность учителей к простой проверке знаний, особенно при итоговой проверке знаний школьников;
- консервативный настрой значительной части педагогического сообщества;
- неумение многих учителей применять активные методы обучения в педагогической практике.

Как показывает опыт, часть педагогов не стремится детально разобраться в сути новых образовательных технологий. Например, популярные в настоящее время школьные проекты, школьное проектирование часто имеют весьма отдалённое отношение к тому, что представляет собой на самом деле проект как метод обучения.

Опыт преподавания нового школьного предмета «История западной России» выгодно отличается от ряда других предметов именно тем, что программа его не перегружена. Изначально в концепцию программы авторами учебника была заложена идея о том, что 50% учебного времени должно тратиться на изучение программного материала в классах, т.е. на приобретение теоретических знаний, а другие 50 % – на практические занятия со школьниками. Благодаря этому перед учителями открылось более широкое поле деятельности, появилась возможность не на словах, а на деле реализовать те подходы, которые декларированы Концепцией модернизации российского образования.

Курс ИЗР преподаётся в 6-х – 11-х классах общеобразовательной школы. Для его внедрения в учебный процесс был разработан учебно-методический комплекс, включающий в себя пособие для учителей,

хрестоматию для школьников, рабочие тетради, исторический атлас. Все материалы, кроме того, имеют интерактивную версию.

В настоящее время идёт апробация курса. Она заключается в практической проверке программных установок, в совершенствовании текстовой части учебника и учебных материалов. Осуществляются и экспериментальные проверки локального характера всего учебно-методического комплекса.

В частности, в результате преподавания курса «История западной России» выявилась необходимость исследовать влияние материала учебного курса на развитие познавательных способностей школьников, а также проанализировать условия развития общих познавательных способностей школьников при организации процесса по изучению курса.

Как уже было сказано выше, мы предполагаем, что курс ИЗР создаёт благоприятные условия для реализации модели развивающего обучения, использования активных методов обучения, организации самостоятельной работы ученика с опорой на помощь учителя, внедрения в процесс обучения компетентностного подхода.

Для исследования влияния на развитие познавательных способностей ведётся разработка инструментов и методов, с помощью которых можно измерить эффективность курса в развитии интеллекта и креативности школьников. Одним из способов оценки такой эффективности может служить анкетирование школьников. Цель анкетирования – побудить школьников дать оценку собственной мыслительной деятельности в процессе изучения ИЗР.

Анкета для самооценки деятельности учащегося на уроке по ИЗР состоит из вводной части и одиннадцати вопросов.

Во вводной части учащимся объясняются цели опроса и некоторые его особенности. Ушли мы и от тестовой особенности опроса: в нём нет «хороших» и «плохих» ответов. От учащихся требовалось выразить только своё личное мнение и уже накопленный, пусть и небольшой, опыт изучения исторических и других предметов.

1. В чём состоит отличие преподавания «Истории западной России» как учебного предмета в школе от других предметов?

2. Какова, на Ваш взгляд, цель преподавания «Истории западной России» в школе?

3. В чём заключается отличие преподавания «Истории западной России» по сравнению с другими школьными предметами гуманитарного цикла (история, литература и др.)?

4. Как часто на уроках «Истории западной России» бывают практические занятия, экскурсии, ролевые игры и пр.?

- а) никогда;
- б) несколько раз (1-5 раз);
- в) часто (более 5 раз в год);
- г) систематически (ежемесячно).

5. Какие творческие задания по предмету «История западной России» Вы получали в этом учебном году?

6. Участвовали ли вы в научно-практических конференциях по «Истории западной России»? (В своей школе, городе, районе, области – нужное подчеркнуть). Если выступали на конференциях, пожалуйста, укажите тему доклада.

7. Какие компьютерные презентации Вы делали по предмету «История западной России»?

8. Каким образом Вы используете ресурсы Интернета в изучении (на уроке или при подготовке домашнего задания) курса «История западной России»? Если можно, укажите наиболее популярные адреса интернет-ресурсов. Какими возможностями в развитии умственных (интеллектуальных и творческих) способностей, по Вашему мнению, обладает учебный курс «История западной России»?

9. Как помогает Вам в учёбе по другим предметам изучение курса «История западной России»?

10. Помогает ли изучение «Истории западной России» лучше понять события сегодняшнего дня?

Предполагалось, что ответы на три первых вопроса должны были дать информацию о том, как воспринимают школьники предмет ИЗР, выявить их отношение к предмету, оценить способность учащихся выделить особенности этого предмета в сравнении с другими предметами учебного плана (в еженедельном расписании учеников средней школы насчитывается до 17–18 предметов).

Вопросы с четвёртого по шестой были нацелены на получение информации об организации деятельности учащихся на уроке в рамках нового курса. Реализуются ли те преимущества, которые предоставляет программа, выделяя 50% учебного времени на отработку полученных школьниками знаний на практике?

Вопросы седьмой и восьмой включены в анкету с целью получения данных о том, как используются новые информационные технологии в рамках нового предмета. Мы полагаем, что модель преподавания ИЗР,

включающая в себя много форматов, в том числе и информационный, более продуктивна с точки зрения развития познавательных способностей.

Вопросы с девятого по одиннадцатый включены в анкету с целью выявления той практической пользы, которую уже сегодня школьники могут ощутить от изучения нового предмета. Ощутимые положительные эмоции имеют большое значение для интеллектуального развития школьников.

Пилотажное анкетирование было осуществлено на базе МОУ СОШ п. Гаврилово Озёрского района. В анкетировании приняли участие школьники средней школы 6, 7, 10 классов, в том числе 27 девочек и 25 мальчиков. Пилотажное исследование имело своей целью не только получение содержательных результатов, но проверку и корректировку разработанного списка вопросов. Результаты исследования помещены ниже.

Вопрос № 1 затруднений у школьников не вызвал. Учащиеся, независимо от уровня подготовки, чётко определяли место ИЗР в ряду школьных предметов:

Класс	Ответы
6	<ul style="list-style-type: none"> - <i>История западной России рассказывает про нашу Калининградскую область.</i> - <i>Мы подробно изучаем Калининградскую область.</i> - <i>Узнаём новое про нашу Родину.</i> - <i>Отличие в том, что это наша история, о нашем крае, где мы родились, где наша Родина.</i> - <i>Мы изучаем свой родной край.</i> - <i>На этих уроках одни задания развлекательные и развивающие, а на других предметах скучные и трудные.</i>
7	<ul style="list-style-type: none"> - <i>Этот предмет рассказывает нам историю нашей Родины, где мы родились, о людях, которые были за много лет до нас.</i> - <i>В том, что я изучаю свой город, район. Что было много-много лет назад.</i> - <i>Историю своего родного края знать интереснее и полезнее, чем историю других стран.</i> - <i>Мы изучаем именно наш край и его далёкое прошлое, а другие предметы такой информации дать не могут.</i> - <i>Только на этом предмете говорится, как жили люди в нашем крае до нас, чем занимались.</i>

10	<ul style="list-style-type: none"> - Отличие состоит в том, что по этому предмету мы делаем больше проектов. Этот предмет более интересный, творческий, мы на этом предмете делаем много исследовательских, научных работ, которые помогают нам глубже вникнуть в тему. - На всех предметах мы изучаем готовые материалы, а на ИЗР мы добываем информацию, перерабатываем и усваиваем. - Учимся работать с компьютером, развиваем свои способности.
----	--

Анализ ответов учащихся на 1-й вопрос показал, что шестиклассники и семиклассники в большей степени давали ответы, связанные с содержанием предмета, учащиеся средней школы – по существу преподавания.

Вопрос № 2 был трудным; были сомнения, смогут ли школьники, особенно в шестом и седьмом классе, ответить на вопрос о цели преподавания курса «История западной России» в средней школе. Однако абсолютно все анкетированные участники постарались дать ответ на поставленный вопрос.

Класс	Ответы
6	<ul style="list-style-type: none"> - Чтобы знать свой край. - Изучали историю каждого города или села. - Наша цель узнать новое о России. - Чтобы мы знали, что было на нашей земле до нас. - Этот урок про нашу страну, он нужен во всех школах и т.п.
7	<ul style="list-style-type: none"> - Показать и рассказать детям, какой была наша Родина несколько столетий назад. - Цель - в расширении наших знаний на земле, где мы живём. - Знали землю, на которой живём. - Лучшие узнали свою Родину, её надо изучать обязательно. - Каждый житель должен знать свою историю. - Чтобы мы знали историю России.
10	<ul style="list-style-type: none"> - Чтобы помочь ученикам лучше узнать свой край, «научить» уважать, гордиться и любить свою область. - Углубить и обновить знания о земле, на которой живём. - Через историю своего края приобщиться к истории всей России, почувствовать себя её частью. Стать патриотом. - Цель преподавания - это развитие гордости за свой край, свою Родину.

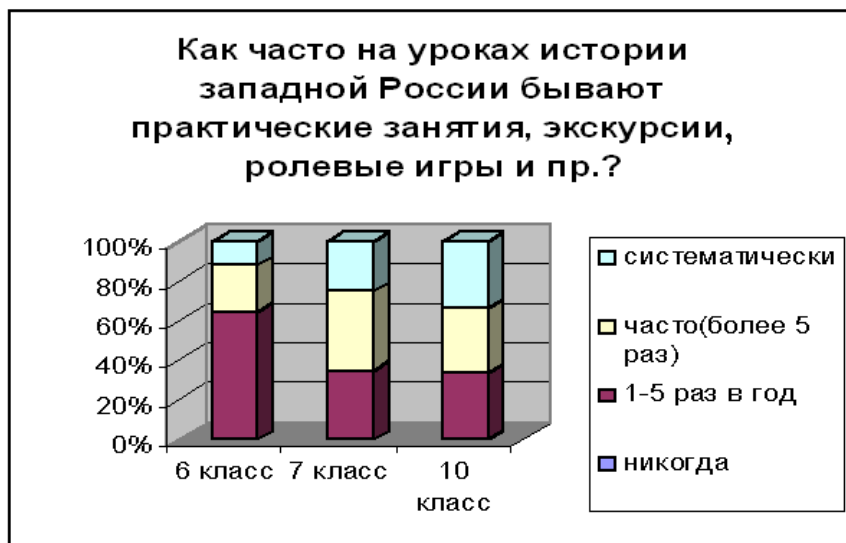
На вопрос № 3, не менее сложный, чем предыдущий, школьники дали интересные ответы, в которых подчеркнули, что изучение истории западной России является для них естественным продолжением и дополнением повседневной жизни. Дети в анкетах написали следующее:

Класс	Ответы
6	<ul style="list-style-type: none"> - На русском языке не объясняют про нашу область. - Я думаю, ответ такой же, как и на первый вопрос. - Этот предмет интересный, каждый хочет узнать про свою область.
7	<ul style="list-style-type: none"> - На других уроках мы не узнаем так много про Калининградскую область. - ИЗР изучает только одну область и её достижения. - Здесь мы изучаем про князей, королей, про прошлое России, а на литературе – про писателей. - Именно на этом предмете нас учат любить свой край. - Мы узнаём много новых слов и терминов от учителя. - Историю мы изучаем по учебнику, а историю западной России мы видим вокруг себя. - Главное отличие, что мы сами много делаем: готовим сценки, экскурсии, проделываем творческие работы, рисунки. - Нам легче ориентироваться в изучении этого предмета и преподавателю легко объяснять то, что до сих пор мы можем видеть с помощью исторических источников. - Здесь нет стихов, всё чётко, так что можно запомнить.
10	<ul style="list-style-type: none"> - Историю западной России мы изучаем практически, потому что нас окружают здания, люди и т.д. - Мы общаемся с различными людьми вне урока, смотрим видеохронику. - По-моему, отличие в том, что мы дополняем и расширяем имеющиеся знания, делая сообщения, проекты. - Все гуманитарные предметы мы изучаем теоретически, т. е. через книги и Интернет, а ИЗР - практически, потому что всё, что нас окружает, – люди, здания, названия и т.п. – является свидетелем и непосредственным участником этой истории. - ИЗР интересней, её легко изучать. - Отличие ИЗР от других предметов гуманитарного цикла в том, что по этому предмету мы изучаем про то, что было с нашими предками, про нашу землю, где мы родились, где родились наши родители и жили, а теперь живём мы.

Анализируя ответы школьников средних и старших классов на первые три вопроса, мы видим, что практически все дети выделяют отличия курса ИЗР от других школьных предметов вообще и гуманитарных в частности, но при этом лишь часть из них отделяют особенности содержания самого предмета от особенностей его преподавания. Но даже это всё-таки даёт возможность составить картину, которая показывает преимущества и сильные стороны этого школьного курса, опираясь на которые можно создать максимально благоприятные условия для развития познавательных способностей.

Ответы учащихся на вопрос № 4 представлены на рис. 1.

Рис. 1

Отвечая на вопрос № 5, учащиеся 6-го класса назвали подготовку визитных карточек, рисунков, кроссвордов, викторин, сочинений, групповую работу, составление простых и сложных вопросов. Только двое из числа принявших участие в анкетировании учеников не смогли ответить на этот вопрос. Ученики 7-го класса также отметили рисунки, исполнение ролей, работу в группах, сочинения, интервью с жителями посёлков, выполнение проектов на тему «Моя родословная». Ученики 10-го класса отметили работу в группах по различным темам,

исследовательскую работу по теме «Первые переселенцы». Проекты по различным темам, раскрывающим экономическое, культурное развитие края в послевоенные советские годы. Одна из анкетированных подчеркнула: «По истории западной России нам даётся много возможностей показать себя в творчестве».

Ответы на вопросы № 4 и № 5 позволяют делать вывод, что уроки ИЗР имеют весьма большой развивающий потенциал. Он формируется за счёт сбалансированности программы, которая не перегружена теоретическими занятиями. Учитель может не тратить много времени на проверку выполнения домашних заданий, а сэкономленное время использовать именно на активные методы обучения, дискуссии, работу в группе, проекты, школьные исследования. В учебном процессе, построенном на этих принципах, активной фигурой обучения становится ученик.

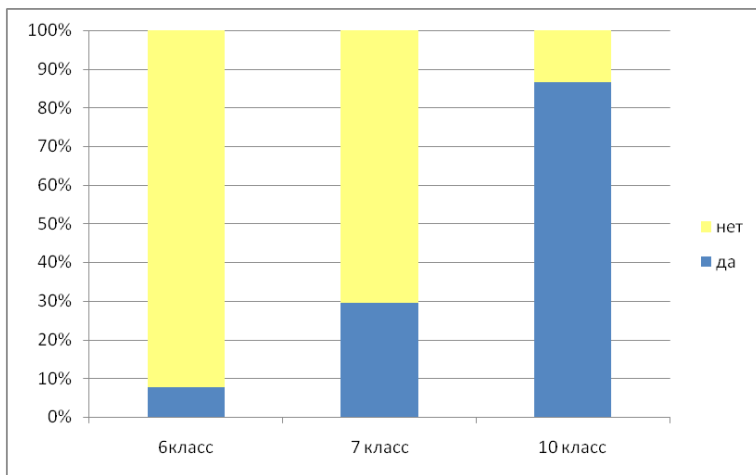
Ответы на вопрос № 6 показывают, что младшие подростки ещё не участвовали в конференциях, но при этом часть школьников подчёркивает: «Не участвовал, но очень хочется», некоторые из семиклассников ответили, что присутствовали в качестве зрителей на школьных конференциях по ИЗР. Ученики 10-го класса за два предыдущих года обучения уже приобрели навыки в проведении научных исследований. 47% принявших в опросе старшеклассников имеют опыт участия в научно-практических конференциях на уровне школы, района и области. 13% десятиклассников написали: «Я практически не участвую, но хотелось бы».

Ответы на вопросы № 7 и № 8 были также разнообразны и интересны, но мы посчитали необходимым графически выразить заинтересованность школьников в использовании в учебном процессе при изучении предмета ИЗР компьютерных технологий (рис. 2).

Прямо пропорциональная зависимость (чем старше класс, тем активнее используется возможность компьютера) объективна, но в то же время может служить и показателем некоторого отставания учеников в овладении компьютерными технологиями для развития своих познавательных возможностей.

Рис. 2

Применение компьютерных технологий учениками на уроках ИЗР

Вопрос № 9 был весьма сложным, так как предлагал ученикам проанализировать собственную мыслительную деятельность.

Класс	Ответы
6	<ul style="list-style-type: none"> - Я беседую дома с родителями на различные темы по ИЗР, тем самым узнаю больше нового и получаю дополнительное развитие. - Мы становимся умнее благодаря ИЗР, узнаём больше. - В этом учебном курсе можно научиться фантазировать, он много даёт для нашего развития. - ИЗР учит новым терминам, много даёт мне для умственного развития - Думаю, этот предмет развивает мой мозг.
7	<ul style="list-style-type: none"> - Я научилась более точно излагать свои мысли при изучении ИЗР. - ИЗР помогает мне мыслить, отгадывать загадки. - Помогает развивать речь, строить правильно свои мысли. - Есть о чём поговорить в свободное время. - Мы очень много читаем, размышляем, работаем в группе, развиваем память. - Развивает умение строить полный ответ, смекалку.

	- Я повышаю свои «умственные запасы», развивая навыки в мышлении, рисовании, актёрстве!
10	- Учимся исследовать и систематизировать. - Готова и оформляя проект, обучаемся работе за компьютером в различных программах; при написании эссе, докладов развиваем свои творческие способности. - Учебный курс ИЗР обладает большими возможностями в развитии интеллекта и творческих способностей, так как проекты способствуют этому. - Учебный курс «История западной России» предоставляет возможность думать научно и излагать свои мысли.

Анализ ответов учеников на вопрос № 10, позволил выделить значимую роль ИЗР в углублении знаний по истории России, РХК, истории Средних веков, на уроках «Живого слова» в 6-м классе, литературе, географии, изобразительном искусстве. Даты, термины легче усваиваются и запоминаются, так как повторяются через межпредметные связи. Ученики 10-го класса отметили особенно большую помощь ИЗР при изучении географии и истории России.

Вопрос № 11 оказался дискуссионным у школьников. 15 % учеников, принявших участие в анкетировании, просто не смогли ответить на него. Столько же ребят (16%) ответили «нет», обосновывая это тем, что предмет не связан с сегодняшним днём, поэтому не помогает разобраться в современной жизни. Остальные 69% написали, что предмет помогает им разобраться в сегодняшнем дне и быть более уверенными в своём будущем. Свой ответ они мотивировали тем, что знание предмета пригодится во многом, особенно при сдаче экзаменов, участии в олимпиадах, на уроках естествознания, поможет стать, например, археологом. Учащиеся больше узнают о своём районе, о военных событиях в нём, в целом о своей области. Были ответы и политического свойства (знание прошлого поможет руководству области более уверенно чувствовать себя в отношениях с соседями,) и патриотического (меняется в лучшую сторону отношение к Родине, к предкам, в будущем поможет рассказать об истории области своим детям и т.д.).

Анализ ответов учащихся показал, что курс «История западной России» создаёт благоприятные условия для развития познавательных способностей учащихся, так как:

- предоставляет больше времени для творчества;
- изучается не только теоретически, но и практически, непосредственно «на местности»;
- имеет тесные и непосредственные связи с социальной и культурной средой, в которой происходит развитие школьников;
- даёт возможность учителю широко применять активные методы обучения, не перегружая школьников;
- даёт возможность проводить школьные научные исследования.

Естественно, работа над анкетой будет продолжена, содержание некоторых вопросов будет доработано, возможно, что будут предложены новые вопросы. После этого опрос будет проведён в более широком масштабе, что позволит получить более объективные результаты.

А.Д. Чумаков
(Калининград, Россия)

ЗНАТЬ, ПОМНИТЬ, РАЗМЫШЛЯТЬ

Так можно попытаться определить замысел конференции, прошедшей 20 марта 2009 г. на историческом факультете РГУ им. И. Канта. Конференция была организована молодыми историками кафедры истории России и носила название «Вторая мировая война (1939–1945 гг.): стереотипы, факты, оценки, суждения». Указанное событие объединило как историков различных поколений, так и студентов исторического факультета. Работа конференции была организована в двух секциях: «Вторая мировая война и Советский Союз» и «Вторая мировая война и Германия». Речь шла о важнейших проблемах истории и предыстории войны в контексте противоборства двух её главных участников.

Во вступительном слове председатель постоянного комитета Калининградской областной Думы по международным отношениям и регламенту Б.С. Баталин подчеркнул важность проведения подобных мероприятий как одного из факторов привлечения внимания общественности к проблеме исторической памяти и объективного освещения событий Великой Отечественной и Второй мировой войны.

На пленарном заседании были обсуждены два доклада. Доклад профессора кафедры специальных исторических дисциплин и региональной истории РГУ им. И. Канта Г.В. Кретинина был посвящён военным комендатурам на территории Восточной Пруссии в период боевых действий (октябрь 1944 – 9 мая 1945 г.). Исследователь построил изложение темы на материалах архива Министерства обороны РФ. Неподдельный интерес аудитории вызвали суждения Г.В. Кретинина о соотношении сил перед штурмом Кёнигсберга, его оценки действий противоборствующих сторон и значения операций Советской армии в развитии военного искусства.

В докладе студента 4-го курса исторического факультета Д. Смирнова была сделана попытка (и небезуспешная) охарактеризовать, опираясь на опубликованные материалы, военно-стратегическое планирование Советских вооружённых сил накануне Великой Отечественной войны. Интерес аудитории вызвали размышления докладчика о проблеме «внезапного нападения» Германии на СССР, документальные оценки работ В. Резуна (Суворова) и его сторонников. Д. Смирнову удалось показать основной спектр оценок по данной проблематике.

Далее работа протекала в двух секциях. В секции «Вторая мировая война и Советский Союз» аспирантка кафедры истории России М.А. Назаренко, опираясь на документы и опубликованные работы последних лет, охарактеризовала современные споры вокруг англо-франко-советских переговоров лета 1939 г. Эту проблематику М.А. Назаренко совершенно справедливо рассмотрела в контексте сложной международной обстановки последних предвоенных месяцев, включив в свой доклад и вопрос о субъективном факторе – роли политиков, лидеров ведущих стран накануне Второй мировой войны.

Доклад доцента кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта А.Д. Чумакова был посвящён недостаточно изученной теме – геополитическим идеям Рихарда Зорге. Докладчик на основе работ известного разведчика и исследователя попытался проанализировать характеристику, данную Рихардом Зорге международной обстановке накануне Второй мировой войны и роли ведущих держав в её развязывании. Студентка 4-го курса исторического факультета Е. Иванова, опираясь на исследования историков последних лет, предложила свое видение непростой и противоречивой проблемы депортации народов в СССР в период Второй мировой войны.

Удачным был дебют учащейся гимназии №40 М. Евтушевой (научный руководитель О.Ю. Кикас) показавшей в своем выступлении

роль Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны.

Во второй секции, связанной с темой «Вторая мировая война и Германия», значительное место было уделено региональной истории. Д.В. Золотов, используя разнообразные источники, в том числе немецкие и польские материалы, осветил роль немецкого флота в борьбе за Пруссию в январе-апреле 1945 г., показав влияние его действий на развитие событий на сухопутном фронте. Ассистент Д.В. Манкевич, опираясь на архивные документы, охарактеризовал воздействие войны на формирование населения уже послевоенной Калининградской области.

И.М. Татаркин, студент 5-го курса исторического факультета сосредоточил своё внимание на проблеме взаимоотношений казачества и немецких оккупационных властей (на примере Сталинградской области), попытался охарактеризовать тему коллаборационизма. Студент первого курса М.А. Лысенко обратился к вопросу о взглядах на военные действия солдат противника – германского рейха, привлекая мемуарную литературу и специальные исследования.

Отрадно отметить, что в конференции приняли участие не только докладчики, но и студенты 2–4-х курсов исторического факультета. Обсуждение докладов было активным. Обозначились темы, заинтересовавшие аудиторию. Это проблемы происхождения Второй мировой войны (военно-политические, дипломатические основы), вопросы подготовки нашей страны к отражению агрессии, люди на войне, роль церкви и другие. Вполне естественным было особое внимание к спорным аспектам подготовки и осуществления Восточно-Прусской операции.

Таким образом, конференция, обозначенная как научно-гуманитарная, не прошла даром. Участники подчеркнули необходимость сделать её по-возможности периодической, дополнив практикой проблемных семинаров по тем или иным аспектам Второй мировой и Великой Отечественной войны.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баторшина Ирина Александровна, аспирантка кафедры специальных исторических дисциплин и региональной истории РГУ им. И. Канта.

Брокер Елена Николаевна, студентка 5-го курса исторического факультета РГУ им. И. Канта.

Голованов Максим Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта.

Грекова Юлия Сергеевна, учитель истории и обществознания лицея №49.

Дементьев Илья Олегович, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта.

Дороничева Вера Намиковна, аспирантка кафедры специальных исторических дисциплин и региональной истории РГУ им. И. Канта.

Золотов Дмитрий Владимирович, выпускник аспирантуры кафедры истории России РГУ им. И. Канта.

Кретинин Геннадий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и региональной истории РГУ им. И. Канта.

Манкевич Дмитрий Владимирович, ассистент кафедры истории России РГУ им. И. Канта.

Манкевич Мария Анатольевна, аспирантка кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта.

Манько Ольга Хусейновна, аспирантка кафедры специальных исторических дисциплин и региональной истории РГУ им. И. Канта, учитель истории Гавриловской СОШ Озёрского района.

Мегем Максим Евгеньевич, аспирант кафедры специальных исторических дисциплин и региональной истории РГУ им. И. Канта.

Фёдорова Ольга Геннадьевна, аспирантка кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта.

Чапенко Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Мурманского государственного педагогического университета.

Чумаков Александр Дмитриевич, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта.

Научное издание

БАЛТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальные проблемы истории
Юго-Восточной Прибалтики в XX веке

Сборник научных трудов

Выпуск 4

Ответственный редактор Илья Олегович Дементьев

Корректоры Е. Сорокоумова, П. Щербаков

Подписано в печать 10.06.2009. Формат 60 x 90 1/16
Гарнитура «Таймс». Бумага для множительных аппаратов.
Усл. печ. л. 8,9. Уч.-изд. л. 7,2. Тираж 120 экз.

Издательство «НЭТ»
236000, г. Калининград, ул. Мусоргского, 10, корп 16а